

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»

На правах рукописи

Щедрина Ирина Олеговна

**САМОСОЗНАНИЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ:
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

диссертация

на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор, академик РАН
В. А. Лекторский

Москва, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Роль нарратива в построении образа Я	20
1.1. Самосознание как самопереживание, как индивидуальная память и как образ Я	20
1.2. Автобиографический нарратив и образ Я. Роль рассказов о себе, исповедей и дневников в формировании индивидуального самосознания	37
1.3. Реализм и конструктивизм в подходе к нарративному самосознанию. Как возможно сочетание искренности и самообмана в автобиографических нарративах?	55
Глава 2. Я и Другой в нарративном самосознании	68
2.1. Нарративное самосознание как рассказ для себя и рассказ для других	68
2.2. Эпистемологические аспекты «признания» как нарративного феномена	80
2.3. Активная роль Другого в построении рассказа обо мне. Кто автор моего нарратива о себе?	94
Заключение	111
Список литературы	115

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Тема данной работы – познавательный статус автобиографического нарратива (от лат. *narratio* – повествование, рассказ) и, соответственно, нарративные аспекты самосознания – является актуальной для современной эпистемологии. И прежде всего потому, что в теоретико-познавательном ключе в ней рассматривается соотношение самосознания и нарратива. Эпистемологическое исследование соотношения самосознания и автобиографического нарратива касается важнейших для человека XXI века вопросов, связанных с проблемой идентичности и самоидентификации. В современном меняющемся мире моменты связи автобиографического нарратива и самосознания, индивидуальная память, зафиксированная в нарративе, осмысление человеком своей жизни приобретают особую значимость. А это значит, что их значение для современных социальных и гуманитарных исследований, акцентирующих внимание на антропологических и экзистенциальных аспектах человеческой деятельности, возрастает. И в свою очередь, они могут пролить дополнительный свет на исследования процессов самоидентификации личности в различных областях гуманитарного знания. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы создания образа индивидуального Я, и в этом же контексте появляется проблематика автобиографического нарратива как некоторой формы самообмана. Самосознание человеческого Я – традиционная область исследований психологов, однако в философском ракурсе акцент делается на само-осознании Я человеком, и потому в данном случае на передний план выходят когнитивные (эпистемологические) моменты данной тематики.

В контексте данной проблематики имеет особое значение роль Другого в построении автобиографического нарратива. При работе с текстами человек использует информацию и факты, полученные во многом от других людей. Более того, его собственные средства выражения формируются благодаря

присутствию в этом мире Других. В процессе написания исповеди или дневника их автор всегда имеет перед собой образ будущего читателя. Это означает, что тема соотношения автобиографического нарратива и самосознания коррелятивна теме соотношения Я и Другого в контексте феномена признания. (Здесь необходимо уточнить, что под «признанием» понимается «reconnaissance»¹; термин, тщательно проанализированный П. Рикёром.) В самом деле, эта корреляция позволяет по-новому поставить вопрос о роли Другого при построении автобиографического повествования в частности и взгляде на себя в целом. При этом актуальность соотношения автобиографического нарратива и самосознания проявляется еще и в контексте современных трактовок историзма человеческого бытия (историчности человеческой жизни). Таким образом, эпистемологический анализ проблемы соотношения автобиографического нарратива и самосознания позволяет вывести на новый уровень традиционные психологические, социологические и культурно-исторические исследования самоидентификации.

Степень разработанности проблемы

Эпистемологическая специфика соотношения самосознания и автобиографического нарратива до сих пор недостаточно проработана в философской и научно-гуманитарной литературе. Когнитивная и нарративная тематики рассматриваются, как правило, сами по себе, как некоторые структурные элементы психологических, лингвистических, культурологических, антропологических и других исследований. Отдельно изучается самосознание, отдельно нарративы, в частности, автобиографические. Хотя в начале XXI века именно соотношение самосознания и нарратива привлекает все большее внимание ученых. Здесь сказывается влияние лингвистического поворота, а также особый интерес к языку как важнейшей области гуманитарной предметности. Особое место

---

¹ В отличие от «aveu», несущего в себе смысловой оттенок вырванной тайны, и «confession», покаяния, исповеди, под «reconnaissance» подразумевается именно признание как принятие.

в исследовании соотношения самосознания и нарратива принадлежит Й. Брокмейеру и Р. Харре, которые проанализировали современную специфику нарративного подхода, а также проблемы наррации, идентичности и Я². В этом контексте на передний план выходят проблемы автобиографической памяти, признания, соотношение Я – Другой и т. п.

Хотя данная тематика разрабатывается в психологии, лингвистике, истории и других гуманитарных областях, в первую очередь необходимо представить философско-эпистемологические аспекты исследуемой проблематики. В настоящее время сложилось множество различных подходов к изучению самосознания; особое внимание уделяется эпистемологической специфике и неявным культурным и социальным предпосылкам человеческой самоидентификации через автобиографический нарратив.

В зарубежной философской мысли за последние два десятилетия появилось множество работ, связанных с обсуждением эпистемологического статуса сознания и самосознания. Возникают дискуссии между сторонниками реализма и антиреализма, обсуждаются возможности исследования сознания и самосознания в рамках критики релятивизма, конструктивизма, социального конструкционизма и др.³

В числе ключевых исследований второй половины XX века, оказавших влияние на современное состояние проблемы сознания и самосознания, следует отметить работы Я. Хакинга, Ж.-Л. Лё Муаня, У. Найссера, Э. фон Глазерсфельда⁴ и др. (современным спорам и концепциям

---

² Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–43; Harre R. *Personal Being: A Theory for Individual Psychology*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984; Харре Р. Социальная эпистемология: передачи знания посредством речи // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 49–60; Brockmeier J. *Reaching for meaning: Human agency and the narrative imagination* // *Theory and Psychology*. 2009. Vol. 19. Issue 2. April. P. 213–233.

³ См. труды Э. Захара, С. Брока, Э. Мэйрса, Дж. Хайнцмана: Zahar E. *Essai d'épistémologie réaliste*. Paris: Vrin, 2000; Brock S., Mares E. *Realism and Anti-Realism*. Durham, 2007; Heinzmann G. *L'intuition épistémique. Une approche pragmatique du contexte de justification en mathématiques et en philosophie*. Paris: Vrin, 2013.

⁴ Hacking I. *The Social Construction of What?* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; Le Moigne J.-L. *Les Épistémologies constructivistes*. Paris: Presses Universitaires de France, 1995; Neisser U. *Cognitive Psychology*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1967; Neisser U.

в когнитивных науках можно посвятить отдельное эпистемологическое исследование).

Среди отечественных философов, исследующих проблемы сознания и самосознания в эпистемологическом контексте, необходимо особенно отметить И. Т. Касавина, Е. Н. Князеву, Н. И. Кузнецову, В. А. Лекторского, В. Н. Поруса, Б. И. Пружинина, Е. О. Труфанову и др.⁵ Они критически переосмысливают существующие подходы к проблеме сознания и самосознания, а также расширяют поле современной эпистемологии, разрабатывая новые ее направления: конструктивный реализм, социальную эпистемологию, энактивизм и эпистемологический конструктивизм,

---

Cognition and Reality: Principles and Implications of Cognitive Psychology. San Francisco: W. H. Freeman, 1976; *Glaserfeld E. von*. The construction of knowledge: Contributions of conceptual semantics. Seaside, CA: Intersystems Publications, 1987; *Glaserfeld E. von*. Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. Bristol: Falmer Press, 1995.

⁵ Познание, понимание, конструирование / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2008; Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В. А. Лекторский М.: Канон+, 2009; Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+, 2015; *Лекторский В. А.* Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 19–26; Перспективы реализма в современной философии: Сб. трудов / Под ред. В. А. Лекторского. М.: Канон+, 2017; *Касавин И. Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008; *Касавин И. Т.* Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013; *Касавин И. Т.* Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь мир, 2016; *Касавин И. Т.* Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. Т. XV. № 1. С. 5–14; *Князева Е. Н.* Конструктивистская эпистемология // Философские науки. 2010. № 11. С. 88–103; *Князева Е. Н.* Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.–СПб., 2014; *Кузнецова Н.И.* Историческая эпистемология в поисках символического статуса // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 29–32; *Порус В. Н.* Affordance как эпистемологическая новация «Конструктивного реализма» // Эпистемология и философия науки. 2014. № 4 (42). С. 41–45; *Порус В. Н.* Социально-эпистемологический взгляд на культурно-историческую психологию // Стиль мышления: проблемы исторического единства научного знания. К 80-летию В. П. Зинченко / Под ред. Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 43–59; Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы: К 70-летию Б. И. Пружинина / Сост. Н. С. Автономова, Т. Г. Щедрина, науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2014; *Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г.* Конструктивный реализм, или Как возможна культурно-историческая реальность // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 27–31; *Пружинин Б. И.* Идеи культурно-исторической эпистемологии в русской философии // Философские науки. 2015. № 2. С. 119–126; *Труфанова Е. О.* Единство и множественность Я. М.: Канон+, 2010; *Труфанова Е. О.* Я как реальность и как конструкция // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 100–112; *Труфанова Е. О.* Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+, 2018.

эпистемологический контекстуализм, культурно-историческую эпистемологию и т. д.

В 1980–1990-х годах интерес к нарративам в контексте исследований самосознания и «Я» (в том числе и проблемы диалогичности самосознания и множественности «Я») проявляют психологи и психиатры Р. Джекендофф, Дж. Эльстер, Б. Брасен, С. Хартер, Дж. Снодграсс и Р. Томпсон, Г. Херманс и Г. Кемпен, Р. Дж. Лифтон, Р. Бернс и др., открывая тем самым возможности для дальнейших компаративистских исследований, предполагающих междисциплинарные связи между эпистемологией и когнитивной психологией, психологией и нарратологией и т. д.⁶ В рамках так называемого «когнитивного поворота» появляются исследования на стыке психологии и эпистемологии⁷. Поворот к нарративу, связывающий его с психологией, совершили М. Уайт и Д. Эпстон⁸, разработавшие особое направление — нарративную психологическую практику. Они подчеркивали, что реальность непрерывно конструируется во взаимодействии людей, создании историй и нарративов, непрерывных контактах в социальном, культурном и историческом контексте.

---

⁶ *Jackendoff R.* Consciousness and the Computational Mind. London: MIT, 1987; *Jackendoff R.* Semantics and Cognition. London: MIT, 1983; *Elster J.* The multiple Self. New York: Cambridge University Press, 1985; *Bracken B. A.* (ed.). Handbook of Self-Concept. New York, Chichester, Brisbane, Toronto, Singapore: John Wiley & Sons, Inc, 1996; *Harter S.* The construction of the Self. A Developmental Perspective. New York, London: The Guilford Press, 1999; *Snodgrass J. G., Thompson R. L.* (eds.). The Self across Psychology: Self-Recognition, Self-Awareness, and the Self Concept. New York: New York Academy of Sciences, 1997; *Hermans H. J. M., Kempen H. J. G.* The Dialogical Self. Meaning as Movement. San Diego: Academic Press, 1993; *Lifton R. J.* The protean self. Human resilience in an age of fragmentation. New York: Basic Books, 1993; *Burns R. B.* Self-Concept Development and Education. London; New York: Holt, Rinehart and Winston, 1982; *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ. под ред. В. Я. Пилиповского. М.: Прогресс, 1986.

⁷ См. работы У. Найссера, М. Джонсона и др.: *Neisser U.* Cognitive Psychology...; *Johnson M.* The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987.

⁸ Об этом подробнее см.: *White M., Epston D.* Narrative Means to Therapeutic Ends. New York: Norton, 1990. См. также: *White M.* Narrative practice with families and children: Externalising conversations revisited // *White M., Morgan A.* (eds.). Narrative therapy with children and their families. Adelaide Australia: Dulwich Centre Publications, 2006. P. 1–56.

Во многом на эти психологические исследования повлияли идеи Дж. Брунера о нарративной обусловленности человеческой жизни и идентичности⁹.

Отметим также исследования, в которых пересекаются нарратология и когнитология¹⁰ (Т. Р. Сарбин, Я. Манфред, М. Жильбер), и работы Р. Перрона, который опирался на естественнонаучные аспекты психолингвистики в процессе самопрезентации¹¹. Кроме того, с биологическими контекстами в самопознании и самоописании (самосознание здесь выступает как особая область взаимодействий) также работали У. Матурана, Ф. Варела и другие представители энактивизма¹².

Помимо споров о реальности и воплощенности индивидуального самосознания и Я, важное место в работе занимают психологические исследования, связывающие самосознание с мнемическими процессами¹³, с памятью того или иного типа (работы Э. Тулвинга, Дж. Килстрема, П. Широ, Л. Пети, Д. М. Джонса, Дж. Э. Марша, Р. У. Хьюза, Г. Коме, А. Лежёна, К. Мори-Руан)¹⁴, а также с идентичностью □ личной, культурной, социальной,

---

⁹ Bruner J. Life as Narrative // Social research. 2004. Vol. 71. № 3. P. 691–711; Bruner J. The Narrative construction of reality // Critical Enquiry. 1991. Vol. 18 (1). P. 1–21; Bruner J. Pourquoi nous racontons-nous des histoires? / Trad. de l'anglais par Y. Bonin. Paris: Retz, 2002.

¹⁰ Sarbin Th. R. The narrative as root metaphor for psychology // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. New York: Praeger, 1986. P. 3–21; Manfred J. Frames, Preferences, and the Reading of Third-Person Narratives: Towards a Cognitive Narratology // Poetics Today. 1997. Vol. 18. № 4. P. 441–468; Manfred J. Windows of Focalization: Deconstructing and Reconstructing a narratological Concept // Style. 1996. Vol. 30. № 2. P. 214–267; Gilbert M. L'identité narrative. Une reprise à partir de Freud de la pensée de Paul Ricoeur. Genève: Labor et Fides, 2001.

¹¹ Perron R. Les représentations de soi. Développements, dynamiques, conflits. Toulouse: Privat, 1991.

¹² Матурана У. Биология познания / Пер. с англ. Ю. М. Мешенина // Язык и интеллект / Сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1996; Maturana H. R., Varela F. J. El Arbol del Conocimiento: Las Bases Biologicas del Conocer Humano. Santiago: Editorial Universitaria, 1984 (Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001); Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Mass.: MIT Press. 1991.

¹³ См., напр.: Николаева Ж. В. Аналитический обзор современных итальянских концепций памяти // Studia Culturae. 2016. Т. 4. № 30. С. 70–80.

¹⁴ Tulving E. Episodic and semantic memory // Tulving E., Donaldson W. (eds.). Organization of Memory. New York: Academic Press, 1972. P. 381–402; Kihlstrom J. F. «So That We Might Have Roses in December»: The Functions of Autobiographical Memory // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 23 (8). P. 1179–1192; Kihlstrom J. F. Memory, autobiography,

исторической (работы В. В. Нурковой, П. Уэлле, С. Ареля, Дж. Люпьян, А. Нусса, К. Россе Дж. Брокмейера и Д. Карбауха, Ю. Б. Турушевой, Е. С. Кутковой, Е. Е. Сапоговой, Ю. Е. Зайцевой)¹⁵. Интересны также исследования автобиографической памяти Ф. Эсташа, Б. Дегранжа, П. Пиолино¹⁶. Отдельно отметим и коллективные монографии, посвященные исследованию рабочей памяти (в некоторых русскоязычных исследованиях она также называется «оперативной»)¹⁷. Еще один аспект соотношения автобиографического нарратива и самосознания раскрывается в исследованиях В. Карро, С. Шовье, М. Шастена, Э. Мишон, посвященных проблеме «Я»¹⁸.

Напрямую связанная с нарративом и с соотношением «Я – Другой» тема признания обстоятельно исследована П. Рикёром, философские труды которого

---

history // *Proteus: A Journal of Ideas*. 2002. Vol. 19. № 2. P. 1–6 [special issue on memor]; *Chirot P.* Mémoire. Les nouvelles découvertes. Les theories controversées. Les mystères inexplicés. Paris: Trajectoire, 2011; *Petit L.* La mémoire. Paris: Presses Universitaires de France, 2006; *Jones D. M., Marsh J. E., Hughes R. W.* Retrieval From Memory: Vulnerable or Involable? // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2012. Vol. 38. № 5. P. 905–922; *Comet G., Lejeune A., Maury-Rouan C.* Mémoire individuelle, mémoire collective et histoire. Marseille: Solal Editeurs, 2008.

¹⁵ *Нуркова В. В.* Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // *Мир психологии*. 2004. № 2. С. 77–87; *Ouellet P., Harel S., Lupien J., Nouss A.* (éds). Identités narratives. Mémoire et perception. Québec: Presses de l'Université Laval, 2002; *Rosset C.* Loin de Moi. Étude sur l'Identité. Paris: Les Éditions de Minuit, 1999; *Brockmeier J., Carbaugh D.* (eds.). Narrative and Identity. Studies in Autobiography, Self and Culture. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001; *Турушева Ю. Б.* Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности // *Психологические исследования*. 2014. № 7 (33). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/932-turusheva33.html> (дата обращения: 20.03.2018); *Кутковая Е. С.* Нарратив в исследовании идентичности // *Национальный психологический журнал*. 2014. № 4 (16). С. 23–33. URL: <file:///C:/Users/%D0%B8%D1%80%D0%B0/Downloads/narrativ-v-issledovanii-identichnosti.pdf> (23.03.2018); *Сапогова Е. Е.* Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // *Культурно-историческая психология*. 2005. № 2. С. 63–74; *Зайцева Ю. Е.* Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // *Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология*. 2016. Вып. 1. С. 118–136.

¹⁶ *Desgranges B., Eustache E., Piolino P.* La Mémoire Autobiographique: Théorie et Pratique. Marseille: Solar, 2000; *Eustache F., Desgranges B.* Les chemins de la mémoire. Paris: Inserm, 2010.

¹⁷ *Logie R. H., Gilhooly K. J.* (eds.). Working Memory and Thinking. Hove: Psychology Press Ltd., 1998; *Andrade J.* (ed.). Working Memory in Perspective. New York: Psychology Press, 2001.

¹⁸ *Carraud V.* Qui est le moi? // *Les Études Philosophiques*. 2009. № 1. P. 63–83; *Chauvier S.* Ce que «je» dit du sujet // *Les Études Philosophiques*. 2009. № 1. P. 117–135; *Chastaing M.* Les Autres comme soi-même. Le faux problème de la connaissance d'autrui. Paris: Classiques Garnier, 2016; *Michon H.* La connaissance de soi: un chemin spirituel? // *Corpus, revue de philosophie*. 2012. № 63. P. 83–100.

посвящены проблеме идентичности и нарратива, специфике репрезентаций и нарративов в историческом дискурсе¹⁹. Не меньший интерес к проблеме самосознания и нарратива проявляют историки и методологи истории. Так, Ж.-Ф. Ревель²⁰ изучает проблему сознания с исторической и цивилизационной точки зрения. Д. Карр, Ф. Глисон, П. Аршамбо обращаются к школе «Анналов», где ставились акценты на микроистории, на позиции участника истории, на восприятии событий²¹.

В отдельную группу можно выделить современные филологические и лингвистические исследования нарратива и нарративности (труды С. Н. Зенкина, А. В. Борисенковой, В. И. Тюпы, В. Л. Лехциера, Д. Кон, В. Шмида, Д. Хермана, Ф. Реваз, М. Флудерник²², С. Чатмана и др.)²³. Отметим также ставшие с 1960-х годов классическими исследования Ц. Тодорова, Ж. Женетта, А.-Ж. Греймаса, Ж. Принса²⁴. Нарративные категории по-новому

---

¹⁹ *Ricoeur P. Réflexion faite. Autobiographie intellectuelle. Paris: Esprit, 1995; Ricoeur P. Parcours de la reconnaissance. Trois études. Paris: Stock, 2004.*

²⁰ *Revel J.-F. La connaissance inutile. Paris: Hachette; Pluriel, 1988.*

²¹ *Carr D. Time, Narrative and History. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1991; Gleason Ph. Identifying Identity: A Semantic History // Journal of American History. 1983. Vol. 69. № 4. P. 910–931; Archambault P. J. Autobiography and the Hunger for History: An Interview with Jacques Le Goff // Symposium: A Quarterly Journal in Modern Literatures. 1998. Vol. 51. № 4 (Autobiography and the Hunger for Scholarship). P. 247–273.*

²² В транскрипции А. Жулитовой – Флудерник, у В. Шмида – Флудерник.

²³ *Зенкин С. Критика нарративного разума // Новое литературное обозрение (НЛО). 2003. № 59. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zen.html> (дата обращения: 15.04.2018); Борисенкова А. В. Нарративный поворот и его проблемы // НЛО. 2010. № 103. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/bo31-pr.html> (дата обращения: 15.02.2018); Тюпа В. В. Очерк современной нарратологии. Критика и семиотика. Вып. 5. М.: РГГУ, 2002. С. 5–31. URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs5tjupa.htm> (15.03.2018); Лехциер В. Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 5–8. URL: http://www.intelros.ru/pdf/isl_kult/2013_01/1.pdf (дата обращения: 10.03.2018); Cohn D. The distinction of fiction. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1999; Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shmid-narratology.pdf> (дата обращения: 01.02.2018); Herman D. Narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 2012; Herman D., Phelan J., Rabinovitz P. J., Richardson B., Warhol R. (eds.). Narrative Theory. Core Concepts & Critical Debates. Columbus: The Ohio State University Press, 2012; Revaz F. Introduction à la narratologie. Action et narration. Bruxelles: De Boek Duculot, 2009; Barony R., Revaz F. Narrative Sequence in Contemporary Narratology. Columbus: The Ohio State University Press, 2016; Fludernik M. Towards a «Natural» narratology. London, New-York: Routledge, 1996; Chatman S. Coming to Terms. The Rhetoric of Narrative in Fiction and Film. Ithaca, London: Cornell University Press, 1990.*

²⁴ *Todorov T. Les genres du discours. Paris: Seuil, 1978; Genette G. Nouveau discours du récit. Paris: Seuil, 1983; Greimas A. J. Narrative Grammar: Units and Levels // Modern*

рассматриваются в таких направлениях современной нарратологии, как, например, неестественная (unnatural) нарратология, трансмедиаальная, когнитивная, функционалистская и историческая). В настоящее время действует международный проект «Теория и интерпретация нарратива», в рамках которого были изданы «Нарративный дискурс: авторы и рассказчики в литературе, кино и изобразительном искусстве» П. Хогана, «Нарративная теория: центральные концепты и критические дебаты» Д. Хермана, Дж. Фелана, П. Рабиновича, Б. Ричардсона и Р. Уорхол, «Реальные тайны: нарратив и непостижимое» П. Эббота, а также «Неестественный нарратив: теория, история и практика» Б. Ричардсона²⁵.

С лингвистической, культурологической и исторической точек зрения изучал феномен автобиографии Ж.-Ф. Куро²⁶. Соотношение личного и выставяемого на обозрение в автобиографическом нарративе стало предметом интереса С. Юбье²⁷. Ф. Гаспарини в своих работах изучал автобиографию именно как жанр, выявляя ее специфику²⁸. Дальше всех по пути типологизации пошли С. Смит и Дж. Уотсон, выделившие в 2001 году пятьдесят два вида автобиографического нарратива²⁹. В числе исследователей феномена автобиографии необходимо отметить супругов Дж. и Э. Лекарм,

---

Language Notes. 1968. № 86. P. 793–806. *Prince G.* A Dictionary of Narratology. Lincoln & London: University of Nebraska Press, 1987; *Prince G.* Narratologie classique et narratologie post-classique. 2006. URL: <http://www.vox-poetica.org/t/prince06.htm> (дата обращения: 20.02.2018); *Prince G.* Narratology: The form and function of narrative. Berlin: Mouton, 1982.

²⁵ *Hogan P. C.* Narrative Discourse: Authors and Narrators in Literature, Film, and Art. The Columbus: Ohio State University Press, 2013; *Herman D.* ... at al. Narrative Theory: Core Concepts and Critical Debates. Columbus: The Ohio State University Press, 2013; *Abbott P. H.* Real Mysteries: Narrative and the Unknowable. Columbus: The Ohio State University Press, 2013; *Richardson B.* Unnatural narrative: Theory, History and Practice. Columbus: The Ohio State University Press, 2015.

²⁶ *Couroau J.-F.* L'autobiographie et les langues de France. Paris: Garae Hésiode, 2010.

²⁷ *Hubier S.* Littératures intimes. Les expressions du Moi, de l'autobiographie à l'autofiction. Paris: Armand Colin, 2003.

²⁸ *Gasparini Ph.* Autofiction vs autobiographie // Tangence. Enjeux critiques des écritures (auto)biographiques contemporaines. Numéro prepare R. Dion, M. Auger. Québec, 2011. № 97. P. 11–25; *Gasparini Ph.* Autofiction. Une aventure du langage. Paris: Éditions du Seuil, 2008; *Gasparini Ph.* Est-il Je? Paris: Éditions du Seuil, 2004.

²⁹ *Smith S., Watson J.* Reading Autobiography. A Guide for Interpreting Life Narratives. London, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001.

Д. Занона, М. Майар, П. Малерье, Г. Мэй и Дж. А. Мелмана, а также Д. Миро³⁰. Однако ключевой фигурой в истории автобиографических исследований является один из основателей и фактически лидер «Ассоциации в защиту автобиографии и автобиографического наследия» во Франции Ф. Лежён³¹.

Представленные философские, методологические, психологические, филологические исследования позволяют с разных сторон взглянуть на культурно-исторические и когнитивные факторы в становлении самосознания и человеческой идентичности, а также на соотношение самосознания и автобиографического нарратива в различных дисциплинарных ракурсах.

Объект исследования: самосознание как эпистемологический феномен.

Предмет исследования: феномен самосознания в автобиографическом нарративе.

Цель исследования: осуществить эпистемологический анализ соотношения самосознания и автобиографического нарратива.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

представить и проанализировать существующие трактовки самосознания как самопереживания, как индивидуальной памяти и как образа Я;

осмыслить значение автобиографического нарратива (рассказов о себе, исповедей и дневников) в формировании индивидуального самосознания;

сопоставить реалистические и конструктивистские методологические стратегии в подходе к «нарративному» самосознанию и продемонстрировать

---

³⁰ *Lecarme J., Lecarme-Tabone É.* L'autobiographie. Paris: Masson & Armand Colin Éditeurs, 1997; *Zanone D.* L'autobiographie. Paris: Ellipses, 1996; *Maillard M.* L'autobiographie et la biographie. Paris: Nathan, 2001; *Malrieu P.* La construction du sens dans les dires autobiographiques. Paris: Érès, 2003; *May G.* L'autobiographie. Paris: Presses Universitaires de France, 1979; *Mehlman J.* A Structural Study of Authobiography. Proust, Leiris, Sartre, Lévi-Strauss. London: Cornell University Press, 1974; *Miriaux J.-P.* L'autobiographie. Écriture de Soi et Sincérité. 3 ed. Paris: Armand Colin, 2014.

³¹ *Lejeune Ph.* Écrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique. Paris: Éditions du Mauconduit, 2015.

эпистемологическую значимость конструктивного реализма в исследовании самообмана;

выявить эпистемологическую специфику «нарративного» самосознания как рассказа для себя и рассказа для других;

рассмотреть эпистемологические характеристики «признания» как нарративного феномена;

уточнить место Другого в построении автобиографического нарратива.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования:

Нарратив и нарративный подход в данной работе рассматриваются как концептуальные составляющие нарративизма – одного из направлений мысли XX века, – который наряду с конструктивизмом и релятивизмом обыкновенно противопоставляется реализму. Речь идет о методологическом использовании нарративного подхода к исследованию процессов выражения самосознания и индивидуального Я.

Кроме того, поскольку данное исследование во многом опирается на концепцию различения классической и неклассической эпистемологии (в трудах В. А. Лекторского), важно разграничить два понимания самосознания. В классической эпистемологии самосознание – это «сознание существования собственного Я и принадлежащих ему состояний сознания»³². В неклассической эпистемологии самосознание получает различные трактовки, среди которых выделяется «самосознание Я», как «получение знания об особенностях данной личности, ее возможностях, ее стремлениях и о соответствии реального и идеального Я, то есть не самовосприятие, а некоторая теория»³³. Неклассическая трактовка самосознания Я, зафиксированная Лекторским, во многом соответствует понятию «индивидуальное самосознание» у современных психологов (иногда они называют его «я-концепцией»). Между классической трактовкой самосознания

---

³² Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 168.

³³ Там же. С. 169.

как самовосприятия и неклассической трактовкой самосознания Я как индивидуального знания о самом себе разница в том, что для классической эпистемологии это индивидуальное самосознание может и не выражаться в языке, а в неклассической оно связывается с высшей формой самопознания – рефлексией (в отличие от самопознания представлений, эмоций и т. п.).

В рамках данной работы, с одной стороны, именно индивидуальное самосознание (самосознание Я в неклассическом смысле) выступает в роли некоторого плацдарма для истории, для нарратива, а с другой – оно появляется именно благодаря нарративу, как особой возможности выражения в языке своего знания о себе. Выбор понятия «самосознание» (или индивидуальное самосознание) позволяет рассматривать познавательные феномены (Я, автобиографическая память и автобиографический нарратив) в их связи и отношении. Особую эпистемологическую специфику в данном случае приобретает именно автобиографический нарратив.

Методологической основой для исследования нарративов в данной диссертации стали исследования Р. Харре и Й. Брокмейера, которые выявляют специфические особенности нарратива, выделяющие его среди других типов дискурсов. Книга П. Рикёра «Путь признания: три очерка» позволила рассмотреть специфику признания и самопризнания в рамках нарратива. Концепция «автобиографического пакта», описанная в работах ведущего исследователя автобиографических нарративов Ф. Лежёна («Écrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique», «L'autobiographie en France» и «On diary»), позволила выявить эпистемологическую специфику нарратива.

При работе с историческими источниками в диссертации взят за основу принцип «двойной историзации», предложенный П. Бурдые в работе «За рационалистический историзм». В связи с тематической дифференциацией источников и литературы используется метод историко-философского исследования и применяется компаративистский анализ.

Источниковедческая база:

Источниковедческой базой исследования являются автобиографические нарративы (исповеди, дневники, автобиографии). «Исповедь» Августина позволяет лучше раскрыть специфику самосознания в контексте вопроса индивидуальной памяти; «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, «Моя жизнь» Д. Юма, дневниковые записи Людовика XVI и маргиналии из «Кабинета рукописей национальной библиотеки» Л. Делиля демонстрируют функциональную дифференциацию нарратива, а также специфику излагаемого в нарративе образа Я; «О моей жизни» Дж. Кардано является примером следования «автобиографическому пакту»; заметки Леонардо да Винчи раскрывают эпистемологические аспекты нарративного акта; «История Историка» А. Я. Гуревича позволяет глубже проникнуть в особенности «нарративного» самосознания с точки зрения профессионального историка.

Научная новизна:

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1) Представлены и проанализированы существующие трактовки самосознания как самопереживания, как индивидуальной памяти и как образа Я. Показано, что в современных гуманитарных исследованиях самоидентичности, самоописания и построения образа Я нарратив выступает в качестве выраженной предметности самосознания.

2) В процессе анализа концепции «автобиографического пакта» Ф. Лежёна выявлена эпистемологическая специфика автобиографического нарратива, которая состоит в том, что человек, рассказывая историю, получает возможность выражения своего знания о себе, то есть берет свое самосознание под контроль и акцентирует на этом внимание.

3) Проанализированы реалистические и конструктивистские методологические стратегии в подходе к нарративному самосознанию. В процессе исследования самообмана продемонстрирована методологическая эффективность конструктивного реализма, в основании которого лежит тезис

о том, что любая конструкция (в том числе Я) предполагает конкретную реальность.

4) Обоснован тезис о том, что нарративизация самосознания позволяет вырваться за пределы самозамкнутого субъекта, а значит, появляется Другой, и в таком случае возникает и расширяется контекст формирования индивидуального самосознания.

5) Выявлено значение нарратива в процессе признания индивидом себя (самоидентификации, самопризнания) как Другого. Показано, что такой тип признания предполагает участие другого человека, а возможность для этого создает именно нарратив.

6) Уточняется место Другого в построении автобиографического нарратива. Подчеркивается, что именно через категорию «признания» человек от эпистемологического контекста (знания о себе, выражаемого в нарративе) переходит к онтологическому: он утверждает себя, свой собственный бытийный статус – через автобиографический нарратив.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования

Полученные результаты могут найти применение при дальнейшей разработке эпистемологических проблем самосознания, самоидентификации, а также в области методологии гуманитарных наук. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке и чтении специальных курсов по эпистемологии, истории и методологии социогуманитарного знания. Кроме того, результаты исследования могут быть применены в качестве теоретического уточнения и методологического сопровождения нарративной практики и нарративной терапии.

Основные положения, выносимые на защиту

1) Процесс становления самосознания включает в себя три взаимосвязанных этапа (самопереживание, формирование индивидуальной памяти и конструирование образа Я), в которых каждый последующий

охватывает и сохраняет предыдущий. Именно нарратив обеспечивает их преемственность. Самосознание, выражаемое в автобиографическом нарративе, составляет фундамент для человеческой самоидентичности, самоописания и конструирования образа Я.

2) Эпистемологическая специфика нарратива заключается в возможности выражения человеком своего знания о себе. Нарратив (автобиографический, а также исходящий от Других) предстает как предметность и средство формирования самосознания.

3) Конструктивный реализм является методологически эффективным подходом при исследовании эпистемологического статуса «нарративного» самосознания: любая конструкция (в том числе образ индивидуального Я) предполагает реальность, в которой она осуществляется. Только в рамках конструктивного реализма становится возможным исследование самообмана в автобиографическом нарративе.

4) «Нарративизация» самосознания происходит в процессе повествования о себе и для себя и для Другого, причем роль Другого может взять на себя автор нарратива (Я как Другой). Несмотря на различие возможных форм самоидентификации, именно нарративный аспект признания играет ключевую роль в трансляции индивидом знания о себе, собственного самосознания □ Другому.

5) И автор нарратива, и Другой стоят на активных позициях в построении автобиографического нарратива. Через категорию «признания» человек от эпистемологического контекста (знания о себе, выражаемого в нарративе) переходит к онтологическому: он транслирует себя, бытийный статус своего самосознания через автобиографический нарратив. Рассказывая о себе Другому, признавая его и будучи признанным, говоря правду, выдумывая (отталкиваясь при этом от собственного знания о себе), человек тем самым постулирует себя.

Апробация результатов научного исследования

Основные положения диссертационного исследования изложены в 18 публикациях общим объемом 8,05 п. л., из них 5 статей в журналах, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (3,05 п. л.).

Основные положения и выводы исследования получили освещение в научных публикациях автора, а также в его выступлениях с докладами:

«Дневник как эпистемологическое основание исторического исследования («История историка» А. Я. Гуревича)» (конференция «Маргиналии–2014: границы культуры и текста», Елец, 5–7 сентября 2014 г.); «Феноменологические и герменевтические аспекты проблемы-Я (Гуссерль и Г. Г. Шпет)» (Международная школа молодого философа «Философия в публичном пространстве», Москва, 20–21 ноября 2014 г.); «Значение исторической памяти и нарратива для становления культурно-исторического сознания» (12-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания: историческая память народа», Москва, Махачкала, 21–24 апреля 2015 г.); «Авторство как эпистемологическая проблема: между философией и литературой» (III конференция российских и турецких философов «Философия и литература: философия в литературе, литература в философии», Стамбул, 25–26 мая 2015 г.); «“Признание” как словесный феномен: Густав Шпет и Поль Рикёр» (Международная научная конференция «Феноменолого-онтологический замысел Г. Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков», Томск, 1–7 июня 2015 г.); «Нарратив в экзистенциальных текстах Федора Степуна» (конференция «Русский европеец: Федор А. Степун (1884–1965)», Дрезден, 18–19 сентября 2015 г.); «“Признание” как форма выбора: Густав Шпет и Поль Рикёр» (конференция «Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения», Москва, 27–28 октября 2015 г.); «Достоинство автобиографии (по материалам “опыта о человеке” Э. Кассирера)» (Всероссийский форум с международным участием «Интеллектуальный Ростов: журнал “Вопросы философии” в Южном федеральном университете», Ростов-на-Дону, 17–18 мая 2016 г.);

«Самосознание и автобиографический нарратив» (конференция «Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук», Москва, 5–6 октября 2016 г.); «Место реконструкции в автобиографическом нарративе (на материалах Ф. Лежёна)» («круглый стол» «Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания» в рамках Всероссийской научной конференции «Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий», Вологда, 2–3 июня, 2017 г.); «Нарратив в медиaprостранстве» (Всероссийская конференция молодых ученых «Медиарациональность: технологии конструирования», Санкт-Петербург, 27–28 октября 2017 г.); «Нарративный подход к исследованию Я (эпистемологическая проблема)» (Школа молодых ученых «Субъект, сознание и познание в контексте современной философии и когнитивных наук», Москва, 7–8 ноября 2017 г.)

Работа над данным исследованием также велась в рамках следующих научных проектов, поддержанных научными фондами и организациями:

2013–2014 РФФИ, проект № 13-33-01259 «Методологические стратегии гуманитарного познания: историзм, герменевтика, междисциплинарный синтез» (исполнитель гранта);

2014–2016 РФФИ, проект № 14-03-00399 «Феноменологические штудии Густава Шпета как основа его “философской жизни” (историко-философская реконструкция архива). Книга 11» (исполнитель гранта);

2014–2016 РФФИ, проект № 14-03-00587 «Достоинство знания: ценностные основания культурно-исторической эпистемологии» (исполнитель гранта);

2016–2018 РФФИ, проект № 16-03-00704 «Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания: эпистемологический анализ» (исполнитель гранта);

2016–2018 РФФИ № 16-18-10229 «Проблема субъективности в современном междисциплинарном контексте взаимодействия философии и когнитивных наук» (исполнитель гранта)

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и списка литературы. Общий объем диссертации 133 стр. (5,5 п. л.). Список литературы включает в себя 264 наименования.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Глава 1. Роль нарратива в построении образа Я

1.1. Самосознание как самопереживание, как индивидуальная память и как образ Я

В различных областях гуманитарного знания, в том числе в философии, самосознание определяется по-разному. В психологии рассматривают самосознание личности, самость; в социологии объектом исследований становятся саморепрезентация и самосознание как индивидуальных, так и коллективных (народ, нация) субъектов; в философии предмет самосознания вовсе оказывается под вопросом (существует множество направлений, доказывающих/опровергающих его существование), понимание самосознания отличается когнитивным, познавательным моментом, когда собственное сознание становится предметом размышлений и осознается через рефлексию. Так, в классической эпистемологии самосознание рассматривается как «сознание существования собственного Я и принадлежащих ему состояний сознания»³⁴. У Декарта оно выступает в качестве достоверного, несомненного знания³⁵, перекликаясь во многом с предыдущими философскими направлениями. К примеру, П. П. Гайдено подчеркивала связь декартовского рассуждения о Я и схоластической мысли: «Считая абсолютно несомненным суждение “мыслю, следовательно существую”, Декарт, в сущности, идет за Августином, в полемике со скептицизмом указавшим на невозможность усомниться, по крайней мере, в существовании самого сомневающегося. И это – не просто случайное совпадение: тут сказывается общность в понимании онтологической значимости “внутреннего человека”, которое

---

³⁴ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 168.

³⁵ Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Пер. с франц. Г.Г. Слюсарева // Декарт Р. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 269.

получает свое выражение в самосознании. <...> Действительно, чтобы суждение “мыслю, следовательно существую” приобрело значение исходного положения философии, необходимы, видимо, два существенных допущения: во-первых, восходящее к античности (прежде всего, к платонизму) убеждение в онтологическом превосходстве умопостигаемого над чувственным <...> и, во-вторых, рожденное христианством сознание высокой ценности “внутреннего человека”, человеческой личности, отлившееся позднее в принцип “Я”»³⁶.

Фактически продолжая эту установку Декарта, писал о самосознании и И. Кант. В «Антропологии с прагматической точки зрения» он подчеркивал: «То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем Я, бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на земле. Благодаря этому он *личность*, и в силу единства сознания при всех изменениях, которые он может претерпевать, он одна и та же личность <...> Это справедливо даже тогда, когда человек еще не может произнести слово Я: ведь он все же имеет его в мысли; и во всех языках, когда говорят от первого лица, всегда должно мыслить это Я, хотя бы это сознание самого себя (Ichheit) и не выражали особым словом»³⁷.

И. Кант выделял эмпирическое и трансцендентальное самосознание (самосознание как внутренний опыт и самосознание общего Трансцендентального субъекта). В главе «История новейшей трансцендентальной философии» работы «О вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академии наук в 1791 году: какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа?» Кант вновь описывает специфику самосознания Я: «Я сознаю самого себя – эта мысль заключает в себе уже двойное Я: Я как субъект и Я как объект. <...> я, мысля, сам могу быть для себя предметом (созерцания)

---

³⁶ Гайденко П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М., РОССПЭН, 2000. С. 116. Существуют также другие точки зрения, согласно которым Декартова постановка проблемы Я в корне отличается и от античного понимания превосходства умопостигаемого над чувственным, и от христианской позиции.

³⁷ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 357.

и потому могу отличить себя от самого себя»³⁸. Если о Я как о субъекте апперцепции, о «логическом Я как априорном представлении, больше решительно ничего нельзя узнать»³⁹, то о Я как о субъекте перцепции, Я психологическом – можно («Я как эмпирическое сознание доступно»⁴⁰). Рассуждая о том, что для Я доступно собственное самосознание, Кант приводит следующий пример: «Подтверждением и примером этого может служить всякое внутреннее, психологическое наблюдение, сделанное нами; для этого требуется, хотя это связано с некоторыми трудностями, воздействовать на внутреннее чувство посредством внимания (ведь мысли, как фактические определения способности представления, также входят в эмпирическое представление о нашем состоянии), чтобы получить прежде всего в созерцании самого себя знание о том, что дает нам внутреннее чувство; это созерцание дает нам представление о нас самих, как мы себе являемся»⁴¹.

Что касается более поздних философских концепций, то уже для Рикёра самосознание фигурировало как фундаментальная человеческая способность отображения себя самого во всяком познавательном акте, в любом явлении субъективной реальности⁴². И опирается он при этом на язык; так же как история, человек фактически не существует без языка. К сказанному можно добавить, что «составление истории» и есть, собственно, нарратив, участвующий в формировании когнитивных аспектов самосознания, в формировании самовосприятия в самопризнание. И здесь можно согласиться с П. Хэмпл: «...Память – это не склад готовых историй, не картинная галерея. Необходимо признать, что я создаю свой рассказ»⁴³. В первую очередь это

---

³⁸ Кант И. О вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академии наук в 1791 году: какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? // Кант И. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 191.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 192.

⁴² См. подробнее: Старовойтов В. В. Проблема Я, личности, самости в творчестве Поля Рикёра и в современных психологических и психоаналитических исследованиях // История философии. 2012. № 17. С. 160.

⁴³ Hampl P. I Could Tell You Stories: Sojourns in the Land of Memory. New York: W. W. Norton. 2000. P. 26.

касается рассказов о себе самом, автобиографических нарративов, связанных, соответственно, с памятью человека о себе самом.

Говоря о самосознании, необходимо также подчеркнуть психологические аспекты этой тематики, тщательно проработанные отечественными учеными и философами. Обратимся к рассуждениям Л. С. Выготского, который различал сознание и самосознание. По Выготскому, самосознание возникает на более поздних стадиях развития человека, в то время как сознание как свойство его душевной жизни характеризуется устойчивостью и постоянством⁴⁴. Самосознание есть некоторый момент в процессе становления человека как сознательного существа⁴⁵. Отечественный психолог А. Н. Леонтьев подчеркивал разницу между осознанием себя, своего Я и познанием человеком себя, знанием о себе: «Знания, представления о себе накапливаются уже в раннем детстве; в несознаваемых чувственных формах они, по-видимому, существуют и у высших животных. Другое дело – самосознание, осознание своего “я”. Оно есть результат, продукт становления человека как личности»⁴⁶. Для Леонтьева вопрос об осознании человеком себя как личности – в первую очередь «вопрос о самосознании, о процессе его развития»⁴⁷. Самосознание Я, таким образом, можно рассматривать как «один из уровней (процессов и результатов) познания человеком самого себя как индивидуальности, в том числе своего положения в мире и своих отношений к разнообразным явлениям и объектам»⁴⁸.

Между тем, в рамках множества других теорий самосознания (идеи Е. Т. Соколовой, А. В. Захаровой, Ж. И. Намазбаевой, И. И. Чесноковой) акцентируются иные структурные аспекты самосознания. К примеру,

---

⁴⁴ *Выготский Л. С.* Развитие мышления подростка и образование понятий // *Выготский Л. С.* Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 66.

⁴⁵ Там же. С. 231.

⁴⁶ *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. URL: <https://www.marxists.org/russkij/leontiev/1975/dyeatyelnost/txt19.htm> (дата обращения: 28.12.2017).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Мещеряков Б. Г.* Самосознание // *Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко.* СПб.: Прим-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 486.

И. И. Чеснокова выделяет три компонента самосознания: самопознание, самооценку и саморегуляцию, относящиеся, соответственно, к когнитивному, эмоционально-ценностному и действенно-волевому аспектам. В данном случае, в отличие от идей Леонтьева, не проводится различие между уровнями самопознания, самооценки и саморегуляции. Кроме того, И. И. Чеснокова настаивает на процессуальности самосознания как на специфической особенности – постоянного накопления знаний, в том числе о себе.

Л. С. Выготский фактически принимает этапы становления самосознания, сформулированные А. Буземаном: 1) возникновение собственного образа; 2) перенос образа внутрь; 3) полноценное интегрирование; 4) выделение себя из внешнего мира, осознание себя как личности, имеющей границы; 5) развитие оценочных и моральных аспектов личности; 6) «нарастание индивидуальной вариации» с дальнейшим развитием человека⁴⁹. Общие характеристики самосознания приводит Е. О. Андропова: «...Самосознание – сложный процесс опосредованного познания себя, развернутый во времени, связанный с движением от единичных ситуативных образов в целостное образование – в понятие своего “Я” как субъекта, отличного от других субъектов. Самосознание человека складывается в результате присвоения им общественно значимого опыта и зависит от характеристик социальной среды, в которой формируется личность»⁵⁰.

Анализируя историю изучения самосознания в работе «Самосознание личности», В. В. Столин выделяет две группы направлений в отечественной психологии: в первой, куда включены Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, И. И. Чеснокова, «в общетеоретическом и методологическом аспектах проанализирован вопрос о становлении самосознания в контексте более общей проблемы развития личности. В другой группе исследований рассматриваются более специальные вопросы, прежде

---

⁴⁹ *Выготский Л. С.* Указ. соч. С. 230.

⁵⁰ *Андропова О. Е.* Проблема компонентов, характеристик и основных типов самосознания в психологии // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 151.

всего, связанные с особенностями самооценок, их взаимосвязью с оценками окружающих»⁵¹. Фактически представители второй группы понимают самосознание в связи с образом индивидуального Я, который формируется в процессе взаимодействия человека с Другими, с остальным миром.

Чтобы глубже понять особенности самосознания человека, а также выделить специфику формирования его Я, необходимо принять во внимание множество типов памяти, участвующих в этом процессе. У. Эко отмечал: «Мы отталкиваемся от рассказа о прошлом, когда, говоря “я”, безапелляционно утверждаем, что являемся естественным продолжением человека, который (по свидетельству наших родителей или книги актов гражданского состояния) родился в определенное время определенного дня определенного года, в определенном месте. Из-за того что человеку даны два вида памяти (индивидуальная память, благодаря которой мы знаем, что делали вчера, и коллективная память, которая осведомляет, когда и где родилась наша мать), часто происходит путаница, и нам кажется, что мы присутствовали при рождении собственной матери (или матери Юлия Цезаря) так же, как “присутствуем” в сценах из собственного прошлого опыта»⁵². Для нас важно, что Эко, фактически ставит проблему рассуждения о себе как способа выражения индивидуальной и коллективной памяти, участвующих, каждая по своему, в процессе самосознания. В качестве примера можно привести строки из «Исповеди» Августина: «...Я не знаю, откуда я пришел сюда <...> Меня встретило утешениями милосердие Твое, как об этом слышал я от родителей моих по плоти, через которых Ты создал меня во времени; сам я об этом не помню»⁵³. И далее он рассуждает о том, что человек не может знать о своем младенчестве, но может только воспринимать на веру рассказы других о себе⁵⁴. Современные исследователи предлагают несколько типологий памяти,

---

⁵¹ Столин В. В. Самосознание личности. М.: МГУ, 1983. URL: http://www.pedlib.ru/Books/1/0376/1_0376-1.shtml (дата обращения: 11.03.2018).

⁵² Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. М.: Симпозиум, 2003. С. 247–248.

⁵³ Августин Блаженный. Исповедь / Пер. с лат. М. Е. Сергеевко. СПб.: Наука, 2013. С. 8.

⁵⁴ См.: Там же. С. 10.

опираясь при этом на разные критерии, среди которых содержание памяти, время хранения, сенсорная модальность, организация запоминания, наличие цели и т. д. Чтобы уточнить, каким образом коллективная и индивидуальная память участвуют в процессе самоосознания, обратимся к работе Дж. Ф. Килстрона «Memory, Autobiography, History»⁵⁵. Килстром говорит о нескольких формах хранения знания в человеческой памяти, ссылаясь на работы Андерсона и Тулвинга⁵⁶. Эпизодические формы хранения знания (автобиографическая память – память о наших собственных действиях и переживаниях)⁵⁷, семантические и процедурные. Эпизодические формы хранения знания содержат несколько составляющих: некоторый след⁵⁸, содержащий информацию о событии, его контекст, а также его связь с реальным (в определенном общении с другими людьми) человеком, обладающим памятью⁵⁹. Семантическая память хранит общую информацию

---

⁵⁵ См., напр.: *Kihlstrom J. F. Memory, Autobiography, History*. URL: http://www.iitg.ernet.in/scifac/krishna/public_html/hs_405/tutorials/general/memory%20autobiography%20history.htm (дата обращения: 20.02.2018); *Kihlstrom J. F. «So That We Might Have Roses in December»: The Functions of Autobiographical Memory*. URL: http://socrates.berkeley.edu/~kihlstrm/ABM_JACP2009.htm (дата обращения: 20.02.2018).

⁵⁶ В работе «Память в реальном мире» Дж. Коэн и М. Конуэй также обратили внимание на позицию Тулвинга: в 1985 г. он рассуждал о возможности дифференциации памяти на базе субъективного опыта, когда человек мог проанализировать собственную жизнь, поделив ее на временные отрезки. См.: *Cohen G., Conway M. A. (eds.). Memory in the Real World*. Hove, New York: Psychology Press, 2008. P. 343.

⁵⁷ К примеру, А. Д. Бэдли определял автобиографическую память как «эпизодическую» в отличие от «семантической» и, таким образом, как форму «декларативного» в отличие от «процедурного» знания. См.: *Baddeley A. D. But what the hell is it for? // Practical Aspects of Memory: Current Research and Issues. Vol. 1. Memory in Everyday Life / Ed. M. M. Gruneberg; P. E. Morris; R. N. Sykes. Chichester: John Wiley, 1988.*

⁵⁸ Об этом же говорит Е. С. Сеницын: «...Вся обобщенная крупномасштабная информация, связанная смыслом, хорошо сохраняется в памяти и консолидируется в виде следов памяти. Противоположным видом процедурной, является декларативная память». *Сеницын Е. С. Теория творчества. Структурный анализ мышления. Теория интегрированного обучения. Новосибирск: НГАХА, 2001.* URL: http://www.s-genius.ru/pedagogica/procedurnaja_pamjat.htm (дата обращения: 21.02.2018).

⁵⁹ Поэтому, на мой взгляд, используемое зачастую сравнение памяти с библиотекой (а воспоминания – с каталогизированными и разложенными по своим местам или нет – книгами) не совсем эффективно для осмысления роли эпизодической памяти в становлении самосознания Я. И, наверное, более прав в данном случае Бартлетт: память – не вещь, не объект рассмотрения, а вид активности. Некая деятельность. Воспоминания – это то, что есть у людей, но сам процесс вспоминания – это деятельность. Этот процесс более похож на составление истории, нежели чтение готовой информации (как книги в библиотеке). Для Бартлетта каждое воспоминание – это смесь знания и вывода, предполагающее участие

о мире, которую можно описать с помощью речи. Процедурные формы хранения включают наше знание некоторых правил, форм и стратегий поведения⁶⁰. Однако такого определения недостаточно, поскольку, с одной стороны, автобиографические воспоминания носят декларативный характер, то есть они относятся к фактическим знаниям, а с другой – они же носят и эпизодический характер, так как представляют события, имевшие уникальное расположение в пространстве и времени. При этом психологи подчеркивают, что эпизодическая память (читай, индивидуальная, по У. Эко) автобиографична, включает собственные действия и переживания человека, в то время как процедурная (коллективная, по У. Эко) носит более-менее общий характер – абстрактное знание, не привязанное к каким-либо конкретным событиям. Тип памяти, связанной с саморефлексией и осмыслением событий собственной жизни, Дж. Ф. Килстром также называет «автобиографическим»⁶¹. Для него особенность автобиографической памяти заключается в том, что она влечет за собой самореференцию, хронологическую организацию и понимание причинно-следственных связей, что, в свою очередь, позволяет человеку иметь сознательные воспоминания, выражать их в терминах запоминания, знания, чувствования или верования. В межличностных отношениях автобиографическая память также является важным компонентом ментальной саморепрезентации, то есть самосознания. Она обеспечивает основу для установления и поддержания социальных связей. Хотя автобиографическая память индивидуальна и принадлежит отдельному человеку, однако ее применение в социокультурном пространстве зачастую

явной и неявной памяти, а также их связи между собой. (См.: *Bartlett F. C. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932. См. также: Mandler G., Dorfman J. Implicit and explicit forgetting: When is gist remembered? // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1994. Vol. 47. № 3. P. 651–672; Mandler G. Recognizing: The judgment of previous occurrence // Psychological review. 1980. Vol. 87. P. 252–271.)*

⁶⁰ Так, американские физиологи Ф. Блум, А. Лейзерсон и Л. Хофстедтер подчеркивают: «Процедурное знание – это знание того, как нужно действовать». *Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М.: Мир, 1988. URL: <http://coollib.com/b/273660/read> (дата обращения: 08.02.2018).*

⁶¹ *Kihlstrom J. F. «So That We Might Have Roses in December»...*

влечет ответственность и этические обязательства перед другими людьми. Человек зависит от образа индивидуального Я, создаваемого им самим и окружающими.

О том, насколько специфична эта проблема, свидетельствует коллективная монография «Я в психологии: самопризнание, самосознание, Я-концепция»⁶². Исследователи показывают, насколько различаются в разных областях психологии подходы к одной и той же проблеме «Я»: от компаративной психологии до когнитивной, от социальной до культурной. И даже если в дальнейшем выйти за рамки психологии, данный принцип сохранится в любой научной области; проблема Я столь многогранна, что остается предметом исследований на протяжении веков. Авторы указанной коллективной монографии опирались в том числе на научные поиски Ст. Кляйна и Дж. Килстрома. Их исследования представляют особый интерес, поскольку напрямую касаются автобиографической памяти, самосознания и выражения своего Я в нарративе. Так, Кляйн и Килстром предлагают четыре варианта ответа на вопрос о том, что собой представляет Я. Первый вариант: Я □ это некий неясный набор характеристик, который, возможно, имеет структуру-прототип. Второй вариант базируется на понимании Я как нарратива, в котором все истории, которые мы создаем (конструируем) и рассказываем о нас самих для других, основываются на нашей автобиографической памяти, на нашей собственной репрезентации себя. В третьем варианте акцент ставится на том, что Я □ это, в первую очередь, наш образ самих себя (см. также работы У. Найссера⁶³); наше представление о себе взаимодействует с окружающим миром, получая, тем самым, образ Я. И четвертый вариант, связанный с теориями семантической памяти: концепт (образ) Я предстает в качестве ряда абстрактных суждений о себе, который принимается независимо от эпизодической памяти и эпизодического знания.

---

⁶² *Snodgrass J. G., Thompson R. L. (eds.). Op. cit.*

⁶³ См.: *Neisser U. Cognition and Reality: Principles and Implications of Cognitive Psychology.* – San Francisco: W. H. Freeman, 1976.; *Neisser U. Cognitive Psychology.* – New York: Appleton-Century-Crofts, 1967.

Иная позиция была у Найссера, который постулировал различие образа Я в разных возрастах. Первый и самый ранний из вариантов репрезентации Я зависит от образа Я, который, в свою очередь, формируется благодаря двум ключевым моментам. Это, во-первых, наш взгляд на самих себя (в том числе и в буквальном смысле)⁶⁴ и, во-вторых, наш взгляд на наше взаимодействие с другими людьми. Найссер вводит понятие «экологического Я», которое определяется в процессе взаимодействия человека и окружающего мира. Следующая ступень формирования Я – взаимодействие человека и других людей. Именно через социальное взаимодействие Я определяет себя как социально-существующее, подверженное влиянию других и, соответственно, также на других влияющее. Найссер подчеркивает, что это ощущение Я возникает и развивается очень рано; экологическое и интерперсональное восприятие позволяет человеку знать, что он делает и где находится; однако это не дает ему знаний о самом себе как таковом. Идею Найссера фактически дополняют четыре варианта определения Я у Килстрема и Кляйна, где концепт Я объединяет понимание себя и представление о себе. Продолжая линию своих исследований, Дж. Килстром и Кляйн пишут статью «Знание о себе и самосознание»⁶⁵, в которой они пытаются ответить на вопрос: что из себя представляет Я? При условии, что Я находится в центре ментальной жизни⁶⁶ и изначально принято утверждение, что Я – это одна из ментальных репрезентаций нас самих.

С. Хартер⁶⁷ прослеживает и выделяет основные этапы построения Я у человека на протяжении его жизни с момента раннего детства. Он рассматривает также социальное влияние на становление личности и создание человеком собственного образа Я, включая весь набор «само»:

---

⁶⁴ См. также: Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Общ. ред. и вступ. ст. А. Д. Логвиненко. М.: Прогресс, 1988.

⁶⁵ Kihlstrom J. F., Klein S. B. Self-knowledge and self-awareness // Annals of the New York Academy of Sciences. 2006. Vol. 818. P. 4–17.

⁶⁶ James W. The Principles of Psychology. In 2 Vol. Vol. I. New York: Henry Holt and Company, 1890. P. 319, 400.

⁶⁷ Harter S. Op. cit. P. 6.

самопрезентацию, самовосприятие, самоопределение, самооценку и т. д. Во многом Хартер опирается и на основополагающее разделение У. Джеймса. В классической работе 1890 года «Принципы психологии», он сформулировал теорию о двух частях единого целостного Я: Я как субъект познания («I») и Я как объект, эмпирическая составляющая («Me»). Причем Я-объект разделяется на три категории: материальное, включающее в себя тело и собственность, социальное – то, кем видят человека другие, и духовное – характер, способности, психические особенности. В сущности, такое понимание Я является в определенном смысле платформой для современных исследований и по сей день. И это несмотря на то, что феномен Я как таковой оказывается крайне нестабильным в своем описании: разные ученые, представители разных подходов выделяют Я диалогическое, множественное, фрагментарное, насыщенное, существующее, несуществующее вовсе... Подходов множество.

Современные исследователи-гуманитарии по-новому смотрят на понятие Я (и это также результат появления неклассической эпистемологии). Среди наиболее известных концепций «насыщенное Я» (К. Герген)⁶⁸, «диалогическое Я» (М. М. Бахтин, Г. Херманс, Г. Кемпен), модель многомерной идентичности (Е. Абес, С. Джонс), «множественное Я» (Д. Дэвидсон, А. О. Рорти и др.).

Херманс и Кемпен утверждают, что Я может вполне существовать как множество Я, каждое из которых может вступать в межактные отношения с другими Я с помощью диалога. Таким образом, индивидуальное Я предстает как не-объединенный феномен, выходя за рамки индивидуализма. Начиная философскую дискуссию о Я, авторы постулируют децентрализацию Я в нарративной психологии, отход в гуманитарных науках от понимания нарратора как всеведущего; ими рассматривается генезис самопознания (self-

---

⁶⁸ В 2012 г. Е. О. Труфанова в статье «Социальный конструкционизм в теории познания: истоки, проблематика, современный потенциал» использовала написание фамилии «Герген», апеллируя к пояснению транскрипции и произношения Н. С. Автономовой. В ряде переводной литературы фамилия автора писалась (и пишется) как «Джерджен». В настоящее время можно использовать оба варианта. См.: Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В. А. Лекторский.; отв. секр. Е. О. Труфанова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. С. 375.

knowledge) у детей, а также выдвигается концепт современного общества как общества множества голосов. Опираясь на джеймсовскую идею Я как субъекта («I») и Я как объекта («Me»), на идеи социальных конструкционистов, а также на труды М. Бахтина о полифоническом романе, Губерт Херманс вводит концепцию диалогического Я⁶⁹. Исследователь подчеркивает, что Я обладает особой диалогической структурой, сформировавшейся в результате социального и культурного взаимодействия Я и Мира, Я и Других. Херманс рассматривает структуру Я, выделяя в ней множество «голосов», обладающих относительной независимостью и самостоятельностью, – Я-позиций⁷⁰. Вариативность подчеркивает даже обыденный язык: в один и тот же момент человек может сказать «я голоден», «я влюблен», «я мужчина», «я профессор». И сильнее всего это видно на тех примерах, где человек играет определенные социальные роли. Каждая Я-позиция связана с опытом самого человека и заключается в его социальных отношениях, выражая различные «части сознания», порождая соответствующие воспоминания, вызывая в памяти нужные истории-нарративы. Р. Дж. Лифтон предложил понятие «протеевского Я» (protean Self). Такое название выступает некоторого рода символом изменчивости человеческого Я, человеческой идентичности⁷¹. О множественности Я говорят также и авторы – философы, психологи и экономисты – коллективной монографии «Множественное Я»⁷². Их взгляд особенно важен для нас, так как они исследуют проблему Я как междисциплинарную, выявляя в ней множество уровней и показывая, что Я имеет многослойную структуру, где структурные элементы могут и не собираться в целостное единство.

Самосознание человека связано с понятием Я, однако не отождествляется с ним. Считается, что Я-концепция выступает в качестве устойчивой части

---

⁶⁹ *Hermans H. J. M., Kempen H. J. G. Op. cit.; Hermans H. J. M. The Dialogical Self: Toward a Theory of Personal and Cultural Positioning // Culture & Psychology. 2001. V. 7 (3). P. 243–281.*

⁷⁰ В некоторых переводах – «личные позиции».

⁷¹ *Lifton R. J. Op. cit.*

⁷² *Elster J. Op. cit.*

самосознания, с той, однако, оговоркой, что субъект осознает свое Я. В отличие от непосредственного знания о себе, Я-концепция включает оценочный компонент, и в ряде исследований подчеркивается именно эта особенность. Так, для Р. Бернса, автора знаменитого исследования «Развитие Я-концепции и воспитание»⁷³, индивидуальное самосознание с самого детства основывается на отличии человеком себя от других. Фактически ключевым моментом в создании Я (именно как социального объекта) является идентификация, точнее, самоидентификация. Одним из вариантов такой самоидентификации является именование.

Р. Бернс описывает Я-концепцию в первую очередь как совокупность неких установок, направленных человеком на самого себя. Ключевыми становятся три элемента: когнитивная, эмоционально-оценочная и поведенческая составляющие Я-концепции. В качестве когнитивной составляющей выступают представления индивида о себе самом (обоснованные или же необоснованные); при этом множество способов самовосприятия так или иначе приводят к формированию образа Я. Эмоционально-оценочная составляющая (в сущности, самооценка) неразрывно связана с когнитивной: «Я-концепция – это не только констатация, описание черт своей личности, но и вся совокупность их оценочных характеристик и связанных с ними переживаний»⁷⁴. Даже та информация, на которую невозможно или трудно повлиять, подвергается оценке и критике: рост, возраст, размер ноги, вес, место проживания (в последнем случае возникает вопрос «престижности» того или иного района). Любое, даже самое нейтральное по своему содержанию определение, которое индивид сообщает о самом себе, любая характеристика или комментарий «содержат в себе скрытый оценочный смысл, источником которого является ваша субъективная интерпретация реакций других людей на эти качества, а также то обстоятельство, что вы воспринимаете их как на фоне объективно существующих стандартов, так и через призму общекультурных,

---

⁷³ Бернс Р. Указ. соч.

⁷⁴ Там же. С. 33.

групповых или индивидуальных ценностных представлений, усвоенных вами в течение жизни». В сущности, эта мысль до некоторой степени перекликается с концепцией «Зеркального Я» (mirror self, looking-glass self). Это понятие было введено благодаря теории развития личности Ч. Кули и проработано в исследованиях Дж. Мида⁷⁵. Социолог обозначал «зеркальным Я» образ Я человека, самосознание личности. Зеркальная метафора была взята в качестве основы для этого понятийного образования, потому что «образ Я (в современной интерпретации он является частью Я-концепции) человека формируется в результате усвоения установок (мнений, оценок) других членов “первичных групп” <...> по отношению к данному человеку»⁷⁶. Однако само понятие «зеркального Я» не отождествляется ни с образом Я, ни с Я-концепцией: оно обозначает, скорее, восприятие человеком «своего собственного “отражения” в сознании и поведении др. людей»⁷⁷. Фактически именно другие люди становятся своеобразным «зеркалом», отчасти знакомящим человека с мироустройством, отчасти – с ним самим. Я обуславливается в первую очередь культурно-социальными факторами (внешними или же внутренними социальными процессами самого индивида), в результате чего разделяются Я-сознающее и Я-объект.

Хотя термин «образ Я» часто употребляется в качестве синонима «Я-концепции», Р. Бернс разделяет их. Образ Я, с его точки зрения, не передает в достаточной степени оценочный и эмоциональный характер представлений индивида о себе; в то время как в исследованиях Бернса эмоциональная составляющая играет важную роль. «В литературе, как советской, так и зарубежной, нет единой его трактовки, ближе всего по смыслу к нему

---

⁷⁵ См.: Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: МГУ, 1994. С. 175–182; Мид Дж. От жеста к символу // Там же. С. 119–124.

⁷⁶ Мещеряков Б. Г. Зеркальное Я // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб.: Прим-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 174.

⁷⁷ Там же. С. 174.

находится самосознание. Но Я-концепция — понятие менее нейтральное, включающее в себя оценочный аспект самосознания»⁷⁸.

Бернс упоминает два ключевых на тот момент (80-е годы XX в.) определения Я-концепции: К Роджерса (1951, 1959) и Дж. Стейнса (1954). Роджерс⁷⁹ подчеркивает, что «Я-концепция складывается из представлений о собственных характеристиках и способностях индивида, представлений о возможностях его взаимодействия с другими людьми и с окружающим миром, ценностных представлений, связанных с объектами и действиями, и представлений о целях или идеях, которые могут иметь позитивную или негативную направленность. Таким образом, это — сложная структурированная картина, существующая в сознании индивида как самостоятельная фигура или фон и включающая как собственно Я, так и отношения, в которые оно может вступать, а также позитивные и негативные ценности, связанные с воспринимаемыми качествами и отношениями Я — в прошлом, настоящем и будущем»⁸⁰. Во втором определении, данном Дж. Стейнсом, Я-концепция предстает в качестве особой системы представлений и оценок, существующей в сознании индивида и направленной на него самого⁸¹. «Она включает оценочные представления, возникающие в результате реакций индивида на самого себя, а также представления о том, как он выглядит в глазах других людей; на основе последних формируются и представления о том, каким он хотел бы быть и как он должен себя вести»⁸².

Представленные выше психологические трактовки различных аспектов самосознания могут быть осмыслены в контексте философской проблематики. Так, в работе В. А. Лекторского «Эпистемология классическая и неклассическая»⁸³ самосознание рассматривается как часть сознания

---

⁷⁸ Бернс Р. Указ. соч. С. 88.

⁷⁹ См.: Rogers C. R. *Client-Centered Therapy*. Boston: Houghton Mifflin, 1951.

⁸⁰ Цит. по: Бернс Р. Указ. соч. С. 38.

⁸¹ См.: Staines J. W. The self picture as a factor in the classroom // *British Journal of Educational Psychology*. 1958. Vol. 28. № 2. P. 97–111.

⁸² Цит. по: Бернс Р. Указ. соч. С. 38.

⁸³ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УССР, 2001.

и притом весьма значимая. Заметим, что важнейшей характеристикой сознания В. А. Лекторский считает не только переживаемость субъектом внешнего мира, но, что самое главное, рефлексивную фиксацию этих переживаний, осознание их⁸⁴. Но, помимо переживаемости внешнего мира, есть еще и переживаемость самого себя, своих поступков, эмоций, телесных ощущений, своей внешности и желаний. Осознание человеком этой совокупности переживаний самого себя – есть самосознание⁸⁵. Помимо самоотчетности, самосознание также имеет функцию самоконтроля: «...В виде особого переживания событий внешнего мира и жизни самого субъекта, в виде самоотчета в этих событиях, что является характерными особенностями сознания»⁸⁶. Итак, по мнению В. А. Лекторского, описывающего понимание сознания и самосознания в классической теории познания, самосознание необходимо определять прежде всего как событие рефлексивного восприятия субъектом своих переживаний о самом себе как об объекте внешнего мира. При таком (классическом) понимании самосознания предполагается, что человеческое Я (во всех проявлениях его состояний сознания) стабильно, неизменно.

В неклассической эпистемологии ситуация меняется. Самосознание интерпретируется в конструктивистском контексте, а существование внешнего мира ставится под сомнение. А это значит, что Я воспринимается уже не как нечто стабильное и неизменное, но постоянно меняющееся, конструирующееся самим субъектом познания. Отсюда следует, что и определение самосознания подвергается пересмотру. Самосознание уже не просто фиксирует переживания субъекта о нем самом, но активно творит множество «образов Я»⁸⁷. Иначе говоря, истолкование самосознания в неклассической эпистемологии коррелятивно термину «Я-концепция», принятому в современных психологических исследованиях и доктринах. И прежде всего потому, что эта «Я-концепция» конституирует отношение Я не с внешним миром, но с миром,

---

⁸⁴ См.: Там же. С. 163.

⁸⁵ См.: Там же. С. 168.

⁸⁶ Там же. С. 166.

⁸⁷ См.: Там же. С. 169.

который сам человек (субъект познания) строит и формирует в своем сознании. Это рассуждение важно нам потому, что позволяет поставить вопрос о значимости нарратива в этой гносеологической антиномии «классическое понимание самосознания – неклассическое понимание самосознания». Я полагаю, что именно в нарративе можно обнаружить и описание (присущее для классического понимания самосознания), и конструирование – выражение себя через слово (присущее для неклассического). И именно в нарративе (и при его посредстве) описание и конструирование могут быть различены. Процесс различения происходит не только в рефлексии нарратора, но и в его саморефлексии.

Выводы по параграфу:

Таким образом, процесс становления самосознания включает в себя три взаимосвязанных этапа (самопереживание, формирование индивидуальной памяти и конструирование образа Я), в которых каждый последующий охватывает и сохраняет предыдущий. Именно нарратив обеспечивает их преемственность. Самосознание, выражаемое в автобиографическом нарративе, составляет фундамент для человеческой самоидентичности, самоописания и конструирования образа Я. Человек неизменно связан с другими людьми, более того, именно через других он зачастую связан с самим собой, в большей или меньшей степени: «Предполагается, что человек дифференцирует свои собственные представления о себе от своих представлений о том, как он же воспринимается и оценивается разными другими, какое впечатление он производит на них»⁸⁸. В поле внимания человека попадают психические, когнитивные процессы, пронизывающие человеческую жизнь, происходящие в человеческом разуме, в человеческом сознании; связанные непосредственно с жизненным опытом человека. И в первую очередь я хочу обратиться к феномену нарратива как одному из ключевых аспектов формирования самосознания.

---

⁸⁸ Мещеряков Б. Г. Зеркальное Я. С. 174.

1.2. Автобиографический нарратив и образ Я. Роль рассказов о себе, исповедей и дневников в формировании индивидуального самосознания

В XX веке в методологии гуманитарных исследований в центре внимания оказалось понятие «нарратив». Его стали использовать филологи, историки, психологи, социологи, культурологи, философы для того, чтобы подчеркнуть последовательность в повествовании о каких-либо событиях, то есть акцентировать внимание на их смысловой связности. Это понятие позволяет обозначить «структурированное смысловое пространство, которое может быть изложено на любом языке (литературном, музыкальном, кинематографическом...)»⁸⁹.

Особенно ярко этот интерес к нарративу обозначился в лингвистике и литературоведении. Что не удивительно: нарратология как «теория повествования», сложившаяся в 1960-е годы, неразрывно связана с лингвистическими направлениями XX века; начиная от структуралистской модели (зачастую именуемой классической нарратологией) и генеративной лингвистики (грамматика текста) и заканчивая семантикой и лингвистикой текста (теория речевых актов, анализ дискурса), а также когнитивной лингвистикой (когнитивная нарратология)⁹⁰.

Уже в 1960-е изучение нарратива начало приобретать собственную систематизацию, категориальный аппарат, теоретические модели. Предполагалось, что новый подход затронет вопросы сюжета, времени, персонажа. На это оказала большое влияние западная литературная школа, русский формализм и чешский структурализм⁹¹. В 1966 году Р. Барт говорил

---

⁸⁹ Щедрина И. О. Новые аспекты современной нарратологии (размышление над книгой) // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 83.

⁹⁰ Подробнее см.: Fludernick M. From Structuralism to the Present // Phelan J., Rabinowitz P. (eds.). A Companion to Narrative Theory. Oxford: Blackwell, 2005. URL: <http://www.slideshare.net/CRSohaib/narrative-theory-blackwell-companions-to-literature-and-culture-james-phelan-peter-j-rabinowitz-eds-41244612> (дата обращения: 24.03.2018).

⁹¹ Manfred J. Frames, Preferences, and the Reading of Third-Person Narratives... P. 441–468. Несмотря на первооткрывательские работы В. Проппа в СССР и более поздние

о колоссальном множестве жанров, о том, что повествование может быть выражено (артикулировано) в языке, может быть письменным или устным, может быть зафиксировано в образе или же подвижно, на языке жестов, может совмещать полноту сразу всех перечисленных вариантов – оно присутствует в фабуле, мифе, в легенде, сказке, повести, эпосе, истории, трагедии, драме, комедии, пантомиме, картине, в витраже, в кино, комиксе, в различных происшествиях, в беседе⁹².

Женетт выявляет три основных значения повествовательного дискурса (*discours du récit*)⁹³. Первое значение – ключевое, наиболее употребляемое и по сей день: рассказ как устное или письменное повествование об одном или нескольких реальных событиях. Иначе говоря, это повествовательный текст, «повествование как дискурс» (по Ц. Тодорову). Второе значение, менее распространенное, но встречающееся в среде аналитиков и теоретиков «повествовательного дискурса»: рассказ как последовательность событий, реальных или вымышленных. Здесь рассказ приравнивается к «повествованию как истории». Третье, самое «архаичное» понимание повествовательного дискурса, по Женетту: рассказ как событие, но не событие, о котором

А. Ж. Греймаса во Франции и Дж. Принса в Америке, большая часть исследований нарративного дискурса была направлена скорее на дискурс, чем на нарратив. См.: *Chatman S. B. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film* Ithaca and London: Cornell University Press, 1978; *Scholes R., Kellogg R. The Nature of Narrative*. London–Oxford–New York: Oxford University Press, 1968.

⁹² Подробнее об этом см.: *Barthes R. Introduction à l'analyse structurale des récits* // *Communications*. 1966. № 8. P. 7–33.

⁹³ См.: *Genette G. Discours du récit* // *Genette G. Figures III*. Paris: Éditions du Seuil, 1972. В английском издании (*Genette G. Narrative Discourse* / Trans. By J. E. Lewin. Foreword by J. Culler. Oxford: Basil Blackwell, 1980) словосочетание *discours du récit* было переведено как *narrative discourse*. Таким образом, словесные различия между актом повествования (фр. *narration*) и рассказом как сюжетом (фр. *récit*) стерлись. Поэтому в русском переводе Женетта приводили в соответствующих местах в скобках французское написание *récit*, чтобы избежать терминологической путаницы. См.: *Женетт Ж. Повествовательный дискурс* // *Женетт Ж. Фигуры*. В 2 т. Т. 1–2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 309–310. URL: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1-2-1998-1.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).

Об особенностях современного использования понятия «narrative» пишет и С. Н. Зенкин, различающий 1) нарратив как процесс рассказывания и 2) нарратив как содержание рассказывания (сюжет) и полагающий, что в современных исследованиях термин «нарратив» используется именно во втором смысле. См.: *Зенкин С. Н. Указ. соч.*

рассказывают, а повествовательный акт как таковой. Событие рассказа означает, что кто-то что-то рассказывает. Повествовательный дискурс создается в акте говорения, в акте изложения чего бы то ни было. И анализ повествовательного дискурса для Женетта это, прежде всего, изучение отношения между рассказом и историей, между повествовательным текстом и рассказыванием истории (актом повествования), а также между историей как повествованием и самим актом повествования⁹⁴. Работа «Повествовательный дискурс» и сегодня не потеряла актуальности. Джонатан Каллер называл «Повествовательный дискурс» кульминацией структуралистских исследований рассказа (нарратива), поскольку здесь Женетт систематизирует представления об этом социально-гуманитарном феномене⁹⁵.

В различениях, осуществленных Женеттом, для нас важны все три уровня структуры повествования. И если попытаться раскрыть теоретико-познавательный статус автобиографического нарратива, используя структуру, предложенную Женеттом, то получается следующее. Автобиографический нарратив – это повествование как событие, в котором появляется самосознание (третье значение, по Женетту). Человек рассказывает самому себе (как Другому) о себе и в процессе этого повествования возникает повествовательный текст (первое значение, по Женетту), с одной стороны, фиксирующий самосознание автора для него самого, и с другой, позволяющий исследователям постигать историю жизни автора (второе значение, по Женетту). Существует множество вариантов взгляда на нарратив в рамках повествования о человеческой жизни. К примеру, для Деннета такой нарратив является общим проявлением самости. В статье «Почему каждый из нас является новеллистом?» он анализирует феномен самости. Отвечая на вопрос «что это?», он использует аналогию из области физики – а именно, приведя в пример центр гравитации. Во-первых, потому что центр гравитации является абстрактным объектом (в реальности нет центра гравитации) – хотя

---

⁹⁴ Genette G. Discours du récit. P. 71–72 (*Женетт Ж. Повествовательный дискурс*. С. 309–310).

⁹⁵ Culler J. «Foreword» // Genette G. Narrative Discourse. Ithaca: Cornell UP, 1980. P. 8.

и определенным, работающим, а главное, соответствующим своему описанию; и во-вторых, несмотря на абстрактность, ему присуще положение во времени и пространстве, в истории – а следовательно, у ученого-исследователя есть возможность производить с ним необходимые манипуляции. «Самость также представляет собой абстрактный объект и тоже порождение теоретика»⁹⁶. Каждая личность наделена самостью, включая самого исследователя. «Заметим, – пишет Деннет, – что теоретическая проблема самоинтерпретации является не менее трудной и важной, нежели проблема интерпретации других»⁹⁷. Физическую самость как таковую найти невозможно – начиная с интеллектуальных поисков Декарта и заканчивая современными исследователями высшей нервной деятельности человека. Однако, продолжая свою мысль об иллюзорности самости, Деннет тем не менее проводит различие в нарративе между самостью читателя, авторской и самостью персонажа. Е. О. Труфанова, анализируя Деннета, отмечает: «...У Деннета Я формируется в ходе постоянно создаваемых нами рассказов о себе, а также создаваемых о нас рассказов другими людьми. Для сохранения предполагаемого единства своего Я человек придумывает и рассказывает себе и другим различные истории, описывающие, кто он такой. Так, мы можем предположить, что с точки зрения Деннета, хотя Я как единство не существует (что, замечу, более чем спорно), тем не менее индивид пытается сохранить хотя бы видимость единства Я и для этого пытается связать отдельные фрагменты своего бытия, отдельные сюжеты своей жизни в некую объединенную причинно-следственными и смысловыми связями историю, то есть нарратив»⁹⁸. Заметим, что нарратив в данном случае – не просто история, «новелла», а рассказ человека о самом себе, сформированный для слушателя, читателя □ автобиографический нарратив.

---

⁹⁶ Деннет Д. С. Почему каждый из нас является новеллистом // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 122.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Труфанова Е. О. Я-нарратив и его автор // Философия науки. Вып. 15. М., 2010. С. 187.

Позволим небольшое отступление, показывающее междисциплинарность соотношения нарратива и создаваемого образа Я. Коммуникативная сфера базируется на языке, возможности общения и выражения собственных размышлений, описаний и историй (фактически себя самого) для Других. Данную мысль подтверждают разработки не только психологов, лингвистов и антропологов, но и приверженцев энактивизма. Так, Матурана утверждает, что именно благодаря языку человек осуществляет взаимодействие в области описаний⁹⁹. И самописание в данном случае является парадоксальным; оно конечно, с одной стороны, поскольку упирается только в рамки наших собственных описаний и мы не можем за них выйти, с другой стороны – оно беспредельно, поскольку описания, новые и новые, можно вводить до бесконечности, уходя в рекурсию. Для Матураны самосознание является итогом этого рекурсивного самоописания. Однако можно расширить рамки самоописания, включив момент самоанализа и саморефлексии. И в качестве методологической подпорки в данном случае выступает именно нарратив, не просто как рассказывание/говорение о себе в рикеровском духе, но именно как создание некоторого сосредоточия нашего собственного Я □ автобиографического нарратива. В определенном смысле это перекликается и с расширением концепта аутопоэзиса (Ф. Варела, У. Матурана) и с переводом его в поле гуманитарных исследований¹⁰⁰.

Наиболее интересно в контексте данного исследования представил тему нарратива Ф. Лежён – французский исследователь автобиографий, жизнеописаний, дневников и мемуаров. Эта тематика широко разворачивается в исследованиях XX века, причем концептуально выражается в разных словах с общим понятийным ядром: понятие «эгодокумент» (Egodocument) предложил Ж. Прессер в энциклопедической статье «Мемуары как исторический

---

⁹⁹ Матурана У. Указ. соч.

¹⁰⁰ Князева Е. Н. Аутопоэзис мысли // Вестник ТГПУ. 2008. № 1 (75). С. 46–55.

источник»¹⁰¹ ; «свидетельство о себе» (Selbstzeugnis) – вводит Б. фон Крузенштерн¹⁰² ; «Ego-Documente» – В. Шульце¹⁰³ , понятия «self-narrative» и «self-testimony» – рассматриваются в англоязычных гуманитарных исследованиях. Эти понятия постепенно приобрели широкую популярность среди ученых-гуманитариев.

Во Франции проблематику автобиографии разрабатывал Ф. Лежён. Он полагал, что субъективность обнаруживает себя уже в античных текстах, тем не менее автобиография как особый жанр текстуально оформляется в XVIII веке (он имеет в виду «Исповедь Руссо»). Человек вспоминает себя и фиксирует свои состояния и переживания в истории, когда пишет автобиографию. Да, он описывает и Других, и их переживания, но специфика автобиографии именно в фиксации и рефлексивном осмыслении этапов становления собственной субъективности¹⁰⁴. Для автобиографии характерны: во-первых, самоидентификация автора, героя и повествователя; во-вторых, договоренность автора с самим собой и с предполагаемым читателем о том, что он будет говорить (писать) правду и только правду о себе и о происходящих событиях (Лежён предлагает для обозначения этой договоренности понятие «автобиографический пакт»)¹⁰⁵.

Термин «автобиографический пакт», введенный в исследованиях Лежёна, позволяет нам поставить вопрос об эпистемологическом статусе автобиографического нарратива. Через автонаррацию человек не только осознает себя по-другому (становится самосознающим), он фиксирует знание о тех процедурах, с помощью которых он стал самосознающим. Заключение автобиографического пакта позволяет человеку зафиксировать собственное

---

¹⁰¹ См.: *Presser J. Memoires als geschiedbron // Winkler Prins Encyclopede. Vol. VIII. Amsterdam, 1958. Цит. по: Dekker R. M. Jacques Presser's heritage: egodocuments in the study of history // Memoria y Civilizacion. 2002, Vol. 5. P. 14.*

¹⁰² *Krusenstjern B. von. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. 1994. Alltag 2. S. 462–472.*

¹⁰³ *Schulze W. (ed.). Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. Berlin: Akademie Verlag, 1996.*

¹⁰⁴ *Lejeune Ph. L'autobiographie en France. 2e éd. Paris: Armand Colin, 2010. P. 8.*

¹⁰⁵ *Lejeune Ph. Écrire sa vie... P. 16–17.*

отношение к миру, а также осознать, что он структурирует акты сознания. Именно об этом рассуждает Лежён, когда говорит, что он опирался на рассуждения Руссо, когда делал автобиографический пакт центральным понятием. Не то важно, что человек рассказывает о себе, но то, что он делает это рефлексивно, дав самому себе слово быть правдивым¹⁰⁶.

Конечно, проверить соответствует ли содержание повествовательного текста действительности весьма сложно. Собственно говоря, именно в этом и заключается специфика автобиографии. Она не нацелена на то, чтобы достоверно свидетельствовать о времени ее написания. Автор может начать писать автобиографию в любое время и к тому же время от времени ее редактировать (причем время редактирования также не поддается верификации). И тем не менее если автор заключает сам с собой автобиографический пакт, автобиография может служить историческим источником. Возьмем, к примеру, автобиографию Джироламо Кардано, который рефлексивно отнесся к повествованию. Уже в первых строках книги «О моей жизни» он заявляет, что самое главное для него в процессе написания – это поиск истины. А потому он видит достоинство своего письма в том, что оно достоверно описывает события, которые с ним произошли. И самое важное, он заверяет читателя, что в книге его жизни нет ни слова клеветы, хвастовства или приукрашивания действительности¹⁰⁷. Итак, автобиография является одним из ключевых способов самопознания. В настоящее время разработаны целые исследовательские направления (психологические, историко-культурные) со своими теоретическими основаниями и практическими курсами, в рамках которых анализируется автобиография.

---

¹⁰⁶ См.: *Лежён Ф.* От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // *Неприкосновенный запас.* 2012. № 83 (3). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2291> (дата обращения: 01.03.2018).

¹⁰⁷ См.: *Кардано Дж.* О моей жизни / Ред.-сост. Ю. П. Зарецкий; пер. на рус. яз. Ф. А. Петровского, С. Бартеневой, В. Бернарда, Р. Броля, Т. Быковой, Е. Волоконцева; вступит. ст. Г. Г. Аваняна, М. Ю. Вагиной, Ю. П. Зарецкого; коммент. В. П. Зубова, Г. Г. Аваняна, М. Ю. Вагиной. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 25.

Другим важнейшим типом автобиографического нарратива, с помощью которого складывается «образ Я», является дневник. Его создатель не может держать под контролем последующие события, поскольку не может предвидеть будущее. Его цель – прошлое, свершившееся, остановленное, ставшее, сбывшееся, которое существует для него в настоящем времени. А это означает, что создатель дневника, в отличие от автобиографа, практически всегда зависит от настоящего времени¹⁰⁸. Когда человек пишет дневник и работает с настоящим, ему сложнее обмануть себя или своего читателя (себя или Другого), в то время как автобиографу это сделать значительно легче. Самообману способствует психологическая способность забывания, стирания из памяти прошедших событий. При этом важно отметить, что самообман в процессе создания автобиографического нарратива имеет и обратную сторону¹⁰⁹. Создавая ложный «образ Я», автонарратор может внушить сам себе, что обязан быть похожим на этот образ. Созданная эго-конструкция начинает влиять на создателя¹¹⁰.

С помощью автобиографического нарратива можно осуществить реконструкцию личностной составляющей Я, а также понять исторический контекст, время написания текста, а также экзистенциальные отношения пишущего к происходящему, ведь автонарратор обладает объективными и субъективными характеристиками, сочетание которых делает его *единственным* в этом мире. Однако автонарратор существует не сам по себе но в отношениях с Другими, в актах взаимодействия происходит самокорректировка автонарратора и появляются разные «образы Я», на пересечении которых остается целостное неизменяемое ядро личности. В эпистемологическом смысле для нас важно, что человек способен в акте наррации распознавать подлинные и неподлинные «образы Я», узнавать свое настоящее целостное ядро (через осознание актов сознавания). В детстве

---

¹⁰⁸ См. *Lejeune Ph. On diary* / Ed. by J. D. Popkin, J. Rak, trans. by K. Durnin. Honolulu: The University of Hawaii Press, 2009.

¹⁰⁹ См. *Elster J. Op. cit.*

¹¹⁰ *Лежён Ф. От автобиографии к рассказу о себе...* (Дата обращения: 01.03.2018).

самоосознание носит случайный характер, постепенно возникает целостная «Я-концепция», которая с течением жизни подвергается корректировке, может меняться. Психологи, например, выявляют разные уровни существования Я. Среди них: Я-социальное и Я-личностное, Я-историческое, Я-идеальное и т. д. И в процессе исследования этих форм существования Я возникают определенные сложности с определением и дифференциацией. Образ Я, с точки зрения психологов, образуется посредством самоосознания. И так как мы говорим о самосознании конкретного человека, то должны принимать во внимание, что он как субъект познания оценивает себя, исходя из сложившихся социальных и культурных стереотипов, которые он может зафиксировать в нарративе. Именно акт наррации важен в эпистемологическом смысле.

Итак, если мы полагаем, что знание коррелирует с реальностью, то познавательный статус автобиографического нарратива оказывается сомнительным. Как мы можем верифицировать акты автонаррации? Здесь есть, конечно, свои способы. Во-первых, любой автобиографический нарратив существует не сам по себе, но в отношении с объективными источниками, через которые можно проверить фактичность, описываемую автонарраторами. Во-вторых, существуют такие формы письма, для которых автонарратив оказывается платформой, на базе которой создаются симулякры, фикции, литература. И при этом автонарратив (как и любой другой вид письма) создает особую индивидуальную действительность повествуемого. Отсюда – важный вопрос: насколько этот конструируемый мир коррелятивен действительности внешнего мира. Повествованием, нацеленным на корреляцию с реальностью можно считать, к примеру, любую работу Н. В. Гоголя, где описание народной одежды, быта, песен на высоком уровне соответствует реальности его времени. А другой пример – это картины Леонардо да Винчи (ведь рисунок также может стать способом самоописания). Говоря о корреляции картины с реальностью, важно подчеркнуть, что художественное творчество Леонардо да Винчи исследуют ученые разных областей знания: от культурологов до биологов, поскольку великий художник всегда основывался на реальности, создавая свои

шедевры. Он записывал наблюдения в записную книжку (описывая в ней то, где и каких видов растут деревья, как растет трава и цветы, как их рост зависит от почвы и скал, а главное: как именно это изображать, чтобы рисунок на картине соответствовал действительности¹¹¹), которая помогает современным исследователям познать и самого Леонардо да Винчи, и реальность его времени.

Таким образом, нарратив как событие повествования можно исследовать и как конструкцию, и как эмпирию (выбор зависит от целеполагания исследователя или автонарратора); при этом мы осознаем, что нацеленность на реальность невозможна без некоей конструкции. Важна функция этой конструкции: пытаемся ли мы с ее помощью осмыслить реальность, или же сама эта конструкция – фикция и условность. Хотя нарратив и является некоей конструкцией, мы должны иметь в виду, что под ней всегда присутствует определенный эмпирический слой. Как бы мы ни хотели абсолютизировать конструируемость нарратива, мы не можем уйти от его реального, эмпирического основания. Это эпистемологическое противоречие всегда присутствует, осознает это автонарратор или нет. Именно на это обращает внимание Лежён, когда указывает, что автобиографическое повествование это не просто текст, содержащий истину, но текст, в котором повествующий в акте говорения или написания утверждает (и признает), что он говорит истину. Это признание автором истинности нарратива и есть «автобиографический пакт», который влияет на самосознание нарратора и восприятие автонаррации исследователем¹¹².

В других работах (эссе «The Practice of the Private Journal: Chronicle of an Investigation, 1986–1998» и «Composing a Diary») Лежён рассуждает о реконструкции Я в тексте уже на собственном примере. Первый опыт столкновения человека с нарративной идентичностью – это знакомство со словом Я (этот момент, как правило, не запоминается; другой пример, уже

---

¹¹¹ *Леонардо да Винчи. Избранные произведения / Пер. В. П. Зубова, А. А. Губера, В. К. Шилейко, А. М. Эфроса. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 415.*

¹¹² *Лежён Ф. От автобиографии к рассказу о себе... (Дата обращения: 15.04.2018).*

в нашем языке, – знакомство с формулировкой «чтение “про себя”». Не сама субвокализация, а именно формулировка). Взросление человека, способность к анализу и самоанализу для Ф. Лежёна неразрывно связаны с написанием автобиографического текста, с описанием и реконструкцией собственных поступков, собственной жизни и собственного Я. Автонаррация оказывает влияние на реконструкцию и личности автора, и происходивших событий. В данном случае можно ввести еще один аспект реконструкции – когнитивный. Так, Д. Канеман рассуждает об отличиях «Я-переживающего» и «Я-вспоминающего» (Experiencing Self – Remembering Self). Дело даже не в различиях воспоминаний о произошедшем и событий, имевших место в реальности; разница может скрываться непосредственно в восприятии и проживании; человеку может казаться, что прошло много времени, а на самом деле – несколько минут или даже секунд. (В фильме 2004 г. «Хокинг», звучит рассказ о том, как Моцарт смог за секунду до пробуждения увидеть во сне симфонию. Но как? Ведь она развернута во времени, она обладает длительностью – а он увидел и охватил ее целиком.)

По дневникам часто составляются биографии, но дневник □ это далеко не то же, что автобиография. Автобиография, как правило, выступает в роли рассказа, в то время как дневник может быть собеседником. Неслучайно широко распространены первые слова «дорогой дневник». Дневник обращен в будущее, сам по себе он незамкнут. Как только дневник оканчивается – мы фактически отсекаем его от времени, и при этом интегрируем его в нашу собственную реконструкцию прошлого. И он, являясь уже частью этого прошлого, этой реконструкции, дает возможность увидеть развертывание автором себя во времени, на протяжении месяцев, лет, всей жизни. В то же время, если он оказывается опубликован, этим же автором, или кем-то другим □ это уже другое произведение, поскольку ни один дневник не бывает опубликован ровно в том виде, в каком он был написан. В этом смысле дневник по-настоящему оканчивается только смертью автора.

Дневникам Лежён посвятил отдельное исследование, выпустив монографию «On diary» в издательстве Гавайского университета (там с 1988 года находится центр биографических исследований). Для Лежёна важно проследить изменение дневника в истории, поэтому он сначала работает с автобиографическим материалом XVI–XVIII столетий, а затем переходит к исследованию современного состояния автобиографического нарратива □ это блоги, это дневники в Интернете, это, до некоторой степени, социальные сети. Сами автобиографии он разделяет на типы: документальный тип, где в основном описываются социальные проблемы, окружающая повседневная реальность или исторические события, и тип литературный, где внимание человека сосредоточено уже на самом себе. Ныне оба эти типа имеют тенденцию к фрагментации и изменению способа выражения. Лежён определяет эту тенденцию как «гибридизацию» – если прежде автобиография представляла собой некоторый единый текст (книга, история), то сейчас имеют место автобиографические фильмы, видео, блоги, даже автобиографические комиксы. Это могут быть автобиографические фильмы («Le filmeur»), видео, блоги и даже комиксы (совсем недавно в Интернете мелькал комикс-автобиография). В этом смысле и сама тема «медиа» в контексте реконструкции начинает звучать по-особому. Лежён выявил еще один момент, связанный с медиа: автобиография как цельный текст долгое время сопротивлялась вынесению ее в Интернет; как правило, это происходило из-за слишком большого объема текстов.

Автобиография «является своеобразным синтезом осознания/означивания и бытийствования субъекта. Сам по себе жизненный опыт субъекта □ это “черновики” огромного множества историй о себе, “испытательный полигон” для множества нарративных автобиографических проектов, в которых субъект ищет и утверждает свою целостность, своё “Я”»¹¹³. Трудности встречаются на

---

¹¹³ Сапогова Е. Е. «Римейки жизни»: конструирование автобиографического нарратива // Известия ТулГУ. Серия «Психология» / Под ред. Е. Е. Сапоговой. Вып. 5. В 2 ч. Ч. 1. С. 200–228. URL: <http://esapogova.narod.ru/texts/rimeik.htm> (дата обращения: 15.02.2018).

всех этапах работы с черновиками: прочесть (иногда черновик пишется второпях, скорописью, с авторскими сокращениями (как черновики Г. Г. Шпета, например), реконструировать оригинал (если от замысла и остались, собственно, только черновики и наброски), или же ухватить этот смысловой промежуток между черновиками и финальным текстом. Черновики автобиографий в этом плане крайне интересны. «Черновики различных авторов автобиографий позволили мне проследить процесс выработки того, что Поль Рикёр называл нарративной идентичностью. Я изучал черновики сартровских “Слов”, “Детства” Натали Саррот, всех автобиографических начинаний Жоржа Перека. Я также изучал процесс создания дневника Анны Франк, то, как она сама полностью переделала свой текст, а также изменения, позже внесенные ее отцом»¹¹⁴. Что касается соотношения черновика и дневника: дневник гораздо ближе к черновику, хотя для Лежёна и вся жизнь, и ее описание, соответственно, □ это бесконечная череда проб и переделок. Человек кирпичик за кирпичиком строит свою собственную идентичность, сверяясь с уже существующими моделями, но находясь в поиске себя самого. Черновик выступает как нечто предварительное, «неставшее», в то время как в «официальный момент», «начисто» человек приходит к рукотворному образу себя. Когда кто-то пытается примерить на себя уже окончательный образ (и написание автобиографии здесь – хороший пример), он в то же время протягивает и реконструирует в голове линию всей своей жизни, начиная с самых первых воспоминаний. И автобиография при этом далеко не всегда становится автобиокопией. Хороший вопрос: возможно ли вообще совершить полноценный критический анализ собственной памяти, проанализировать спорные моменты, собственные недостатки, фантазии? Итак, еще один аспект реконструкции при работе с автобиографическим нарративом – реконструкция истории, создание некоторого фундаментального мифа, построение или пересмотр собственной системы ценностей. И автобиография, и дневники, и блоги – все это, в той или иной мере, позволяет реконструировать: во-первых,

---

¹¹⁴ *Лежён Ф.* От автобиографии к рассказу о себе... (Дата обращения: 15.02.2018).

исследователю, читателю – автора и его эпоху, во-вторых, самому автору – себя, если он работает с собственными текстами как с интроспективным материалом. В этом смысле автобиографический текст очень удобен для самоанализа, и, собственно, это одна из ключевых его задач.

Лежён подчеркивает все разнообразие функций дневника; кому-то необходимо самопознание и самоанализ, кто-то сохраняет свидетельства своих поступков и собственные мысли, желая передать это, таким образом, в наследство потомкам; для некоторых дневник – тот же органайзер. Лежён подчеркивает, что для передачи (и в некоторой степени реконструкции) собственного Я автору важна каждая деталь: многие ответственно подходят к выбору материала дневника, выбирают бумагу для него, пишут особым почерком, особыми чернилами, украшают, оформляют. В чем-то это похоже на создание рукописных книг, столь ценимых в Средневековье.

Из Средневековья я беру и следующий пример. Одна исследовательница, которая живет в Германии и работает с рукописями, выложила в Интернет фотографии старинного собрания молитв, стихов и гимнов, написанного монахиней. Они были украшены орнаментами из цветов, цветы были вложены между страниц, в главной части шел гимн о том, как все прекрасное тянется к богу, цветы символизировали Марию, и в конце шло изображение души самой монахини – одетой в прекрасные одежды и с красивыми распущенными волосами, – спиной к читателю и лицом к ангелу, поскольку считалось, что после праведной жизни в монастыре, каждая монахиня становится невестой Христа и ее душа направляется к нему. И хотя этот манускрипт не является дневником, тем не менее этот материал личный, интимный, и он позволяет реконструировать и понять Я этой монахини¹¹⁵.

А вот совершенно другой пример фактически иного типа автобиографического нарратива – записи Людовика XVI. Документ, поразивший историков в первую очередь тем, что в нем напротив даты 14 июля

---

¹¹⁵ Тема женского дневника стала звучать, сам Лежён в ответ на обвинение в том, что он публиковал работы только о дневниках мужчин, выпустил книгу «Le Moi des demoiselles: Enquête sur le journal de jeune fille» (Seuil, 1993).

1789 года стоит слово «ничего»¹¹⁶. Людовик XVI начал вести записи в двенадцатилетнем возрасте, и каждый день скрупулезно записывал туда что-нибудь. Но, как правило, это были перечисления поездок верхом, торжественных месс, прогулок, приемов и спектаклей. Особенно подробными были описания охоты и трофеев. Что касается важных дней и событий, то слово «ничего», помимо, собственно, 14 июля, встречается напротив дня смерти верховного наставника Ж. Ф. Морепа, напротив смерти тещи – императрицы Марии Терезии, даже напротив свадьбы Людовика и Марии Антуанетты. И дело не в том, что Людовик якобы бездушный человек, которому плевать на близких, – просто он использовал дневник как органайзер, записывая туда предстоящие встречи и внося планы. Хотя многие историки именно на основании этих записей реконструировали личность французского короля как нечто крайне невнятно-неприятное. В этом заключается и ловушка работы с подобными текстами; по умолчанию историк, исследователь исходит из того, что дневник раскрывает внутренний мир личности; что это ключевой способ реконструкции – и в итоге такие документы не только не оправдывают ожиданий, но и, наоборот, вносят путаницу в работу ученых.

Автобиографический текст, будь то дневник, мемуары или, собственно, автобиография, располагается на пересечении литературы, психологии, философии и истории. Описание человеческой жизни, насыщенное рассказами о событиях, размышлениями о самом себе, своем мирозерцании и понимании мира оказывается доступным для анализа. Соотношение самосознания, самоидентичности, памяти и Я в автобиографическом нарративе в настоящее время интересуют и исследователей-философов, и методологов. Дж. Брокмейер, соавтор Р. Харре¹¹⁷, подчеркнул методологическую значимость и удобство нарратива для исследования и объяснения человеческой идентичности, самосознания и поведения. Вместе с Карбаухом он поднимает вопрос: как именно нарративы формируют человеческую жизнь? Том

---

¹¹⁶ Journal de Louis XVI / Ed. by L. Nicolardot. Paris: E. Dentu, Libraire-Editeur, 1873. P. 136.

¹¹⁷ Брокмейер Й., Харре Р. Указ соч.

«Нарратив и идентичность. Исследования Автобиографии, Я и Культуры»¹¹⁸ под авторством Дж. Брокмейера и Д. Карбауха — один из многочисленных томов серии «Нарративные исследования». Рассуждая о специфике исследований нарратива и интереса к нему только с позиций либо психологии, либо литературы, Брокмейер и Карбаух заявляют о недостаточном количестве философских исследований по этой тематике. Подчеркивая свои слова, они ссылаются на литературного критика Дэниела Олбрайта, сказавшего по этому поводу: «литература это дикая пустошь, философия — это сад»¹¹⁹. Как нарратив связывает культуру, человеческое Я и память? Как создает и обеспечивает смысл человеческой жизни? Какова роль нарратива в самоопределении человека? Брокмейер и Карбаух рассматривают эти вопросы с точки зрения различных гуманитарных наук, с культурно-исторических и социальных позиций: нарратив для человека оказывается выражением воплощенного опыта, способом общения и формой понимания мира и себя самого. Ученые предоставляют ряд перспектив: от нарративной психологии и критицизма до дискурс-анализа и теории культуры, с точки зрения которых изучают специфику нарративной идентичности — как индивидуальной, через автобиографические нарративы, так и национальной, через нарративы групповые. Анализируя вербальные и невербальные, устные и письменные, естественные и художественные автобиографические тексты, исследователи показывают, как построение себя, воспоминания и жизненные миры переплетаются в одной нарративной ткани.

Выводы по параграфу:

Таким образом, нарратив сегодня стал предметом многочисленных исследований в самых различных областях гуманитарного знания. Конкретная разновидность нарратива — автобиографический нарратив еще более

---

¹¹⁸ Brockmeier J., Carbaugh D. (eds.). Op. cit.

¹¹⁹ Albright D. Literary and psychological models of the self // Neisser U., Fivush R. (eds.). The remembering Self: Construction and accuracy in the self-narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 19.

специфический материал для работы с феноменом индивидуального самосознания. Опираясь на методологические, социологические и исторические исследования Ф. Лежёна — известного французского специалиста в области автобиографий, дневников, записных книжек, — мы рассмотрели эпистемологические аспекты автобиографического нарратива как формы индивидуального самосознания. Эпистемологическая специфика нарратива заключается в возможности выражения человеком своего знания о себе. Нарратив (автобиографический, а также нарратив, исходящий от Других) предстает как предметность и средство формирования самосознания. Рассказывая историю, человек получает возможность выражения своего знания о себе, то есть берет свое самосознание под рефлексивный самоконтроль.

1.3. Реализм и конструктивизм в подходе к нарративному самосознанию. Как возможно сочетание искренности и самообмана в автобиографических нарративах?

Когда человек пишет о себе, о своих переживаниях, самоощущениях и событиях, которым он был свидетелем, добавляет ли он к этому повествованию что-нибудь «не-бывшее», создает ли он ненастоящие «образы Я»? Можем ли мы быть уверены в верифицируемости автонарративов, то есть в том, что через акт автонаррации человек конституирует собственное самосознание и осознает реальность нарратива как действительную? В эпистемологическом плане эта дилемма обозначает границу между реализмом и конструктивизмом в подходе к нарративному самосознанию. В настоящее время все большую популярность приобретают две философско-методологические стратегии познания, лежащие в основании ряда научных подходов в современной эпистемологии. Эти стратегии — реализм и антиреализм, интерпретирующие феномены познания, сознания и самосознания в определенных смыслах. Антиреализм — конструктивизм, релятивизм, плюрализм. Хотя В. А. Лекторский в сборнике «Перспективы

реализма в современной философии» и говорит о распространении антиреализма во множестве его форм за последние два десятка лет, однако сам факт написания данной книги свидетельствует о возрождении интереса к реализму.

В данном параграфе будет проанализирована специфика реализма, а точнее, специфика соотношения конструктивизма и реализма в нарративном контексте. Эту специфику необходимо учитывать при попытке анализа соотношения самосознания и нарратива. Необходимо ответить на вопросы: в чем заключается специфика нарративного сознания и каков его эпистемологический статус?

В. А. Лекторский подчеркивает, что эпистемологический конструктивизм переживает сегодня новое рождение. Он задается вопросом о том, можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии; тот же вопрос можно направить в сторону нарративного самосознания. «Основная идея эпистемологического конструктивизма состоит в том, что “знание что” может быть сведено к “знанию как”: вы знаете нечто о каком-либо предмете в том и только в том случае, если можете построить его. <...> То, что мы считаем отношением к реальности как конституирующим признаком знания □ и само различие реальности и иллюзии, □ с этой точки зрения является лишь моментом внутри конструктивной идеальной деятельности»¹²⁰.

Вопрос осложняется дискуссионностью самого понятия «реальность». На наш взгляд, в контексте споров о статусе реальности важно, что эта тематика ныне интенсивно обсуждается отнюдь не только в связи с научно-познавательной деятельностью. И это расширение контекста, очевидно, не может не сказаться на ее содержании – сегодня в ней явно зазвучали релятивистские мотивы. Когда в первой половине XX века в сфере научного познания (прежде всего, в области физики микромира) эта тема, приобрела остроту и определенность, суть дискуссий о реальности сводилась к вопросу

---

¹²⁰ Лекторский В. А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2008. С. 32.

о методологическом инструментарии науки (техническом и концептуальном), способном эффективно выполнить роль критерия реалистичности различных гипотетических конструкций. Соответственно, проблема реальности сводилась к вопросу, как обосновать гипотетические предположения о ненаблюдаемых непосредственно реалиях. В таком виде вопрос этот и сегодня обсуждается в рамках методологии естествознания. Однако ныне стимулом к продолжению дискуссий, особенно в науках о человеке, стала идея так называемых региональных онтологий – якобы разные варианты реальности создаются в рамках различных теоретических конструкций. С этой точки зрения реальностей оказывается столько же, сколько этих конструкций (с той, однако, оговоркой, что не всякая конструкция может соответствовать реальности, так как она может оказаться ложной, либо вообще иметь характер удобной фикции. В этом случае проблема реальности, по сути, трансформируется в проблематику принятия решений о том, какая реальность предпочтительнее. А критическая составляющая научной методологии рискует трансформироваться в скептическое отношение к любому утверждению о реальности.

В качестве примера можно привести довольно типичную формулировку проблемы реальности в исторической науке¹²¹. Историки постулируют два «мира прошлого»: мир исторической действительности (прошлое, которое вовлечено в процесс исторического познания) и мир исторической реальности (тот образ прошлого, который принадлежит субъекту исторического познания, образ, который сконструирован этим субъектом). И частью мира исторической действительности становится только та часть мира исторической реальности, которая пройдет определенного рода «методологическую цензуру», поскольку именно методология, в конечном итоге, определяет предметное поле исторического познания (смысл этой цензуры в том и состоит, чтобы постичь «историческую действительность»). Приведенную интерпретацию прошлого

---

¹²¹ Лубский А. В. Действительность историческая // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 84–85.

и образа прошлого в представлении познающего субъекта можно применить и относительно нарративов, причем нарративов в первую очередь автобиографических. С эпистемологической точки зрения историк воссоздает прошлое по его «следам»: от прошлых событий остаются следы в культуре, в языке, остаются материальные свидетельства, остаются документы, рукописи, письма, дневники и т. п. На их основе можно выдвигать гипотезы, строить и разрушать теории о прошлом, то есть осуществлять попытки конструирования историческую реальность и таким образом постигать историческую действительность.

Такого рода трактовки реальности очень широко представлены сегодня в сфере гуманитарных исследований, в том числе и исторических. Причем фактором, склоняющим методологов в этом вопросе к релятивизму, является признание множественности онтологий практически во всех социокультурных практиках современного человека – в искусстве, в политике, в экономике, в сфере образования. Во всех этих областях широко распространено понимание реальности как представления о мире, которое конституируется исключительно отношением человека к окружающему его миру, то есть реальность рассматривается как обусловленное социокультурным контекстом видение мира. Но вопрос, повторим, в том, какова природа такой обусловленности? Позволяет ли она хоть в каком-то смысле говорить об объективности этой реальности? И если позволяет, то – в каком? А если не позволяет, то каковы последствия этой констатации для европейской культуры? Ведь помимо всего прочего этот вопрос затрагивает статус науки как ее фундаментальной составляющей.

Один из ключевых представителей социального конструкционизма, К. Дж. Герген в статье «Упадок и разрушение личности»¹²², говоря о современном состоянии индивидуального Я, подчеркивает его размывание за счет так называемого «социального взрыва». Я впитывает в себя множество

---

¹²² Gergen K. J. The decline and fall of personality // Psychology Today. 1992. Vol. 25 (6). P. 59–63.

Других, с которыми контактирует непосредственно или опосредованно. Такое впитывание, с одной стороны, расширяет внутренние горизонты, с другой — демонстрирует подчас противоположные возможности человеческого существования. Не говоря уже о многочисленности социальных векторов, использовать которые одновременно одному человеку практически не под силу. Герген делает акцент на опасности бесконечного нарративного поля; окруженный стратегиями, примерами, историями и репродукциями, человек теряет подлинность — вначале окружающего мира, а затем повторяющиеся образы проникают и в него самого, в его Я. С одной стороны, это крайне постмодернистский взгляд на социальную реальность, с другой — это выход ко все более популярной в настоящее время тематике медиафилософии и медианарратива¹²³.

В самом деле, в конце XX и начале XXI века предпринимались многочисленные попытки оспорить принцип линейности повествования; создавались особые «экспериментальные истории», сюжеты в видеоиграх, фильмах. Обращение к медийной тематике (аудио, видео, Интернет) в настоящее время обусловлено технологическим скачком и расширением нарративного поля в медиапространстве. Это касается в том числе и автобиографических нарративов: блоги, дневники, индивидуальные страницы в социальных сетях позволяют реконструировать индивидуальное Я владельца (по крайней мере, тот образ, который он предоставляет в открытый доступ медиапространства). С нарративами такого типа работал П. Кобли¹²⁴, о медийных аспектах также писал ведущий специалист по автобиографическим нарративам Ф. Лежён¹²⁵.

Другой представитель социального конструкционизма, В. Берр, подчеркивает, что именно субъектная позиция обеспечивает субъект, во-

---

¹²³ Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: РХГА, 2013; Савчук В. В. (ред.). Антология медиафилософии СПб.: РХГА, 2013.

¹²⁴ Cobley P. Narrative: The New Critical Idiom. 2nd ed. London: Routledge, 2001.

¹²⁵ Lejeune Ph. Écrire sa vie...; Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. Paris: Éditions du Seuil, 1975.

первых, его собственным Я и, во-вторых, Я-нарративами; именно благодаря этим Я-нарративам человек всякий раз может говорить и думать о себе¹²⁶.

Конструктивистские тенденции широко распространяются во второй половине XX века не только в философии, но и в филологии (особенно структуралистски ориентированной). Соотношение сознания и нарратива можно рассматривать с нескольких сторон. Так, меня интересует преломление нарратива в самосознании, использование нарративной формы для выражения своего Я. Доррит Конн изучает нарративные модели для лучшего понимания устройства ментальной жизни персонажей в художественных произведениях¹²⁷.

Конн выделяет специфику типологического подхода к презентации сознания в художественной литературе. Она полагает, что даже такие произведения, как «Улисс», кажущиеся на первый взгляд выражением неструктурированного потока сознания, можно изучать с помощью нарратива и даже находить в них типологические опоры, структуры. Фактически Д. Конн продолжает традицию в литературоведении, намеченную Г. Г. Шпетом и формалистами, критикующими психологизм и отдававшим предпочтение лингвистическим и грамматическим критериям анализа текста, нежели психологическим. Конн также рассматривает проблему монолога в наррации, феномен дневника, соотношение дискурса и наррации и тем самым показывает преимущества нарративного подхода в исследовании самосознания как литературного (текстуально зафиксированного) феномена.

При этом концептуальные акценты в конструктивистских исследованиях «смещаются на познавательные операции описания, на нарративные операции, конструирующие мир, в котором мы живем. Иными словами, эпистемологический интерес смещается на процедуры познавательного конструирования, которые напрямую затрагивают нас. Каким мы видим мир, так мы себя в нем и чувствуем – психологически (даже биологически) комфортно или дискомфортно. Описание конструируем мы, и оно нас

---

¹²⁶ См.: *Burr V. Social constructionism. New York: Routledge, 2003. P. 105.*

¹²⁷ *Cohn D. Transparent Minds. Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. New Jersey: Princeton University Press, 1978.*

удовлетворяет или нет, поскольку мы не просто достигаем внутри него каких-то практических целей, но еще и переживаем пребывание в нем. В описании мира мы выживаем. В этом и заключается, на наш взгляд, смысл тезиса радикальных конструктивистов о том, что познание ничего не отображает, но тем не менее имеет адаптивный характер. Познание как переживание – вот что является реальностью с этой точки зрения. Так что если следовать логике конструктивистов, на базе интуиции переживания как раз и может осуществляться направленное конструирование и отбор адапционно значимых нарративов»¹²⁸. Таким образом, конструктивизм рассматривает нарративное самосознание как чистой воды конструкцию¹²⁹, а реализм – как направленное на то, что есть, то, что конструировать не получается, больше того, надо видеть, в какую сторону конструирование направлено.

Е. О. Труфанова различает социальный конструктивизм и социальный конструкционизм: в конструктивизме акцент исследований ставится на идее конструктивной природы человеческого восприятия, роли и специфики индивидуальных конструкторов в понимании и познании мира, плюрализма истины и культурно-исторической и языковой опосредованности мышления, в то время как «социальный конструкционизм, возникший как реформистский подход в социальной психологии, отличается приданием приоритетной роли в конструировании культуры, сознания и Я человека взаимосвязи языка, коммуникации и социальных практик»¹³⁰.

На мой взгляд, хотя знание (в том числе и о себе самом) и конструктивно по своей природе, но не настолько, чтобы перестать быть репрезентацией мира.

---

¹²⁸ Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Конструктивизм как умонастроение и как методология // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. С. 363. См. также: Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Конструктивный реализм...

¹²⁹ «Задача человека, конструирующего самого себя, заключается в том, чтобы обнаружить истоки формирования того или иного “Я-образа” и возможные перспективы его использования или трансформации путем создания нового ответвления автобиографии, нового жизненного стимула» (Богданова В. О. Образ «Я». Конструктивистский подход // Философская мысль. 2016. № 4. С. 89–100. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_18336.html (дата обращения: 12.03.2018).

¹³⁰ Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В. А. Лекторский; отв. секр. Е. О. Труфанова. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. С. 374.

И здесь можно согласиться с В. А. Лекторским, который полагает, что «реализм □ это... наиболее перспективная сегодня стратегия исследования познания и сознания. В других публикациях я называл разрабатываемую мною концепцию реализма конструктивным реализмом. Сегодня я думаю, что такое понимание можно также называть деятельностным реализмом»¹³¹.

В рамках конструктивного реализма сознание определяется не как замкнутый на себя мир, не как замкнутая на себя интроспекция. «Сознание в действительности выходит за собственные рамки и указывает на внешнюю реальность. Это способ осмысления действия в мире вещей, отношений, процессов, событий, других людей. Самосознание, самореференция связаны с этими действиями в реальном мире. Субъект, “Я” □ не центр отъединенной от мира субъективной реальности, а телесно воплощенное существо (embodied self), включенное в активное взаимодействие с миром и в коммуникационные связи с людьми»¹³². В то же время самосознание, рефлексия не сводится только к фиксации состояний такого замкнутого на себя мира. «Самосознание □ это осознание прежде всего состояний собственного тела, а затем и состояний сознания (важно, что эти состояния связаны с осмыслением внешнего мира) и своей личности. При этом <...> в этом процессе возможны ошибки»¹³³. С этой точки зрения, продуктивность конструктивного реализма проявляется в частности в том, что он позволяет фиксировать ошибки в процессе самопознания. И это вплотную подводит нас к осмыслению проблемы самообмана.

Известный отечественный психолог В. В. Знаков в работе «Психология понимания правды»¹³⁴ подчеркивает малоизученность феномена самообмана, называя его особым случаем аутокоммуникации¹³⁵. Он описывает его как

---

¹³¹ Лекторский В. А. Реализм как философско-методологическая стратегия исследования познания // Перспективы реализма в современной философии. С. 24.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ См.: Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999. С. 255–257.

¹³⁵ Термин используется для описания постоянного процесса общения человека с самим собой как естественного условия психологической активности. См. подробнее: Broms H., Gahmberg H. Communication to Self in Organizations and Cultures // Administrative

момент, когда во внутреннем диалоге обманывающий и обманываемый оказывается одним и тем же лицом. Самые распространенные ситуации, приводящие к самообману, как правило, возникают, когда человек либо не верит в правдоподобие какого-либо нового знания, либо вовсе его отрицает. Особенно интересен в данном случае феномен самообмана в автобиографическом нарративе. Во-первых, под вопросом оказывается искренность автора перед аудиторией¹³⁶ и, во-вторых, искренность автора нарратива – перед самим собой. Именно для анализа темы самообмана в таком контексте необходимо обратиться к психологическим исследованиям. Хотя, разумеется, к этой теме обращались и методологи, философы¹³⁷, и даже литературоведы¹³⁸ и логики. В конце концов, самообман, с точки зрения логики, □ это просто нарушение закона исключенного третьего, когда человек верит одновременно в истинность А и не-А. Таким образом, для логики феномен самообмана неразрешим □ в отличие от психологии, где выделены и описаны защитные механизмы психики (отрицание и обособление). Так, Р. Кратчфилд, Н. Ливсон и Д. Креч пишут о способности человеческого разума в некоторых случаях игнорировать очевидную противоречивость, называя этот феномен «логиконепроницаемой перегородкой»: фактически два направления

Science Quarterly. 1983. Vol. 28. № 3. P. 482–495; Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «я» и «другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 159–165; Мацута В. В., Суднева О. Ю. Переживание неаутентичности в аутокоммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 91. С. 63–68. Кроме того, существует целый ряд смежных понятий (внутриличностная, интрасубъективная, интрапсихическая коммуникации), каждое из которых обладает определенной спецификой и располагает коммуникативное пространство внутри субъекта, внутри личности или внутри психики. Подробнее см.: Roberts Ch., Edwards R., Barker L. L. (eds.). Intrapersonal Communication Processes. Scottsdale: Gorsuch Scarisbrick, 1987; Перлз Ф. Опыты психологии самосознания: практикум по гештальттерапии. М.: Гиль-Эстель, 1993.

¹³⁶ Отдельного рассмотрения заслуживает направленность автобиографического нарратива на аудиторию, на Другого □ внешнего ли, или же внутреннего Другого, об этом будет подробнее говориться в следующей главе.

¹³⁷ Bach K. An analysis of self-deception // Philosophy & Phenomenological Research. 1981. Vol. 41 (3). P. 351–370; Rorty A. O. Self-deception, akrasia and irrationality // Social science information. 1980. Vol. 16. № 6. P. 905–922; Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ М.: Канон+, 2010.

¹³⁸ Карякин Ю. Ф. Самообман Раскольниковова: роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Художественная литература, 1976.

мысли оказываются изолированы своеобразным защитным механизмом, не вступая, таким образом, в конфликт.

Был проведен ряд экспериментов, благодаря которым выяснилось: когда человеку сложно даже на эмпирическом уровне идентифицировать Других и себя самого (некоторые испытуемые не различали вовсе или идентифицировали неверно голоса других и себя) □ такие люди оказываются вовлечены в самообманное поведение¹³⁹.

В отличие от В. В. Знакова, Д. И. Дубровский работает на философском уровне и рассматривает феномен обмана во всем многообразии его проявлений и воплощений, опираясь на философский и психологический материалы, а также на литературный нарратив. Он подчеркивает, что при работе с феноменом обмана необходимо различать действие и результат, и, таким образом, выделяет три типа субъектов: тот, кто обманывает (обманывающий), тот, кого обманывают (обманываемый), и тот, кто оказывается обманут (обманутый)¹⁴⁰. Специфика самообмана заключается в совпадении всех трех лиц. Поскольку обман □ феномен в первую очередь направленный на Другого, то есть □ социальный и коммуникативный, то самообман можно назвать частью внутреннего диалога, аутокоммуникации.

В первую очередь важно проанализировать место самообмана в автобиографическом нарративе и его соотношение с проявлениями искренности, а главное □ обусловленность самообмана (социальная, биологическая и т. д.). Т. Метцингер, например, сосредотачивается на социальном аспекте самообмана; он подчеркивает успешность самообмана как стратегии в случае, если необходимо обмануть в первую очередь Другого¹⁴¹. Феномен Я для Метцингера выступает как инструмент социального познания, как возможность поставить себя на место Другого, фактически – «заглянуть

---

¹³⁹ *Gudjonsson G. H. Self-deception and other-deception in forensic assessment // Personality and Individual Differences. 1990. Vol. II. № 3. P. 219–225.*

¹⁴⁰ *Дубровский Д. И. Указ. соч.*

¹⁴¹ *Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. М.: АСТ, 2017. URL: <http://www.rulit.me/books/nauka-o-mozge-i-mif-o-svoem-ya-tonnel-ego-read-464478-1.html> (дата обращения: 20.02.2018).*

в его сознание», и затем, основываясь на полученном знании, основываясь на собственном опыте, – обмануть. Исследователь говорит об универсальности феномена обмана, поскольку, по его мнению, на экзистенциальном уровне человек обладает специфической системой верований и тягой к самообману¹⁴².

И Метцингер, и Дубровский акцентируют внимание на склонности человека к самообману: «Если отнестись к этому феноменологическому наблюдению серьезно, то напрашивается неловкий вывод: возможно, основная функция Я-модели высшего уровня состоит в том, чтобы постоянно подгонять организм, создавать функционально адекватную форму самообмана, придавая уродливым подробностям жизни приятный блеск путем создания грандиозного внутреннего рассказа □ “нарративной я-модели”»¹⁴³.

Самообман в эпистемологическом смысле □ заблуждение в оценке собственного знания, пишет Дубровский, приводя в пример диалоги Платона. Человек может искренне верить в созданный образ самого себя в автобиографическом нарративе и обманываться им. Отдельный вопрос, однако, можно ли в целом быть искренним в автобиографическом нарративе, перед другими и перед собой, до предела.

Если рассматривать самообман с двух вышеописанных позиций □ реализм и конструктивизм, □ мы получим два совершенно разных ответа, ни один из которых не закрывает вопроса о самообмане и искренности до конца.

Полуправда также позволяет конструировать обманные действия. Самообман в этом смысле еще более эффективен, поскольку он позволяет сконструировать некоторый образ и поверить в него. Эволюционный биолог Р. Триверс придает самообману особое значение в поведении и животных и человека¹⁴⁴. Согласно Триверсу, феномен самообмана позволяет человеку с большей убедительностью обмануть окружающих. При этом, однако, Триверс учитывает обратный механизм логичной оценки реальности (о чем, собственно,

---

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ *Trivers R. The Folly of Fools: The Logic of Deceit and Self-Deception in Human Life. New York: Basic Books, 2011.*

упоминает и В. В. Знаков): «...Наиболее выгодно, чтобы правда где-то регистрировалась, поэтому механизм самообмана должен соседствовать с механизмом правильной оценки реальности. Сознание должно иметь очень сложную структуру, постоянно разделяться на публичные и частные отделы со сложным взаимодействием между ними»¹⁴⁵.

В человеческой памяти часто смешивается то, что рассказывали другие, и то, что человек видел сам¹⁴⁶. Однако все-таки есть разница между так называемой «ложной памятью» и самообманом в автобиографическом нарративе. «В точном смысле слова самообман – особая разновидность обмана и, следовательно, должен характеризоваться общими признаками последнего. Но в каком смысле возможен обман самого себя? Ведь обман – это дезинформация, ложное сообщение. Будучи обманутым, субъект принимает за истинное, верное, подлинное, справедливое (и наоборот) то, что таковым не является»¹⁴⁷.

Вопрос обмана и самообмана в автобиографических нарративах (дневниках, автобиографиях, мемуарах, исповедях) интересовал исследователей и раньше. Однако сейчас этот вопрос также не потерял своей общеметодологической актуальности.

Изучая автобиографический нарратив, необходимо рефлексивно отметить изменения, специфику описаний событий прошлого. Дж. Молино, пытаясь ответить на вопрос о философской специфике соотношения нарратива с реальностью, подчеркивает разноплановость наррации и дескрипции;

---

¹⁴⁵ *Trivers R.* Social Evolution. Menlo Park, California: The Benjamin/Cummings Publishing Company, Inc., 1985. P. 416.

¹⁴⁶ В данном случае можно вспомнить пример, рассказанный Пиаже в работе «Формирование символа у ребенка», когда он искренне верил и даже помнил, что когда-то в детстве его спасла няня – до тех пор, пока она сама не призналась, что придумала тот случай, и ничего подобного в реальности не происходило. (*Piaget J.* La formation du symbole chez l'enfant. Genève : Delachaux et Nestlé, 1970. P. 199. На русск. языке см.: *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. С. 236).

¹⁴⁷ *Дубровский Д. И.* Указ. соч. URL: http://www.dubrovsky.dialog21.ru/nauchnye_texty/obman1.htm (дата обращения: 16.01.2018).

дескрипция связана с реальностью онтологически, через предметы и личности, наррация □ через факты, свершившиеся события и действия¹⁴⁸.

Выводы по параграфу:

Конструктивный реализм является методологически эффективным подходом при исследовании эпистемологического статуса «нарративного» самосознания: любая конструкция (в том числе образ индивидуального Я) предполагает реальность, в которой она осуществляется. Только в рамках конструктивного реализма становится возможным исследование самообмана в автобиографическом нарративе.

Нарратив направлен не только на себя, но и на Другого. Этому будет посвящена следующая глава.

---

¹⁴⁸ См. подробнее: *Molino J. Logiques de la description // Poétique. 1992. № 91. P. 363 □ 382.*

Глава 2. Я и Другой в нарративном самосознании

2.1. Нарративное самосознание как рассказ для себя и рассказ для других

Приведенный выше анализ самообмана показывает, что обсуждение этой проблемы предполагает расширение контекста. Осмысление самообмана приводит к необходимости вырваться из состояния солипсизма, вырваться за пределы самозамкнутого субъекта. А значит, появляется Другой, и в таком случае возникает и расширяется контекст формирования индивидуального самосознания. Этот контекст культурный, социальный, исторический – то есть, обращаясь к самосознанию и самообману, мы уже выходим за интроспективные рамки психологизма. Только в этом случае возникает определенная перспектива работы с проблемой самосознания и самообмана. И в этом плане оценка индивидуального самообмана Другим (а по сути, констатация этого самообмана) – это выход из конструктивистского тупика. Выход этот состоит в расширении контекста, в апелляции к окружающей реальности (фактически еще раз подтверждается приоритетность конструктивного реализма). Самосознание только тогда становится доступным для Другого, когда оно выражено нарративно. В этом плане апелляция к нарративу открывает эпистемологические аспекты работы.

Выражаемое в языке содержание мысли (ее экстерииоризация) становится предметом исследования гуманитарных наук, пытающихся осмыслить процесс формирования самосознания. Только в этом случае можно говорить о «нарративном» самосознании. И высказывание, повествование в таком контексте играет огромную роль. Оно позволяет оформлять в слове представления о себе самом. На передний план в таком случае выходит нарратив, в первую очередь автобиографический, – повествование о себе, которое становится доступным в культурно-историческом, социальном и других контекстах.

Нет проблемы самообмана, когда он внутри себя, нет эпистемологических антагонизмов во «внутренней речи», пока они не выражены в слове. Когда самообман как мнение выражается в слове, он формируется по тем же законам, что и знание, а потому может функционировать в социуме, может включаться во все контексты. Попытка загнать себя в солипсистские рамки приводит к проблеме невыразимости. Наступает предел конструктивизма, и только нарративизация самосознания, выражения себя в слове дает исследователю конкретный материал, выводит его к реальности.

В таком случае на помощь исследователю приходит исторический и эпистемологический контексты. Они расширяют границы нарратива, расширяют поле своего автора. Например, читатель может не знать о причине дурного настроения (болезни, депрессии и т. п.) у субъекта, но может прочесть об этом у кого-то из современников. По тексту нарратива не всегда ясно, как автора воспринимали Другие в момент его состояний. И в этом смысле экзистенциальный дневник позволяет автору направить взгляд только на себя самого. Фактически автор сам выступает в роли нарративной реальности, экзистенциального поля. В этом состоит одна из особенностей нарратива как повествования, рассказывания □ он всегда дается с определенного угла, с конкретной точки зрения. И каждая из этих точек зрения выступает частью регистрации действительности. Это одновременно сильная и слабая часть работы с автобиографическим нарративом. Картины реальности, изображенные в дневниках, – пазлы, неполные части, они являются только субъективными версиями. Подобно мысленному эксперименту о столе, который, оставаясь столом, является совершенно разными предметами для человека, собаки и таракана; или подобно заключениям семи слепцов о слоне в известной древнеиндийской притче¹⁴⁹. Картина реальности даже у одного человека формируется с течением времени, исторически, она всегда остается незавершенной.

---

¹⁴⁹ См.: *Сакс Дж. Г.* Изучение слона / Пер. В. Земских; Ученый спор / Пер. С. Я. Маршака // Крокодил. 1940. № 12. С. 5. – URL: <http://atmeclub.com.ua/articles/indiiskaya-basnya-uchenyi-spor>

Когда субъект конструирует (или же воспроизводит, это особый вопрос) свое Я в автобиографическом тексте □ он все равно использует те слова, выражения, отношения, которые, так или иначе, были у него перед глазами: признание, вражда, симпатия... он может быть и создает весь мир, но мир будет действовать и влиять на него и через него, через его Я, изложенное в нарративе. В то же время, однако, благодаря проникновению нарратива в мир, благодаря, фактически, базированию нарратива на реальности, можно делать определенные выводы о реальности того времени. В конце концов, у Г. Шлимана был перед глазами только нарратив, и это не помешало ему найти реальность Трои. Более того, работая с древними текстами, обращаясь к мифу, можно многое понять о тогдашней реальности, тогдашнем быте. По нарративу мифа изучают социальную систему общества, социальные роли, в том числе какие отношения были у детей с родителями и т. д.

В нарративе, таким образом, будет проявляться его историческая действительность, даже если речь идет о выдуманном произведении. Субъект конструирует и мир, и себя по известному образцу. В данном случае до некоторой степени близким оказывается и понимание Я Р. Харре, который выделяет Я, существующее в пространстве-времени-в рамках определенной культуры, а также Я как центр рефлексии над внутренним миром¹⁵⁰.

Я полагаю также, что необходимо разграничить два момента: когда исследователь хочет понять внутренний мир человека; и второй □ когда для исследователя важно, действительно ли соответствуют слова человека той реальности, о которой он это говорил. Это два разных типа анализа нарратива. В любом случае мы будем исследовать либо суждение человека об эпохе, либо наполненность его внутреннего мира знаниевыми категориями. Каждый раз эпистемологическим моментом становится то, что погружается в какой-то контекст. Один и тот же текст может содержать в себе знание, а может являться

---

¹⁵⁰ Подробнее см.: *Harre R. Op. cit.; Harre R., Gillett G. The Discursive Mind. London: Sage, 1994.*

мнением. Письмо может быть знанием, если нас интересует автор, и мнением, если интересуют события, описанные в этом письме.

И автобиография, и дневник, и блог – все это до определенной степени позволяет понять, во-первых, исследователю □ автора нарратива, культурно-исторический контекст его творчества, а во-вторых, самому автору – себя. В этом смысле автобиографический нарратив как интроспективный материал удобен для анализа, и в этом, собственно, состоит одна из основных его задач. Исследователи нарративов подчеркивают также их функциональное разнообразие: источник самопознания, свидетельство собственных поступков, мыслей, самоконстатация в бытии и желание сохранить это для потомков; органайзер, в конце концов. Причем платформой для манифестации собственного Я может стать практически любой нарратив. Так, в эгодокумент превращаются подписи переписчиков к манускриптам: не желая называть своего имени, они все же констатировали свое присутствие и свой труд. Анонимность вступала в конфликт с авторским Я, в результате чего на финальных страницах манускриптов появлялись следующие фразы: «Expleto libro, referatur gratia Christo. Nomen scriptoris non pono, quia ipsum laudare polo»¹⁵¹ («По окончании книги, да воздастся благодарность Христу. Имени писца не ставлю, так как не хочу хвалиться») и «Nos opus est scriptum magister da mihi potum; Dextera scriptoris careat grauitate doloris» («Работа закончена, господин, дай мне выпить; пусть правая рука переписчика освободится от боли»). И в то же время, напротив, некоторое количество имен и свидетельств приводится в «Кабинете рукописей национальной библиотеки» Л. Делиля¹⁵². Монахи не только ставили свои имена, как это сделал, например, переписчик трактата Пасказа (Пасхазия) Ратберта: «Deo gratias. Ego, in Dei nomine,

---

¹⁵¹ Подробнее см.: *Lecoq de La Marche A. Les manuscrits et la miniature. Paris: Maxtor, 2015. P. 102.*

¹⁵² *Delisle L. Le Cabinet des manuscrits de la Bibliothèque nationale. Vol. II. Paris: Imprimerie Nationale, 1776. P. 187. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k140991d/f132.item.r=delisle+cabinet+des+manuscrits> (дата обращения: 10.03.2018).*

Vuarembertus scripsi. Deo gratias»¹⁵³), но и оставляли целые напутствия – «Пусть ваши пальцы будут осторожны; пусть они не коснутся написанного. Вы не знаете, что такое письмо. Это непосильно тяжелая работа: ослабеет спина, потускнеет зрение, скрутятся живот и бока. Молись тогда, брат мой, ты, который читает эту книгу, молись за бедного Рауля, слугу Божьего, который скопировал ее полностью своею рукой в монастыре Св. Эйнана»¹⁵⁴.

Значение нарративизации самосознания обнаруживается также при рассмотрении проблемы самоидентификации (самоидентификация, как и самообман, обнаруживается в выражении, в высказывании). Как мы становимся самими собой? Самосознание включает в себя и самоидентификацию, но не сводится к ней. Как только появляется нарратив □ появляется материал для работы, для анализа, экспериментов и оценок. Выраженное в словесной форме, «нарративное» самосознание становится доступным эпистемологическому анализу, речь уже может идти об истинности/ложности того, о чем говорится. Нарратив может быть сверен, проверен, подвергнут сомнению благодаря соотнесению с внешней реальностью, куда входит и Другой. В качестве примера такой смеси нарративного самосознания и реальности можно привести отдельный жанр самопортретирования (точнее сказать, псевдопортретирования): автофикшн¹⁵⁵ (фр. *autofiction* □ букв. автовымысел, самовыдумывание). Жанр специфичен тем, что сочетает в себе элементы и реальной автобиографии, и вымысла. Ф. Гаспарини¹⁵⁶ □ специалист именно по автофикшну □ в своей монографии 2008 года проследил все изменения в определении этого понятия начиная от его

---

¹⁵³ Ibidem. P. 112, 121. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k140991d/f132.item.r=delisle+cabinet+des+manuscrits> (дата обращения: 10.03.2018).

¹⁵⁴ *Savage E. A., Hutt J.* Old English libraries; the making, collection and use of books during the middle ages. London: Methuen & Co. Ltd., 1912. P. 81.

¹⁵⁵ См., напр.: *Eakin P. J.* Fictions in Autobiography. Studies in the Art of Self-Invention. Princeton: Princeton University Press, 1985; *Eakin P. J.* Touching the World: Reference in Autobiography. Princeton: Princeton University Press, 1992.

¹⁵⁶ *Gasparini Ph.* Autofiction vs autobiographie. P. 11 □ 25; *Gasparini Ph.* Autofiction. Une aventure du langage...

появления (термин введен Сержем Дубровским¹⁵⁷), до работ Ф. Лежёна, Ж. Лекарма и др. Однако не выходит ли так, что любое самописание является до определенной степени автофикшном? Индивидуальное самосознание, так или иначе, проникает в нарратив, и, даже пытаясь целенаправленно солгать, что-то изменить или придумать в рассказе, автор так или иначе выдает и себя, и свою реальность (даже элементарно – на уровне языка и социо-культурных деталей). Кроме того, когда в автобиографическом нарративе человек описывает события, дает им толкование и объясняет их смысл – он смотрит на ситуацию уже не изнутри (здесь и сейчас), но снаружи, постфактум, обладая вдобавок более широким контекстуальным полем – и демонстрирует тем самым особенности самосознания того времени (свое понимание Я-тогдашнего) и самосознание нынешнее. В конце концов, субъект динамичен, как и его самохарактеристики. С течением времени может изменяться отношение человека к себе, к собственной жизни, а значит – и описываемые события, и даже понимание собственных поступков могут приобрести совершенно иной герменевтический вектор.

В. Декомб рассуждает о проблеме само-осознания, уделяя большое внимание вопросам терминологии, традиции понимания и употребления слова «идентичность»¹⁵⁸. Предтечей его работ стали исследования Э. Эриксона и его определения «кризиса идентичности»¹⁵⁹. Общий смысл понятия идентичности принадлежит категориальному и логическому аппарату референции и идентификации. Психологическое значение идентичности используется в качестве описательного инструмента социологами и историками по отношению к тем людям, которые пытаются определить свое место в сообществе, воспринять себя как часть общей истории человечества с предыдущими и следующими поколениями. Кроме того, о национальной идентичности и термине Эриксона «identity confusion» (смешение

---

¹⁵⁷ *Doubrovsky S. Fils. Paris: Galilée, 1977; Doubrovsky S. Autobiographie / Vérité / Psychanalyse // Doubrovsky S. Autobiographiques: de Corneille à Sartre. Paris: PUF, 1988.*

¹⁵⁸ *Descombes V. Réflexions sur les questions d'identité // Bulletin de la Société française de Philosophie. Séance du 28 mai 2011. □ 105e Année. № 3. Juillet–Septembre 2011. P. 4□48.*

¹⁵⁹ *Erikson E. H. Childhood and Society (1950). New York: W. W. Norton, 1993. P. 38□44.*

идентичности, то, что сейчас называется «кризисом идентичности») говорит историк Ф. Глисон¹⁶⁰. Изначально исследования Эриксона исходили из области клинической психологии, когда он занялся проблемой потери ощущения идентичности (*perte du sens de l'identité*), точнее, потери самой идентичности (*perte d'identité*). Проблема касается прежде всего молодых людей, которые не знают, кто они есть, а знания собственных имен и семьи им недостаточно¹⁶¹. Также Эриксон поднял проблему нескольких идентичностей и множественной идентичности (*identité plurielle et plusieurs identités*), когда человек буквально путается и разрывается в собственных образах (*persona mixta*).

П. Мессенжер рассматривает феномен идентичности в его динамике и развитии, называя это «игрой идентичности»¹⁶², и одновременно пытается ответить на ряд ставших классическими вопросов: о ком мы говорим, когда говорим о себе, в чем состоит глубина чувствований, почему нам так мало известно о сущности нас самих? Феномен идентичности предстает для него в категориях социального и культурного. Необходимо отметить, что более поздние исследования феномена идентичности, самоидентификации и самопризнания так или иначе обращаются к нарративу как специфической форме выражения самопризнания. Современная философия поддерживает постепенно усиливающийся тезис о том, что персональная идентичность (личностная идентичность) обладает нарративной структурой. К примеру, можно обратиться к исследованию Жильбера; он предлагает рассмотреть концепт нарративной идентичности в работах Поля Рикёра с точки зрения клинической психологии и психоанализа¹⁶³. Такой взгляд на идентичность вполне обоснован: рассказы пациентов о себе представляют особую ценность для профессионалов, которые с ними работают. В качестве примера практики нарративного самосознания как рассказа для себя и для Другого можно привести метод нарративного интервью, появившийся в конце XX века.

---

¹⁶⁰ Gleason Ph. *Identifying Identity: A Semantic History*. P. 910–931.

¹⁶¹ См. об этом также: Erikson E. H. *Identity (psychosocial)* // *International Encyclopedia of Social Sciences* / Ed. D. L. Sills. T. VII. New York: Macmillan, 1958. P. 61–65.

¹⁶² Moessinger P. *Le jeu de l'identité*. Paris: Presses Universitaires de France, 2000.

¹⁶³ Gilbert M. *Op. cit.*

Восходящий к исследованиям Ф. Шютце метод заключается в сборе качественных данных и анализе жизненных нарративов с точки зрения содержания (ключевые события) и формы преподнесения нарратива (структура, особенности построения и рассказывания). В первоначальном виде этот метод применялся в качестве вспомогательного элемента для работы с биографическими исследованиями различных групп населения (психологи работали с бездомными, безработными, военными, учеными и т. д.). В настоящее время методика нарративного интервью активно применяется в исследованиях идентичности (нарративной, гендерной, социальной)¹⁶⁴.

Нарративное интервью включает в себя целостность, законченность и детализацию повествования; в одной плоскости происходит описание жизненных событий, построение нарратива и интерпретация со стороны рассказчика и слушателя. Само нарративное интервью включает в себя «нарративный импульс» (просьба интервьюера), и рассказ-экспромт, а также смысловое ядро нарратива с избирательным подходом к собственной жизни (вычленение конкретных моментов). Автор нарратива, поставленный в условия нарративного интервью, становится на позицию «самосознающего рассказчика» (Self-conscious narrator)¹⁶⁵: тот, кто знает, что он ведет повествование; тот, который обсуждает и комментирует собственные нарративные обязанности. Метод нарративного интервью предполагает формирование нарративного Я у рассказчика в процессе повествования. В данном случае это является хорошей иллюстрацией к стратегии конструктивного реализма; автор нарратива стремится к подлинности и к принятию Другим соответствия своего Я реальности (пусть это Я и конструируется в ходе интервью). Проблема признания выходит таким образом на передний план.

---

¹⁶⁴ Журавлев В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1994. № 3–4. С. 34–43; Торкунова О. И. Нарративные биографические интервью как метод изучения гендерной социализации и гендерных установок // Перспективы науки и образования. 2013. № 4. С. 172–183.

¹⁶⁵ См. подробнее: Prince G. A Dictionary of Narratology. P. 84.

Шютце называл нарратив элементарным институтом человеческой коммуникации, а рассказывание историй — базовой формой этой коммуникации. В определенном смысле такое понимание нарратива перекликается с идеями Дж. Брунера¹⁶⁶. Осуществляя акт автонаррации, субъект повествует не только о том, что было на самом деле, но и о том, что он припоминает, а также о том, что он под описываемым событием подразумевает и как он его понимает. Воспоминание становится знаково-символическим, то есть воспоминание позволяет автору не только описать событие в эмпирических деталях, но и перекомпоновать его, изменить последовательность повествования. А это значит, что символическая память и воображение идут в автонарративе рука об руку. Процесс воспоминания реализуется в автонарративе.

Последовательность событий в памяти позволяет различать их значение. Однако тому же Килстрому представляется сомнительным, что хронологическая организация человека состоит из одной непрерывной строки — от самого раннего воспоминания до самого последнего¹⁶⁷. Более вероятно, пишет он, что автобиографическая память может быть разделена самим человеком на некоторые «блоки» или «эпохи». Действительно, в качестве примера подобного деления можно рассмотреть концепцию «восьми стадий человека» Г. Э. Эриксона¹⁶⁸. Каждый человек осуществляет определенную организацию своей собственной жизни, выделяя временные участки различной степени важности. Более того, деление на эти участки, как раз и представляемые в качестве нарратива, может постоянно меняться, так как жизнь не стоит на месте и каждую минуту происходят новые события. В любом случае, то, как человек делит его собственную жизнь на эпохи, является столь же важным аспектом автобиографической памяти, как и сами отдельные «нарративные блоки» его воспоминаний.

---

¹⁶⁶ Bruner J. Pourquoi nous racontons-nous des histoires?..

¹⁶⁷ Данная идея близка К. А. Абульхановой-Славской, см.: Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

¹⁶⁸ Эриксон Г. Э. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. СПб., 1996. URL: http://www.pedlib.ru/Books/1/0154/1_0154-1.shtml (дата обращения: 15.03.2018).

Но сюжет не просто включен в хронологическую организацию событий: это также влечет за собой смысловую организацию, анализ смысловых связей, что позволяет различать события между собой. Такого рода констатации вновь возвращают исследователей к попыткам классифицировать автобиографические воспоминания как тот или иной элемент античной трагедии: кульминационные моменты, разрешение, усложнение, момент катарсиса¹⁶⁹. При этом воспоминания о нас самих и о других людях, принимавших участие в событиях нашей жизни, предстают как еще один способ сказать что-то непосредственно о Я и Других. Кстати, этот аспект нарратива был очень ясно представлен в рамках психоаналитической традиции. Как известно, З. Фрейд полагал, что если мы забываем что-то – значит, мы подавляем это (травматическое) событие, сыгравшее важную роль в формировании нашего характера. Вместе с тем, А. Адлер считал, что мы специально подбираем наши автобиографические воспоминания таким образом, чтобы они соответствовали нашей личности, – он назвал это «стилем жизни»; такие воспоминания поддерживают наш стиль жизни, когда он оспаривается, и меняются, если меняется этот «стиль». И разумеется, все это зависит от окружения, социума: «Перед нами жизненный стиль в определенных условиях, окружающих его, и нашей задачей является тщательно проанализировать его связь с обстоятельствами, ведь с изменениями в окружении меняется и сознание»¹⁷⁰.

Необходимо сказать также о работе С. Смита и Дж. Уотсона, в которой было выделено пятьдесят две жанровые разновидности «life narrative» или, по-другому, «autobiographical narrative» (жизненный нарратив/нарратив о жизни).

---

¹⁶⁹ См. Pillemer D. B. Momentous events, vivid memories // Review of General Psychology. 2001. Vol. 5. № 2. P. 123–134. URL: <http://homepage.psy.utexas.edu/homepage/class/Psy394U/Bower/11%20Soc%20Cog%20Personality/XX%20Constr%20Life%20Stories/Pillemer-Momentous%20events%20%26%20life%20stories.pdf> (дата обращения: 20.03.2018).

Д. Пиллермер классифицировал автобиографические воспоминания как происходящие события, переломные моменты и закрепления событий в истории жизни, что еще более сближает такого рода воспоминания с нарративом.

¹⁷⁰ Адлер А. Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997. URL: <http://lib.ru/PSIHO/ADLER/live.txt> (дата обращения: 20.03.2018).

Автобиографический нарратив в понимании исследователей оказался шире и охватил все рефлексивное поле, включая автобиографию как жанр. Для Смита и Уотсона изучение автобиографического нарратива через исследование памяти, опыта, идентичности, воплощения и деятельности позволяет лучше понять всю специфику индивидуальной самопрезентации в автобиографическом акте. Кроме того, ученые вводят особое понятие «автобиографического Я», которое целенаправленно присутствует в нарративе (в отличие от Я в эгодокументах, где оно становится заметным случайно, мимоходом). Вопрос в том, на каком уровне реальности находится это Я: по отношению к автору, по отношению к его собственному образу себя, по отношению к реальности. По мысли Смита и Уотсона, Я в автобиографическом нарративе включает «Я-сейчас», «Я-тогда», «Я-тот, кто говорит» и «Я-тот, о ком говорится». Кроме того, выделяет четыре разновидности Я: «реальное» или историческое Я, рассказывающее Я, Я □ о котором идет речь и идеологическое Я¹⁷¹.

Знаково-символический характер культуры и субъективность автора дает возможность нарративу проявляться в самых разных формах: в философском рассуждении, поэтической сентенции, художественном изображении. Ключом к самоосознанию и исследовательскому осмыслению нарратива будут культурные знаки-символы. Ценность акта повествования о себе заключается в его динамичности, в способности к саморазвертыванию, эпистемологической открытости. Повествование о себе открывает человеку дорогу к знанию о самом себе и к тому, каким путем он пришел к этому знанию, к самокритике, самопризнанию в себе Другого. С этого начинается саморефлексивное движение по пути экзистенции. И еще. Автобиографический нарратив открывает для человека бесконечные возможности для творческого самовыражения: от поэтической автобиографии Гёте, через живописные автопортреты Ван Гога до рефлексивной «Исповеди» Руссо (или Августина). Примечательны в этом контексте размышления Э. Кассирера о том, что любая

---

¹⁷¹ *Smith S., Watson J. Op. cit. P. 58□59.*

фраза в «Исповеди» Августина символична, он не мог рассказывать о себе иначе, чем в религиозных символах. И это символическое повествование о себе открывало для Других, читающих его, путь к новым формам психологии, основанной на признании достоверности самонаблюдения¹⁷².

Субъект познания находится и в мире физическом, и в мире символическом, он переходит из одного в другой словно по ленте Мёбиуса¹⁷³ (познавательная метафора П. А. Флоренского). Переходя из мира в мир, он переносит с собой символы, создавая целостную знаково-символическую картину своего собственного мира, сформированного в автонарративе. И поскольку знаки культуры общезначимы, то повествуя о себе и своих мирах на языке культуры (в мифе, поэзии, искусстве, философии), человек открывает себя Другому и Другим и тем самым обогащает мир и языки культуры. Знаки культуры – это своего рода ключи к пониманию природы субъекта познания. Осмысление автобиографических нарративов сквозь призму семиотического истолкования открывает новые возможности в прояснении когнитивных и ценностных аспектов самосознания.

Выводы по параграфу:

Нарратив направлен не только на себя, но и на Другого. Нарративное самосознание рассматривается как повествование и для себя, и для Другого, причем роль Другого может взять на себя автор нарратива (Я как Другой). Нарративное самосознание выступает и как рассказ для себя, и как рассказ для других, каждый раз приобретая специфическую структуру в ряде условий: социальный, психологический, культурно-исторический контексты задают рамки нарратива.

---

¹⁷² Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 502.

¹⁷³ См.: Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей). Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2004. С.47.

2.2. Эпистемологические аспекты «признания» как нарративного феномена

Среди проблем, волнующих современного человека, захваченного процессами глобализации и непрерывных технологических изменений, фактически стирающих региональные (в том числе межкультурные) границы, – заметное место занимает проблема его идентичности. Эта весьма многогранная проблема пронизывает практически все сферы общественных практик – от культурных до личностных, – приобретая экзистенциальную напряженность в процессах самоидентификации индивида (т. е. осознания им своего Я). В дальнейшем нас будет интересовать именно конкретизация проблематики идентичности, связанная с процессами самоидентификации.

Важнейшей особенностью обсуждения проблемы становления самосознания индивида является выявление в ней темы признания – признания себя как Другого (самопризнания) и признания индивида другими людьми. В ходе самоидентификации эти аспекты признания взаимодействуют (конфликтуют между собой, или взаимно дополняя друг друга), и их соотношение в значительной мере определяет характер самоосознания Я. Соответственно, динамика их соотношения всегда привлекала внимание исследователей-гуманитариев (философов, психологов, социологов, лингвистов). Новые перспективы в этой области открывает анализ соотношения самопризнания и признания другими в контексте нарратива, ориентированного «на себя». Причем перспективы эти связаны, прежде всего, с эпистемологическим ракурсом рассмотрения процессов осознания человеком своего Я.

Заметим, что термин «признание» не имеет четких очертаний, в истории философии он употреблялся в разных значениях (у Гомера и Софокла, Платона и Аристотеля, А. Бергсона и Г. В. Ф. Гегеля, а также А. Хоннета, Ч. Тейлора, М. Энафа и др.). Каждый из них определял понятие «признание» контекстуально.

В релевантном тематическом контексте термин «признание» употреблял П. Рикёр. Кроме того, он указывал еще на ряд связанных с данным термином концептов соответствующей тематики: рекогнитивная способность узнавания (воспроизведение и узнавание в понятии □ «Anerkennung» И. Канта¹⁷⁴), а также узнавание образов («Recognition»), ссылаясь при этом на А. Бергсона, для которого узнавание возникает по ассоциации с конкретным восприятием, когда-то полученным в сочетании с данным образом¹⁷⁵. Ссылаясь Рикёр также на фихтеанское взаимодействие двух обладающих самосознанием субъектов. Но наиболее важным в контексте рассматриваемой темы, он считал гегелевское понимание признания – также «Anerkennung», в котором особо выделяется повествовательно-социальная детерминация этого акта. Рикёр подчеркивает: после Канта и Бергсона настало время Гегеля и признания-Anerkennung¹⁷⁶.

«Человек необходимо признается (другими) и необходимо признает (других людей)»¹⁷⁷, □ замечает Гегель в «Йенской реальной философии». Позднее он утверждает в «Феноменологии духа»: «...Момент признания, состоящий в том, что другое сознание снимает себя как для-себя-бытие, и этим само делает то, что первое сознание делает по отношению к нему. Точно так же здесь налицо и второй момент, состоящий в том, что это делание второго сознания есть собственное делание первого...»¹⁷⁸ Между прочим, именно эта – гегелевская – трактовка признания акцентировалась и Г. Г. Шпетом в процессе перевода «Феноменологии духа». В 1926 году он, в одном из своих писем, утверждал, что именно признание в гегелевском понимании является детерминитивной категорией социального, определяющей социально-реальное,

---

¹⁷⁴ См.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 700, 703 □ 707, 716.

¹⁷⁵ Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 215.

¹⁷⁶ Рикёр П. Путь признания: три очерка / Пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 145.

¹⁷⁷ Гегель Г. В. Ф. Йенская реальная философия // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 315.

¹⁷⁸ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. Г. Г. Шпета. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 104.

социально-ценное или же наоборот □ малоценное¹⁷⁹. И в том же письме он подчеркивал: «Популярный лектор, великий ученый, большой поэт и пр., и пр. – реально велики, пока, когда и поскольку их таковыми признают. Помните, я часто поражаюсь ничтожеством и глупостью, например, Муромцева, однако его признали за великого председателя и тем его *сделали* великим; также был велик, например, Надсон, а Грин – ничтожен; Чернышевский был ничтожен и стал велик; и т. д., и т. д. (помните прекрасный рассказ Парини о человеке, которого в одно дивное утро перестали узнавать и признавать) – примеров сколько угодно того, что сегодня под взглядом какого-нибудь человека падают в обморок, а завтра он – чучело, над которым смеются дети. Реальная основа социального неравенства есть разница признания»¹⁸⁰.

Несложно заметить, что в понимании Гегелем признания (*Anerkennung*) отчетливо проступает идея интересубъективности, а в шпетовской интерпретации она усиливается до темы социальности как общения. Но вместе с тем, подобная трактовка признания как фактора становления самосознания индивида порождает вопрос о реальных механизмах и факторах, обеспечивающих участие других людей (участие Другого) в процессах самоидентификации индивида, в его самопризнании. Я полагаю, что, по крайней мере, одну из перспектив эффективного исследования этих механизмов и факторов открывает анализ автонаррации, нарратива, обращенного индивидом «на себя», анализ акта повествования о себе. Здесь в центре внимания оказывается слово, которое предстает как инструмент общения и которое раскрывается в этом качестве как знаково-символическая и культурно-историческая (ценностно-смысловая) реальность. В этом случае в поле реального исследования процессов становления самосознания оказывается вся сфера человеческих действий, поступков, мыслей, поскольку она выражена в слове, которое используется в рассказе о себе.

---

¹⁷⁹ Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. С. 389.

¹⁸⁰ Там же. С. 389.

Иначе говоря, через нарратив Я раскрывается в словесной реальности, в которой присутствуют, могут быть различены и оценены на их соответствие действительному положению дел, акты говорения и слушания, акты нравственного переживания, события памяти, повседневной деятельности и поступков. Наконец, в слове, создающем дистанцию между мной и моим сознанием, выражается и, стало быть, реализуется осознание себя как Другого, что открывает перспективу исследования феномена признания осознающего свое Я индивида другими людьми. Таким образом, через автонаррацию прослеживаются пути, вводящие Я в среду общения, что позволяет, используя методологический потенциал герменевтики, рассмотреть знаково-символические аспекты социального и культурного признания герменевтических усилий Я по его самоидентификации. И в частности, здесь возникает возможность эксплицировать, как, каким образом индивид интерпретирует признания со стороны других, то есть фактически мы получаем возможность исследовать, как, каким образом создается отношение к своему Я как к Другому. Таким путем анализ феномена признания становится анализом процессов формирования самосознания, самоидентификации Я.

Признание как акт интерпретации, акт истолкования предполагает развертывание самосознания в нарративе. Понять смысл признания себя как Другого индивид может лишь в том случае, если включит мнения других о себе в свой нарратив, в повествование о себе, то есть если представит это признание других как повествующих о нем внутри автонаррации и тем самым постулирует себя как Другого для себя и для Других. Так, даже в том случае, если автор дневника пишет его как исповедь, то есть пишет его исключительно для себя, а не для постороннего читателя, в тексте всегда присутствует более или менее явные апелляции к признанию Другого, которые как бы вклиниваются в повествование автора, пытающегося взглянуть на себя объективно. Что и открывает возможность для эпистемологической оценки текста, содержащего в себе самопризнание, ибо здесь становится возможным вопрос: каков статус признания меня другими людьми, то есть верны или ложны их суждения обо

мне? А также, каким образом я могу удостовериться в том, как меня действительно признают другие? Я знаю, как меня идентифицируют, и я, встраивая эти рассказанные идентификации в свой автонарратив, дискутирую с ними, сопоставляю их с идентификацией себя как Другого. Автор исповеди, таким образом, признает, что его признают другие, а тем самым, он признает себя как часть этого общего признания.

Таким образом, мы можем утверждать, что в основании самосознания Я лежит, по сути, акт наррации (воспользовавшись афоризмом Луиса О. Минка, поясню: «истории не переживаются, а рассказываются»). Ведь тот, кто рассказывает, фактически вступает в отношение с другими, причем, как правило, делает это «в ответ». Индивид неизбежно представляет себя в своем уникальном повествовании как Другого, подтверждая или опровергая созданный признаниями других образ себя. Так что признания других людей, выраженные в слове, погруженные в повествование, играют основополагающую роль в становлении самосознания индивида. Ведь создание нарратива о себе предполагает некоторое знание о себе, а знания эти индивид получает от других. Сведения, которые человек получает о себе, о своей семье, о своем поведении, то есть весь массив признаний другими людьми как раз и ложатся в основание самосоздания человеческого Я¹⁸¹. При этом принципиальное значение в формировании идентичности Я играет оценка этим Я сказанного другими с точки зрения соответствия реальности, как бы эта реальность им ни понималась. И оценка эта, имеющая, по сути, эпистемологический характер, выполняется внутри акта автонаррации.

Г. Г. Шпет, обсуждая (в неопубликованном им) докладе «Искусство как вид знания» тему признания подчеркивал, утверждал, что такие разновидности «практического» признания, как «инстинкт», «рефлекс» и пр., являются

---

¹⁸¹ Подробнее об этом аспекте соотношения человека и общества при создании Я-концепции см.: Кули Ч. Социальная самость. URL: http://society.polbu.ru/sociology_hrestomatia/ch13_i.html (дата обращения: 4.04.2017).

пассивными, в то время как признающий – активен¹⁸². И активность его возникает только благодаря присутствию Другого в актах повествования, понимания и, собственно, признания. При этом, замечает Шпет, в ситуации общения позиции слушающего и говорящего различны. И анализируя ситуацию разговора, он концентрировал внимание на активно воспринимающем человеке, на ситуации слушающего. Для Шпета важно то, что человек, воспринимающий уже самым актом восприятия понятого им слова, фактически осуществляет акт его признания. И происходит это признание вне зависимости от того, каков реальный статус данного слова, важно другое, важно, что усвоенное слово является именно признанием другого человека. Причем происходит это осмысливающее усвоение на всех уровнях и во всех разновидностях восприятия услышанного, но происходит оно лишь благодаря социально-культурному контексту. Слушающий усваивает смысл, способствующий формированию его социально-культурного самосознания и созданию осмысленного образа себя как человека. В повествовании Других человек получает материал, из которого он может построить представление о себе как о Другом и, стало быть, получает возможность как-то отнестись к этому «материалу». Но реализуется эта возможность, лишь находя себе выражение его в автонарративе. Только включив услышанное от других в повествование о себе, он начинает признавать себя как Другого, то есть активно формировать мнение о себе.

Способы получения признания от других людей могут быть самыми разнообразными – от личного контакта до сведений, получаемых из средств массовой информации. Сегодня в этой области, как известно, происходят существенные изменения. Она расширяется, причем благодаря Интернету возрастает область личного, хотя и не прямого общения. В результате нарратив обретает сегодня статус медиатора, статус массового посредника, расширяющего масштабы феномена признания (и в пространственном, и во

---

¹⁸² См.: Шпет Г. Г. Искусство как вид знания (этюды) // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 136.

временном планах). Что, естественно, инициирует появление целого ряда проблем, связанных с прояснением роли признания в процессах становления самосознания Я как Другого.

В частности, к анализу такого рода проблематики обратился П. Рикёр, рассматривающий процессы самоосмысления Я, развертывающиеся в контексте господства современных средств общения, как процедуры проецирования текста на мир. И в этом случае процессы самоидентификации Я обнаруживают свою амбивалентность: воспринимая и осмысливая текст, человек как бы творит соответствующую тексту реальность, и одновременно текст налагается на мир этого человека, творит его мир. Мир культуры и социума, присутствующий в текстах, фактически выступает здесь как Другой, признающий «читателя» и признаваемый «читателем» в ходе становления его собственной «нарративной идентичности». Подчеркнем, этот термин, «нарративная идентичность», Рикёр специально вводит для анализа описанной ситуации, как бы фиксируя принципиальную необходимость повествования, рассказывания о себе для формирования самосознания Я в случае «чтения»¹⁸³. Наличие медиа-посредника ничего не меняет: «В рефлексивной форме “рассказа о себе” личная идентичность предстает как повествовательная идентичность»¹⁸⁴. Стало быть, основная компонента нарративной идентичности □ анализ человеком себя как Другого – остается неизменной. И по Рикёру, таким образом, акт рассказывания, фактически создающего Я как Другого, задает и самоощущение Я, и самовосприятие Я, и самопризнание Я, то есть творит осознанную идентичность индивида также и в случае, когда признание других опосредованно медиатекстом.

Последнее утверждение, однако, приводит нас к основополагающему, по сути, вопросу о специфике признания нарративного феномена. Очевидно, что

---

¹⁸³ Существует также другой перевод □ идентичность повествовательная. На английском языке термин звучит как *narrative identity* (См.: *Ricoeur P. Oneself as Another / Trans. by K. Blamey. Chicago: The University of Chicago Press, 1992*). В оригинале пишется «l'identité narrative». См.: *Ricoeur P. Parcours de la reconnaissance...*; *Ricoeur P. Soi-meme comme un autre. Paris: Seuil, 1990*.

¹⁸⁴ Рикёр П. Путь признания: три очерка. С. 97.

участие других людей в признании индивидом себя, в акте самоидентификации является весьма значимым. Но тогда – учитывая, так сказать, повсеместность опосредованного воздействия социального и культурного окружения индивида, то есть учитывая, что воздействие других является непрерывным и массированным, – где граница, внутри которой индивид сохраняет свою идентичность, сохраняет свое Я? Известный со времен античности вопрос, где тот предел, за которым изменения в деталях объекта означают изменение самого объекта (останется ли корабль тем же самым, если все его составляющие будут заменены), может быть отнесен и к Я, к идентичности человека на протяжении его жизни. Изменяется внешний вид, изменяется поведение, меняется и то, как человек представляет самому себе себя. При этом самоосознание собственной идентичности меняется главным образом под воздействием других. Но, вопреки всем изменениям, неизменность Я, на которую обращали внимание многие мыслители (Аврелий Августин, Рене Декарт и др.), остается неизменным основанием в осознании человеком собственной идентичности ¹⁸⁵. И именно эта неизменность придает представлению о себе статус знания, а осознанию себя – статус признания.

Осмысливая феномен «признания» в акте наррации, мы обязательно должны учитывать проблему выражения. Ведь именно выбором слова и способа повествования определяется повседневность Я (его знаково-символический мир) и видением своего места и, соответственно, себя как Другого в нем. Когда человек признает себя, откликаясь на свое имя, сказанное Другим, он тем самым признает и их, и самого себя, то есть осознает себя действительным, словесно актуализирует себя.

Факт признания как актуализацию рассматривал Г. Г. Шпет, когда осмысливал проблему эпистемологических оснований искусства. В акте признания переплетаются самоосознание Я и осознание вне себя кого-то

---

¹⁸⁵ Созвучные сказанному здесь размышления об основаниях самоидентичности Я можно найти, например, и у Рикёра. У него фиксируется идентичность как индивидуальность (*Ipse*) и идентичность как самоидентичность (*Idem*). См.: *Рикёр П. Я-сам как другой* / Пер. с фр. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.

Другого¹⁸⁶. Субъект познания не просто действует интеллектуально, но и осознает эти действия (акты мышления) и определяется ими. Следовательно, слово, высказанное Другим, делает Я осмысленным, заставляет Я осознавать себя как личность, как социальность, то есть задает культурно-исторические границы самоидентификации Я.

В теоретико-познавательной традиции существуют разные интерпретации проблем самосознания. Философы и ученые-гуманитарии дискутируют о конфигурациях пространственно-временной структуры сознания и самосознания, о том, как и когда появляется осознание себя (как Я и как Другого в себе), а также о том, как возможно самопризнание и признание Других. Мы можем говорить, что самосознание может быть истолковано либо чувственно (вспомним, к примеру, статую Кондильяка, которая сама для себя была и звуком мелодии, и запахом цветов, и шорохом листьев, пока она сама не выделила себя из внешнего мира через осязание), либо дискурсивно (в этом случае самосознание напрямую связано с говорением, человек обретает самоидентичность, выражает себя в повествовании для Другого и для самого себя [как себя и как Другого]). Заметим, что самосознание, выражаемое дискурсивно (через нарратив), обращается и к внешним (культурным, историческим), и к внутренним (памяти, переживанию, ответственности) феноменам. Так, Рикёр¹⁸⁷ выявляет четыре способности человека: говорение (речевая деятельность), действие (активность); автонаррация (автобиографическое повествование), авторское присвоение собственного деяния (вменение). Именно эти способности, по Рикёру, демонстрируют, что признание осуществляется через наррацию и его можно считать феноменом

---

¹⁸⁶ Шпет Г. Г. Искусство как вид знания (этюды) // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 138.

¹⁸⁷ См. подробнее в работах: Рикёр П. Время и рассказ. В 2 т. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.–СПб.: Университетская книга, 1998; Рикёр П. Время и рассказ. В 2 т. Т. 2: Конфигурация в вымышленном рассказе. М.–СПб.: Университетская книга, 2000; Рикёр П. История и истина / Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2002; Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр.; вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008; Рикёр П. Путь признания: три очерка.

повествовательным. И, что самое главное, способности эти, как отмечает Рикёр, переплетены в акте наррации, причем главной из них является авторское присвоение собственного деяния (вменение), которое обязательно должно быть интенционально направлено по отношению к себе как к Другому, то есть Я обязано осуществлять самооценку своих деяний¹⁸⁸. Эта оценка и самооценка обязательно проявляются в процессе структурирования человеческого Я (говоря языком психологов, в «Я-концепции»), здесь важнее уже признание Я со стороны Другого, когда Я включается в миры Других. Известный исследователь-психолог Р. Бернс показывает, что любая человеческая попытка самохарактеристики всегда включает оценку, которая определяется общезначимыми правилами поведения, целями, принципами морали, а также существующими «картинами мира»¹⁸⁹.

Субъект осознает себя, осуществляя акт оценивания себя, своих деяний и отвечает за свои поступки. И только он сам может решить, каким образом могут быть практически применены его познавательные способности (в том числе и способность к признанию себя как Другого), как он будет повествовать о своих мыслях, волнениях, переживаниях, действиях для Другого. Это может осуществляться рационально, а может и чувственно (он может не только прямо сформулировать мысль, но и протанцевать свое переживание), но Другой сможет понять его слова или танец потому, что это все есть знаково-символическое выражение (язык, слово как знак). Таким образом, нарратив всегда словесен, это языковой феномен, он требует истолкования и понимания смысла сказанного. Значит, и признание, поскольку оно осуществляется в акте

---

¹⁸⁸ Такая концептуальная установка есть и у Д. Деннета с его рассуждением о личности: «Если меня следует считать ответственным за мои действия (за какую-то часть моего поведения в определенной дескрипции), я должен осознавать это действие в данной дескрипции. Почему? Потому что только если я осознаю действие, я могу сказать, в чем состояло мое намерение, и могу, таким образом, в качестве привилегированного участника включиться в игру вопросов и ответов, представляющую резоны моих действий». *Деннет Д. Условия присутствия личности / Пер. с англ. Г. Хасина // Логос. 2003, № 2 (37). С. 150.* Соотношение взглядов Д. Деннета и П. Рикёра уже давно стали предметом анализа в философской среде. В 2007 г. Дж. Маккарти выпустила монографию, посвященную взглядам Деннета и Рикёра на нарративное Я. См.: *McCarthy J. Dennett and Ricoeur on the narrative Self. New-York: Humanity books, 2007.*

¹⁸⁹ Бернс Р. Указ. соч. С. 36.

наррации, принципиально словесно, а потому герменевтически обусловлено. Признание, рассматриваемое как нарративный феномен в герменевтическом ключе, может представлять одновременно и в качестве внешнего, общекультурного, общеисторического и общесоциального явления, и в то же время быть феноменом сугубо внутренним, направленным на самого человека, на его чувство времени, на его память, на его чувство ответственности – будучи выраженным словесно. Именно нарратив формирует признание Других: можно говорить о рассказанности действия, рассказанности памяти, рассказанности себя в конце концов. Текстуально ли это выражается, комиксом ли, танцем или картиной □ неважно. Нарратив обуславливает признание как то, что должно быть выражено и рассказано, как то, что передает некий смысл, который другой человек понимает. И этот герменевтический момент позволяет выстраивать связь между «Я как Другим» и другими; признание как нарративный феномен оказывается выражено любым знаково-символическим актом¹⁹⁰.

При этом эта словесность признания имеет не только эпистемологический, но и онтологический смысл. Человек оправдывает свое существование в мире, поскольку признается Другим, это акт обоюдного признания. Более того, в процессе этого обоюдного признания происходит преобразование и Я, и Другого (именно сам Другой становится условием присутствия в Я представления о Другом)¹⁹¹. Наконец, еще один важный смысл признания □ потребность, интерес¹⁹².

Через деяние, через акт наррации человек удовлетворяет собственный интерес к Другому. П. Д. Юркевич обозначал эту потребность в Других «чувством человечности»: «Человек чувствует живую потребность восполнять себя другими людьми <...> Человек испытывает нравственное влечение к человеку как для того, чтобы от его слова и от его мысли получить внутренние возбуждения, питать и воспитывать ими свою душу, так и для того,

---

¹⁹⁰ Щедрина И. О. Признание как нарративный феномен // Ценности и смыслы. 2017. № 5 (51) С. 60.

¹⁹¹ Рикёр П. Я-сам как другой. С. 24.

¹⁹² См.: Голосовкер Я. Э. Интересное // Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. С. 225–268.

чтобы в свою очередь открывать ему свою душу, свои мысли, желания, радости и страдания»¹⁹³. Хотя только через признание Другого осуществляется в «Я» это «чувство человечности». Только Другой может сказать «Я»: «Ты человек, и ты существуешь в мире Других», – они наделяют его чувством субъективности. Можно ли верифицировать то, что говорят Другие о Я? Без самоуглубления человек может только вспоминать то, что в разное время (в том числе и в детстве) ему говорили о нем Другие.

Эту особенность признания как нарративного феномена очень интересно выразил Г. Г. Шпет: «Чтобы человек вскрылся другому (одному и единственному) до сущности и в сущности – основная роковая потребность – потребность индивидуальности, собственное ее бытие, потому что в конечном итоге *это*, может быть, определяет самое индивидуальность, ибо пока не усмотрена “другим” эта сущность, ее и нет, она не объективировалась, не обнаружилась, *не существует* (потому-то и промахи – мимо индивидуальности, все случайно: “это – Вы”, “это – не Вы”, как Вы сами говорите, а я сам далеко не всегда знаю, где – Я?). У меня есть статья (я ее люблю больше других) “Сознание и его собственник”, в ней я силюсь доказать, что Я не может определять себя без помощи Другого, что в собственном существовании Я удостоверяется через Другого. Это и эмпирически, и существенно, и также: в эмпирическом бытии и в существе. И тут – метафизика любви. Эмпирически мать удостоверяет, что я родился, без нее я не был бы в этом “уверен”, она только знает это, как следует знает. Через любовь ко мне я удостоверяюсь в своем существе, это – второе рождение. И вот где *Ужас*: почувствовать трепет своего бытия, и быть брошену в сомнение, в неуверенность в нем, в бытии самой сущности, *Себя*. А сколько таких проходит мимо нас: ненастоящих, иллюзорных! Ужас: сознать свою иллюзорность!..»¹⁹⁴ Только через признание как нарративный акт Другого о «Я» это «Я» становится личностью, осознает себя как на уровне самости, так

---

¹⁹³ Юркевич П. Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 353.

¹⁹⁴ Густав Шпет: жизнь в письмах. С. 349–350.

и на уровне культурной, исторической и социальной идентичности. Обратим внимание еще на один важнейший аспект признания, связанный с «автобиографическим пактом» Ж Лежёна. Человек, повествующий о себе, признается и себе, и другим в чем-то, то есть в этом признании и осуществляется то эпистемологическое деяние, которое Лежён определил как «автобиографический пакт».

Наконец, мы подошли к такому важнейшему моменту «признания», как наррации. Признающееся и признаваемое «Я» в повествовании – это, по определению Рикёра, «человек могущий», динамичный, действенный, меняющийся, становящийся, то есть существующий не только в действительности материального мира, но и в возможности, в виртуальности, в конструируемом мире, в мире своих фантазий и грез, в мире, выраженном в нарративе культуры, литературы, музыки, художественного творчества, а также в мире познания.

Когда Я признается (идентифицируется) кем-то, оно приобретает бытийный статус. И если человек именуется себя в повествовании, он совершает акт признания, он открывает нам, как его зовут Другие. В этом состоит социальный аспект признания как нарративного события: «Самость субъектов здесь, данных в конкретном имени, закрепляемых именем и признаваемых в имени и по имени, не скользкий и ускользающий термин безличия: “я”, “самосознание” и подобное, – а вещь, социальная вещь. Конкретность ее – в том, что “я” здесь всегда некоторый имярек, не местоимение, а само имя субъекта, и “самосознание” – не просто сознание себя как сущего, а себя как такого, а не иного, и притом вместе с признанием того же со стороны других и с сознанием этого признания»¹⁹⁵. Здесь важно уточнить, что только в социальных рамках повествования может состояться акт самосознания, то есть когда Я будет воспринимать себя как Другого: «...Обусловливается это самопризнание изначально действиями других, передачей другими моего

---

¹⁹⁵ Шнем Г. Г. Внутренняя форма слова // Шнем Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2007. С. 479.

собственного образа мне. Человек может согласиться или не согласиться с тем, что он услышал о себе, однако нарратив будет строиться на основе услышанного и узнанного по большей части извне. В конце концов, даже о качествах характера, прежде чем приписывать их самому себе, ребенок узнает непосредственно от взрослых, либо же из книг. Внешний мир, внутреннее самопонимание и рефлексия оказываются заданными признанием других»¹⁹⁶.

Выводы по параграфу:

Таким образом, повествование имеет важнейшее значение для всех форм признания. Я не только признается (именуется) Другими и при этом становится Я (момент социальной идентификации). Я признается (говорит правду) самому себе в том, что это оно само, как «само для себя» и как «другое для себя» (момент личной самоидентификации), и наконец Я и Другой признают друг друга в мире, повествуют друг другу о том, что они существуют в этом мире обоюдно (момент взаимной идентификации). Все эти формы признания нарративны, они осуществляются в акте наррации, в общении людей, нацеленных на познание мира, себя и друг друга.

2.3. Активная роль Другого в построении рассказа обо мне. Кто автор моего нарратива о себе?

Акт признания (включая самопризнание) обусловлен стремлением, желанием человека, а иногда необходимостью сознаваться в чем-либо (исповедоваться, признаваться, одобрять, удостоверить нечто о себе) и, безусловно, подразумевает присутствие и участие в этом процессе Другого. Причем роль Другого не ограничивается в этом случае ролью слушателя и собеседника. Создавая автобиографический нарратив, автор часто сам становится на место Другого. Что позволяет поставить вопрос: является ли автор нарратива, его собственное Я, единственным автором текста о себе? Или,

---

¹⁹⁶ Щедрина И. О. Признание как нарративный феномен. С. 61.

иными словами, каким образом Другой влияет на повествование автора о себе (степень откровенности, выбор информации, даже элементарная стилистика изложения)? Или, еще конкретнее, применительно к теме данной диссертационной работы: как «присутствие» Другого влияет на искренность повествования и правдивость представленных в тексте событий (тема, которая уже затрагивалась в параграфе 1.3)?

Обсуждение представленной выше тематики осложняется прежде всего тем обстоятельством, что автор эго-текста сам для себя является проблемой: самообман, внушаемость, потеря памяти и другие факторы влияют на самописание; в окончательном тексте мы можем обнаружить совершенно иного человека, нежели тот, кто намеревался создать текст о себе. И в этом контексте принципиальное значение приобретает именно эпистемологический ракурс возникающих здесь вопросов о том, насколько соответствует Я автора реальности, насколько сильно смешиваются его собственное Я и Я нарративное, присутствующее в тексте? Поскольку именно эпистемологический взгляд позволяет, по крайней мере, уточнить статус тех образов, которые человек использует в конкретной социальной ситуации, образов, с помощью которых он привык преподносить себя окружающим, рассказывая о себе что-либо. Более того, именно благодаря рассказыванию, благодаря тексту автобиографического нарратива субъект фактически наделяет бытием собственное самосознание, постулирует себя самого в мире. Нарратив, таким образом, придает онтологический статус процессам самосознания, и этот аспект становления самосознания также раскрывается благодаря эпистемологическому ракурсу рассмотрения. Ведь вне зависимости от того, говорит ли человек правду или выдумывает, он отталкивается от собственного знания о себе. А рассказывая о себе Другому, признаваясь и будучи признанным, человек тем самым постулирует себя.

Нарративы, рассказанные Другими и влияющие на автора в той или иной степени, можно условно разделить на три группы: нарративы, рассказанные Другими о самом человеке (имя, семья, детские эпизоды), нарративы

общекультурные (легенды, сказки, нормы, и правила) и нарративы автобиографические, в которых так или иначе сплетается вся информация, которую человек получил благодаря социальным взаимодействиям, благодаря рассказам других, благодаря собственному анализу своей роли и своего статуса в мире. Нарративы эти могут включать в себя весь набор образов и установок, полученных автором на протяжении всей его жизни. Ниже мы проанализируем все три варианта влияния Другого на автора, но рассмотрение активной роли Другого в построении автобиографического нарратива необходимо, на мой взгляд, начинать с акта именованя.

В конце концов, именно Другой в лице матери, в лице семьи дает человеку имя, и именно с имени начинается самописание. Это выражается как лингвистически («меня зовут»), так и культурно-исторически (признанное имя остается в истории, закрепившись за человеком или семьей). Неслучайно, например, в Древнем Риме существовала традиция нескольких имен, одно из которых было личным (praenomen – преномен), другое – родовым (nomen – номен), а третье – личным прозвищем или наименованием родовой ветви (cognomen – когномен). Имя заключало в себе не только личные качества носителя, но статус семьи, а также и социальный статус носителя (освобожденный раб приобретал преномен и номен бывшего господина, а его собственное имя становилось когноменом).

Исследовательская работа с именами, псевдонимами, связь имени и самоощущения, самовосприятия человека – предмет давнего интереса ученых-гуманитариев (философов, антропологов, социологов). Безусловно, акт именованя и самоименованя играет огромную роль и в формировании нарративной идентичности (данный вопрос был детально проработан Н. Н. Морарашу¹⁹⁷). Однако подчеркнем, даже самообозначение говорящего невозможно без Другого. Необходима не только ситуация признания, как уже говорилось выше, но ситуация реального взаимодействия. П. Рикёр, продолжая

---

¹⁹⁷ Morăraşu N. N. The Shaping of Narrative Identity through the Act of Naming. Iaşi: PIM, 2007.

рассуждение о человеческих способностях (см. предыдущий параграф), подчеркивает: самообозначение получает роль обоснования, появляется тот субъект, который говорит о себе, он является и объектом, и предметом повествования. И происходит это в ситуации разговора, где произнесенное слово направлено на Другого, зачастую □ в ответ¹⁹⁸.

Влияние общекультурных нарративов, на формирование культурно-исторического самосознания обстоятельно исследовал А. Я. Гуревич. Показательный пример культурно-исторического повествования, определяющего самоосознание Я, □ средневековые «поучительные истории», содержащиеся в баснях, анекдотах, проповедях, сказаниях и легендах, хрониках и житиях (*Exempla* – «примеры»)¹⁹⁹. Их собирали и фиксировали в текстах Жак де Витри, Этьен де Бурбон, Цезарий Гейстербахский и др. (тексты «*Exempla*», как правило, встраивались в текст проповеди, позднее они были опубликованы исследователями в виде отдельных сборников²⁰⁰). В «примерах» содержатся представления простых людей Средневековья о том, как устроен мир, рай и ад, об отношениях к женщине, иноверцу и т. д. *Exempla* – примеры – предоставляют новые познавательные возможности²⁰¹ для современного исследователя, работающего с проблематикой соотношения самосознания и нарратива. Они позволяют реконструировать «рассказанное» сознание эпохи Средневековья²⁰², в рамках которого (и благодаря которому) человек осознавал свою социальную принадлежность. Образованный человек (монах-проповедник) мог написать о себе, о своих представлениях, о мире, в котором жил, а человек, не умеющий писать и читать? Оставил ли он речевую память о себе своим потомкам? Примеры, которые анализирует А. Я. Гуревич, показывают, что оставил... Мы сегодня должны уметь читать этот текст Других

---

¹⁹⁸ Рикёр П. Путь признания: три очерка. С. 94.

¹⁹⁹ Они представлены в работе: Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (*Exempla* XIII века). М.: Искусство, 1989.

²⁰⁰ См.: *Tubach Fr. Index exemplorum. A Handbook of Medieval Religious Tales* (FF Communications, № 204). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1969.

²⁰¹ Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы... С. 8.

²⁰² Там же.

(образованных людей средневековой эпохи), принимая во внимание символический мир простого средневекового человека²⁰³. В жанре примеров представлена повседневность средневекового человека. Когда монах-проповедник разговаривал с прихожанами, он старался услышать от них их собственные представления, убеждения и верования. Для него было важно, чтобы рассказываемые им «примеры» соответствовали тем представлениям о мире, которые составляли структуру сознания прихожан. А потому структура проповеди не была связана каким-то жесткими условностями, характерными для письменной традиции. Моральные речения проповедника были максимально созвучны повседневности простых людей Средневековья.

Каждый из «примеров», рассказанный монахом в проповеди, открывает нам (каждый по-своему) «целое» средневековой культуры Гуревич называет «примеры» «зародышами форм культуры», крупными культурно-исторического сознания эпохи. Эти «примеры» (в той или иной форме) составляют «речевую» память европейской культуры и проявляются впоследствии в «большой» литературе²⁰⁴, в памятниках литературного и художественного творчества²⁰⁵. Однако, как правило, авторство «примеров» оставалось неустановленным. В этом выражалась отличительная особенность самосознания человека Средневековья. В европейской культуре эпохи Средневековья «авторство» не имело особого значения. Поэтому многие сборники «примеров» не имеют конкретного авторства. Составители сборников обычно ссылались на свой жизненный опыт или на произведения духовных отцов ранних периодов отнюдь не только для того, чтобы сделать значимым свое слово, но и для того, чтобы обосновать истинность рассказываемого события. «Недаром множество сборников “примеров” анонимно <...> Ссылаясь на свой личный опыт или на сочинение более раннего времени, составитель сборника проповедей имел в виду не утвердить чей-то авторитет, а дать

---

²⁰³ Там же. С. 5.

²⁰⁴ Там же. С. 11–12.

²⁰⁵ Там же. С. 12.

доказательства истинности описываемого события»²⁰⁶. Вот почему важно учитывать, что «пример» это не просто короткий рассказ, имеющий морализаторскую цель, но рассказ, претендующий на истинность (несмотря на полную невероятность рассказываемых событий). Эта жанровая специфика «примеров» позволяет выделить их в отдельную категорию исторических источников, сближающих их с «эго-документами». Они не являются «литературой», сознательно позволяющей вымысел. Можно даже сказать, что их авторы заключили сами с собой договор «говорить только правду», подобно «автобиографическому пакту» (как указывал Лежён).

Анализ автонарративов, рассказанных Другими, позволяет погрузить в исторический контекст проблематику становления самосознания индивида, выявить своеобразие этих процессов (например, идентификации и самоидентификации) в различных исторических эпохах. И в этом контексте особое значение приобретают как раз эпистемологические аспекты автобиографического нарратива. Такая эпистемологическая установка реализована в исследованиях историка-медиевиста А. Я. Гуревича, который полагал, что личность повествователя все-таки можно обнаружить в процессе исследования. В этом плане литературные произведения приобретают характер исторических эго-документов. К примеру, в процессе анализа песен «Эдды» А. Я. Гуревич показывает, что мнение рассказчика всегда скрывалось за внешней социальностью²⁰⁷. Средневековый нарратор не мог прямо высказать свою оценку, но всегда через мнение Другого (иначе говоря, он не мог сказать: «Этот человек совершил плохой поступок», но мог: «Люди полагали, что этот человек сделал плохое»).

А. Я. Гуревич применил эпистемологическую стратегию в процессе работы над еще одним средневековым нарративом – «скальдическими песнями»²⁰⁸, авторство которых обнаруживается (оно принадлежит известному исландскому

---

²⁰⁶ Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы... С. 54.

²⁰⁷ См.: Гуревич А. Я. Сага и эпос // «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. URL: <http://norse.ulver.com/articles/gurevich/eddasaga/6.html> (дата обращения: 4.04.2017).

²⁰⁸ Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005. С. 110.

скальду Эгилю Скаллаgrimссону). Авторство скальдической поэзии удалось установить еще и потому, что во время ее создания, скальд стремился запечатлеть свой образ в исторической памяти ²⁰⁹ (что выражалось и формальной структуре этого произведения). Гуревич отмечает, что в скальдической поэзии можно обнаружить элементы самоосознания поэтов (это проявляется на уровне восхваления собственного поэтического творчества и на уровне критического осмысления произведений других скальдов). Можно даже сказать, что автор, слагая скальдическую песнь, фактически создает разветвленную сеть комментариев к самому себе и тексту ²¹⁰. Обратимся, например, к скальдической песни «Утрата сыновей» Эгиля Скаллаgrimссона: «Рад я не чтить / брата Вили, / главу богов / отвергнуть гордо, / но Мимира друг / дал дар мне дивный, / все несчастья / возмеща» ²¹¹.

Как я уже писала: «Поэтический дар настолько ценен для Эгиля, что скальд готов простить “Брату Вили, главе богов” – Одину – утрату сыновей и собственную старость. Благодаря своему дару, творчеству, скальд может поведать читателю о своих поступках, переживаниях – и проанализировать их» ²¹². В автонарративе выражено сознание авторского Я. Кроме того, с помощью автонарративных свидетельств можно выявить его связи с различными контекстами и подтекстами, то есть реконструировать стиль мышления автора и свидетеля (Другого) нарративных повествований.

Гуревич восстанавливал образ личности Эгиля и исследовал стиль и содержание его повествований (Эгиль не только рассказывает о событиях, но и является героем своего рассказа). Он анализирует внутреннюю форму художественного повествования и фактически работает сразу на двух уровнях, выявляя словесную субъективность персонажей и рассказчика. При этом для

---

²⁰⁹ Известны имена более трехсот скальдов.

²¹⁰ Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе... С. 113.

²¹¹ Эгиль Скаллаgrimссон. Утрата сыновей / Пер. С. В. Петрова. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/egill.html#son> (дата обращения: 4.04.2017).

²¹² Щедрина И. О. Культурно-исторический подход А. Я. Гуревича к литературному произведению как источнику исторических знаний о личности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 139.

него важно, что средневековый рассказчик, оценивая предпосылки своих суждений, представляет себя Другим крайне редко. Гуревичу удалось обосновать свою гипотезу о стиле письма Эгиля Скаллаgrimссона, через выявление специфических характеристик Эгиля как героя. А это значит, что скальдические песни Эгиля как автонарратив являются для Гуревича не только историческим источником, но и историческим исследованием. В этом контексте важно учитывать два положения: прежде всего, формальная структура песни (как типа записанного устного народного творчества) такова, что автор не истолковывает событие, но передает его так, как оно было «по правде», то есть как «на самом деле». И кроме того, важно (как и в случае с «примерами», о которых шла речь выше) различать в истории «литературу» и «не-литературу». Песня, в таком понимании (как и «примеры»), относится к «не-литературе». Скаллаgrimссон как автор эго-документа (песни) говорит правду (мы это фиксируем через форму выражения), в отличие от Скаллаgrimссона – героя песни, который не задумывался о содержании своих повествований.

Особое значение для исследования исторического автонарратива имеет собрание скандинавских саг XIII века – «Хеймскрингла» («Круг земной») ²¹³. Авторство этого литературно-исторического памятника приписывают Снорри Стурлусону (1178–1241). Это собрание (как и «скальдические песни» Эгиля) отличается от других средневековых автонарративов прежде всего тем, что в ней все-таки автор не только реконструируется, но присутствует сам (на уровне письма это проявляется в том, что повествование ведется от первого лица). Специфика «Хеймскринглы» также была отмечена Гуревичем, который писал, что в этом тексте (правда, редко) встречается авторское Я («я хочу написать», «я надеюсь, что об этом еще будет рассказано», «я назвал уже» и т. д.) ²¹⁴. Разумеется, этого недостаточно, чтобы делать выводы о самом

---

²¹³ «Heimskringla» (Kringla heimsins) – название происходит от первых слов в тексте: «Круг земной, который населен людьми, сильно изрезан; большие моря врезаются в землю из океана».

²¹⁴ Гуревич А. Я. История и сага... (Дата обращения: 5.04.2017).

авторе, но тем не менее это значимо для осмысления исторических форм нарратива как целого события (в третьем смысле, по Ж. Женетту).

Таким образом, саги и скальдические песни (как и «примеры») – это своего рода нарративный самоотчет средневекового европейского культурно-исторического сознания, в котором формировалось самосознание Я.

Действительно, в случае с автобиографическим нарративом статус Другого усложняется: отвечая на собственные вопросы, описывая собственную жизнь, автор часто воспринимает самого себя, именуется себя как Другого (т. е. либо говорит о себе в третьей лице, как Цезарь в «Записках о Галльской войне», либо переименовывает себя, как С. Т. Аксаков во второй части трилогии «Детские годы Багрова-внука»). Пытаясь рассказать все максимально объективно, как бы «со стороны», он в то же время ведет разговор с самим собой, не имея возможности «оторваться» от себя. Подчеркну, сегодня эта особенность автобиографического нарратива привлекает все большее внимание исследователей-гуманитариев. Так, Е. Е. Сапогова в статье ««Римейки жизни»: конструирование автобиографического нарратива»²¹⁵ отмечает эту тенденцию в психологической науке последних лет. Вектор интереса, по ее мнению, переместился к анализу индивидуального опыта, осмысления человеком собственной жизни и себя самого. На передний план выходит человек со своей историей, с собственными жизненными контекстами и событиями □ а также способы осознания этой истории, самосознания и самопризнания. Отдельный интерес в данном случае представляют собой автобиографические тексты; самоанализ, самосознание и самопризнание себя пред собой и перед другими, в явной или скрытой форме. Такие тексты (документы, материалы) в современных гуманитарных исследованиях рассматриваются как нарративы (в рамках набравшего популярность нарративного подхода). С такой точки зрения каждая личность имеет особый жизненный путь, излагаемый нарративно, воспринимаемый как единое целое, с сюжетом, началом и финалом

---

²¹⁵ См.: Сапогова Е. Е. «Римейки жизни»... (Дата обращения: 01.04.2017).

(путь излагается в виде завершенной истории). Это может быть некоторый текст, рассказ, целая индивидуальная мифология, нацеленная на Другого²¹⁶.

В данном контексте важное значение приобретает тот факт, что статус нарратива как повествовательной структуры, как того, что может быть рассказано, изложено на любом языке в заданном культурно-историческом контексте²¹⁷ обретают не только тексты/рассказы/легенды, но и картины, театральные постановки, кинофильмы, и прочие не-тексты, остающиеся при этом, в своем роде, эго-документами и эго-формами. Нарратив, таким образом, становится близким к пониманию Г. Г. Шпетом феномена «слова»: некоей универсальной реальностью, относящейся к культуре, поскольку любая культура создает, накапливает и транслирует собственные символы и смыслы при помощи нарратива, независимо от различий в их собственной знаково-символической форме (литературные тексты – вербальные формы; музыка/живопись/архитектура – невербальные²¹⁸). Близкую идею можно встретить у Рикёра, когда он рассуждает о нарративистской интерпретации любого текста через общие семиотические структуры. Это же направление мысли можно проследить в его работе «Что меня занимает последние 30 лет»²¹⁹, где он рассуждает о повествовательной способности понимания (чем больше объяснено – тем лучше рассказано) как в истории, так и в вымышленном повествовании. Причем и то и другое являются культурными артефактами, то есть носителями определенного «текста»-смысла, вербального или невербального, так или иначе предполагающие Другого. При этом Рикёр подчеркивает необходимость понимания этого текста, поскольку фактически сама история, изложенная в нарративе, зависит от других – от того, кто сумеет понять ее, объяснить и далее транслировать (изложить) Другому²²⁰.

---

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ См.: *Prince G. A Dictionary of Narratology.*

²¹⁸ В качестве примера такой интерпретации невербального нарратива можно привести рассуждение об архитектуре как носителе смыслов у В. Гюго в «Соборе Парижской Богоматери» (не всякий носитель смыслов является нарративом.).

²¹⁹ *Рикёр П. Что меня занимает последние 30 лет // Историко-философский ежегодник'90. М.: Наука, 1991. С. 296–316.*

²²⁰ См.: *Рикёр П. Время и рассказ. В 2 т. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. С. 261.*

В рамках рикёровского рассуждения об историческом понимании и нарративистской интерпретации необходимо отметить важность работы с историческими документами (автобиографическими нарративами, эго-документами) как с материалом, позволяющим взглянуть и на эпоху, и на индивидуальное самосознание человека в этой эпохе. К середине XVI века «кумулятивная» история, собравшая огромный материал по событиям и судьбам «великих мира сего», стала нуждаться в переработке, осмыслении, систематизации и анализе этого материала. О необходимости методологических оснований работы с историческими сочинениями пишет уже в 1566 году Ж. Боден. Он призывает к тщательному анализу исторических сочинений, подчеркивая необходимость выстраивания их по порядку, а также тщательной проверки и проработки для полного понимания истории²²¹. Две сотни лет спустя Дж. Вико охарактеризует метод истории как строгий, геометрический, с помощью которого от истинного можно перейти к непосредственно истинному (работать не только с формой источника, но со смыслом)²²². Именно стремление к критической аналитичности, звучавшее в работах ученых XVI века свидетельствует о начале формирования истории как науки, самообоснованной и способной «взглянуть на себя со стороны». Иными словами, здесь происходит возврат к первоначальному смыслу истории как рассказа о событиях, рассказа, предназначенного для Другого и предполагающего признание.

Сегодня, на мой взгляд, такой смысловой ход в трактовке истории приобретает особую актуальность на фоне популярных ныне релятивизирующих ее интерпретаций. И здесь мне представляются перспективными эпистемологические аспекты подхода Рикёра, так или иначе учитывающего элемент нарратива в историческом познании. Трактую временное измерение человеческого опыта как основание и истории, и вымысла, он соединяет время, вымысел и историю в общую синтетическую

---

²²¹ См.: Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. С. 23.

²²² Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Пер. с итал. и коммент. А. А. Губера. М.; Киев: REFL-book; ИСА, 1994. С. 36.

проблему. Для Рикёра временные параметры человеческого опыта являются характеристикой, обеспечивающей его единство. При этом, подчеркивает он, события, о которых автор повествования свидетельствует, протекают во времени, они как бы наполняют некоторое время. Поэтому только то, что разворачивается во времени, может быть рассказано. Более того, Рикёр утверждает: лишь то, о чем мы можем повествовать, то, что может быть рассказано, имеет временное измерение, признается существующим во времени. Таким образом, Рикёр придает взаимосвязи между повествуемостью и временностью статус ключевой.

Однако коль скоро речь идет об автобиографии как рассказе о жизни, о самом жизненном опыте, Рикёр, при всей взаимной связанности повествования и временности содержания, наполняющего повествование, подчеркивает их экзистенциальную границу. Он настаивает, что не следует упускать из виду дистанцию между повествованием и живым опытом, которую устанавливает само повествование. Как бы ни казался несущественным разрыв между «жить» и «повествовать», он существует и его не следует игнорировать. «Жизнь пережита, история рассказана». Нарратив является особой формой именно выражения жизненного опыта, жизненных установок и ценностей. Тексты превращаются в семиотические ресурсы для развития, самоидентификации, самоосмысления и самопрезентации субъекта как члена общества. Что, между прочим, очень ярко представлено в получивших максимальное распространение фольклорных текстах и в текстах религиозных, в текстах, содержащих в себе моральное повествование, в том числе, естественно, и особо – в так называемых «мегатекстах», то есть текстах, вышедших за пределы одной культурной и этнической общности, – таковы Библия, Коран, Тора. Во всех этих семиотических ресурсах, пишет Е. Е. Сапогова, содержатся знаки культуры (социальные коды), имеющие конкретные смыслы, а также пути осмысления социальной реальности, которые были сохранены и переданы нам представителями прежних исторических

эпох²²³. Соответственно, повествующий человек здесь рассматривается в первую очередь как носитель культуры, транслятор и агент социализации для следующих поколений.

В этом ракурсе обсуждения нарратива на передний план выступают те его параметры, которые позволяют ему осуществлять социальное взаимодействие, создавать и транслировать социокультурное знание. И одновременно в рамках нарратива происходит построение индивидуальной Я-концепции (Я, «образа-Я» и т. п.), осуществляется самоосмысление, самопризнание и самопрезентация человека. При этом соотношение самосознания и нарратива в данном случае вызывают особый эпистемологический интерес, поскольку здесь на передний план выступают психологические, лингвистические, социокультурные и мировоззренческие характеристики повествовательной формы, обеспечивающие когнитивную основу организации содержания сознания.

Эпистемологический ракурс социально-культурного функционирования автобиографического нарратива привлек внимание историков и философов практически сразу (вместе с его становлением как жанра). Очевидно, происходило это в силу того, что автобиографический нарратив оказывался в сфере их профессионального научного внимания. И при всех различиях в понимании его культурных функций они не могли обойти вопрос о его познавательном статусе. Так, скажем, автобиографическое эссе «Моя жизнь» Юма и «Исповедь» Руссо весьма различаются и по объему, и по цели, и по принципам изложения и стилистике написания. Но сквозь эти различия отчетливо проступает волнующий их вопрос о правдивости автобиографического описания. Д. Юм предупреждает с первых строк: «Человеку, который долго говорит о себе, трудно избежать тщеславия; поэтому я буду краток. Можно усмотреть признак тщеславия уже в самом замысле □ описать свою жизнь, но это описание будет содержать мало чего иного, кроме истории моих сочинений, ибо воистину почти вся моя жизнь была посвящена

---

²²³ См.: *Саногова Е. Е.* Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // *Культурно-историческая психология.* – 2005. № 2. С. 65.

литературным трудам и занятиям»²²⁴, – и остается верен этому убеждению. В общем объеме «Моей жизни» личные сведения Юма занимают несколько страниц, а ключевыми пунктами являются различные этапы его исследований. Ж.-Ж. Руссо же пишет: «Чтобы осуществить задуманное мной – то есть показать людям всего себя целиком, – надо сделать так, чтобы ничто, меня касающееся, не осталось для читателя неясным или скрытым»²²⁵.

В данном случае, нам важно отметить, что в обоих случаях в рассуждениях о целях автобиографического повествования содержится апелляция к Другому. И апелляция эта нагружена здесь самыми различными социокультурными смыслами. Но в этом случае на передний план выступает именно стремление преодолеть дилемму правда-вымысел в пользу правдивости повествования. Здесь, повторю, сказывается рефлексивное отношение профессиональных ученых. Отношение это приобретает особую актуальность, коль скоро речь идет об ученых, в сферу научных интересов которых попадает история – область исследований, предметность которой образована повествованием. В относительно недавно вышедшей работе Дж. Молино и Р. Лафхейл-Молино вводят антропологический тезис: человек есть рассказывающее животное²²⁶. Именно с этой стороны авторы анализируют фундаментальные аспекты наррации: точку зрения, временность, персонажей, принципы описания, репрезентацию мысли и слова и т. д. Само название двусмысленно: впервые встречающееся в «Аттических ночах» Авла Геллия, *Homo Fabulator*²²⁷ как определение относилось к «сочинителю басен» Геродоту²²⁸. В настоящее время

---

²²⁴ Юм Д. Моя жизнь // Юм Д. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. С. И. Церетели, В. В. Васильева, В. С. Швырева. – М.: Мысль, 1996. – С. 44.

²²⁵ Руссо Ж.-Ж. Исповедь // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1961. С. 57.

²²⁶ Molino J., Lafhail-Molino R. *Homo Fabulator. Théorie et Analyse du Récit*. Leméac: Actes Sud, 2003.

²²⁷ Отчасти название перекликается и с более ранним понятием В. Р. Фишера «Homo narrans». См. подробнее: Fisher W. R. *Narration as Human Communication Paradigm: The Case of Public Moral Argument // Communication Monographs*. 1984. Vol. 51. P. 1–22.

²²⁸ «Quod esse magis verum arbitramur quam quod Herodotus, homo fabulator, in primo Historiarum inventum esse sub terra scripsit Oresti corpus cubita longitudinis habens septem» См. подробнее: *The Attic Nights of Aulus Gellius. With An English / Translation*. J. C. Rolfe. Cambridge Mass.: Harvard University Press, London: William Heinemann, Ltd., 1927. P. 270.

оно означает человека, с одной стороны, осуществляющего акт повествования, и с другой, не обязательно рассказывающего все так, как есть на самом деле. В конце концов, еще Аристотель писал в «Поэтике» о любви рассказчика приукрасить факты, чтобы понравиться читателю²²⁹. Такое обращение к историческим терминам, к источникам также не случайно: интерес к историко-культурным аспектам нарратологии за последние несколько лет усилился²³⁰. В частности, в 2015 году один из ведущих исследователей нарратива В. И. Тюпа предложил проект исторической нарратологии²³¹.

В данном случае, наш интерес привлекли автобиографические работы историков. В качестве примера я обратилась к работам и к автобиографии А. Я. Гуревича, потому что именно в его исследованиях активно использовались нарративные и автонарративные свидетельства. Действительно, не только в Средние века, но и в современной Гуревичу (да и нам) исторической науке есть свои «рассказчики саг». Как подмечает Гуревич, эта позиция идет из глубины веков: «“Реконструируя” историю, вместе с тем ее “сочиняют”. Средневековые хронисты и поэты заселяли древность рыцарями и сеньорами, приписывали древним куртуазию и феодальный образ жизни, а современные историки находят в далеком прошлом классы, их борьбу, развитие частной собственности, развитие производительных сил, борьбу материализма с идеализмом, “реакционную роль религии” и даже атеизм...»²³² Но ведь субъективизм их как раз состоит в том, что они думают, будто их позиция объективна – во многом за счет отсутствия научной рефлексии. И в этом смысле многие современные Гуревичу ученые практически ничем не отличались от средневековых историков – также исходя исключительно из

---

²²⁹ См.: *Аристотель*. Поэтика, 1460 а 20 / Пер. М. Л. Гаспарова // *Аристотель*. Собр. соч. В 4 т. Т. 4 / Общ. ред. А. И. Доватура, пер. с др.-греч. В. В. Брагинской, М. Л. Гаспарова, С. А. Жебелева, Т. А. Миллер. М.: Мысль, 1984. С. 675.

²³⁰ *Маслов Е. С.* Критерии отбора материала в историческом повествовании: нарратологический аспект / Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 10. С. 13–17.

²³¹ *Тюпа В. И.* Логос наррации: к проекту исторической нарратологии. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634327> (дата обращения: 10.04.2017).

²³² *Гуревич А. Я.* История историка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 183.

своих концепций, выстраивая их на фундаменте из уже готовых рассуждений. Герои исследования А. Я. Гуревича в этом плане более честны – им не нужно давать объективную картину, хотя рассказчики саг пытаются следовать установке на безличное изображение истории в саге. Однако, несмотря на эту установку, именно динамизм и принципиальная «открытость» автонарратора позволяют Гуревичу реконструировать в средневековых нарративах Другого. Ученый пытается обнаружить в этих текстах выражения не только авторской, но и чужой субъективности, он предполагает наличие у автора нарратива рефлексивного отношения к повествованию, хотя и осознает, что это отнюдь не всегда присутствует в средневековом нарративе, рассказанном Другим. У скальда или собирателя «примеров» (как у Другого) отсутствовал «гносеологический барьер» (этот Другой находился внутри события и не замечал своего перехода к повествованию о нем и его участниках). Исследователь, работающий с такими текстами, может лишь через косвенные свидетельства (социальные, политические, этические) выявить рамки исторических представлений у автора нарратива²³³. Этот принцип рефлексивного отношения к собственному повествованию он формулирует на методологическом уровне и следует ему в собственном автонарративе²³⁴. Здесь он стремится дать отчет самому себе о своих исторических предпосылках, и мы узнаем от него самого, почему он так придирчиво искал «автора» в средневековых, казалось бы безличных, повествованиях. Это был его путь к самому себе как к историку²³⁵. В рамках рефлексивного отношения (и к своему собственному тексту, и к изучаемому материалу) проявляется также и принцип «двойной историзации», изложенный Бурдые.

Гуревич осмысливает себя как исторического человека, и это выражается в его исследованиях, в поисках параллелей между жизненными коллизиями авторов прошлого и самого себя как ученого-исследователя: «...Моя нынешняя

---

²³³ Гуревич А. Я. История и сага (Дата обращения: 11.12.2017).

²³⁴ Имеется интересная особенность, которая играет большую роль в мемуарах Арона А. Я. Гуревича. В 1973 г. он пишет первый вариант «истории историка» и в книге 2004 г. приводит отрывки своих размышлений, написанных в 1980-е гг.

²³⁵ Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. С. 372.

работа протекает одновременно в двух планах – это попытка проникнуть в сознание человека, жившего много веков тому назад, и опыт восстановления собственной жизни, рассматриваемой в связи с общим развитием современной исторической мысли»²³⁶. Для Гуревича, исследующего историю и рассказывающего ее, автобиографический нарратив и нарратив, рассказанный Другим, становится событием (в третьем смысле, по Женетту), где человек прочерчивает неотменимый и единственный след.

Выводы по параграфу:

Таким образом, можно сделать вывод о том, что автобиографический нарратив □ сложное культурно-историческое текстуально оформленное свидетельство, в котором равно представлены и автор нарратива (повествователь или собиратель повествований), и Другой (незримо присутствующий свидетель, признающий автора): 1) как активный (именующий) свидетель, 2) как немой свидетель, то есть необразованный представитель эпохи (человек массы), 3) как сам автор, рассказывающий о себе в третьем лице и даже переименовывающий себя. В автобиографическом нарративе происходит обоюдное «признание»: Я «признается» Другим и признает Другого, что отпечатлевается в тексте на двух уровнях. Во-первых, на эпистемологическом уровне: человек осознает себя, свое имя, свою культурную и историческую идентичность, полученные от Другого, и это знание выражается в нарративе. Во-вторых, на онтологическом уровне: он постулирует себя как существующего, поскольку существует Другой, транслирует себя Другому, утверждает бытийный статус своего самосознания через автобиографический нарратив.

---

²³⁶ Там же. С. 175.

Заключение

Проведенное исследование роли автобиографического нарратива в становлении индивидуального самосознания позволяет сделать следующие выводы.

Процессы становления индивидуального самосознания включают в себя три последовательных взаимосвязанных этапа (самопереживание, формирование индивидуальной памяти и конструирование образа Я). И именно нарратив (в данном случае, повествование о себе) обеспечивает их преемственность. Самоосознание, выражаемое в автобиографическом нарративе, составляет фундамент самоидентификации человека, самоописания и конструирования им образа своего Я. Дело в том, что человек неразрывно связан с другими людьми, и в ходе становления его самосознания именно через Других он, так или иначе, соотносится с самим собой. Очень четко это обстоятельство констатируют психологи, которые считают, что субъект познающий различает содержание переживаний, сами акты переживания, а также мнения и оценки о себе, высказанные Другими. Автобиографический нарратив как выраженное в слове повествование о себе играет здесь принципиальную роль. Именно благодаря ему в становление индивидуального самосознания включаются также и когнитивные процессы, пронизывающие реальную человеческую жизнь и образующие собственно знаниевую основу самосознания. Анализ автобиографического нарратива открывает, таким образом, возможность эпистемологического исследования процессов становления индивидуального самосознания.

Нарратив сегодня стал предметом многочисленных исследований в самых различных областях гуманитарного знания. Конкретная разновидность нарратива □ автобиографическое повествование □ дает наиболее представительные материалы для работы с феноменом индивидуального самосознания. Были рассмотрены эпистемологические аспекты автобиографического нарратива как формы выражения индивидуального

самосознания, представленные в методологических, социологических и исторических исследованиях Ф. Лежёна □ известного французского специалиста в области автобиографий, дневников, записных книжек. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что эпистемологическая специфика нарратива заключается в возможности рефлексивно контролируемого выражения человеком своего представления о себе. Нарратив (автобиографический, а также нарратив, исходящий от Другого) как бы опредмечивает представление о себе в языке, что позволяет индивиду использовать его как инструмент, как средство формирования своего самосознания. Рассказывая историю, человек получает возможность выражения своего знания о себе, то есть берет свое самосознание под рефлексивный самоконтроль.

Наиболее эффективным методологическим основанием для анализа эпистемологических аспектов становления индивидуального самосознания является в данном случае концепция конструктивного реализма, поскольку она позволяет учесть конструктивный потенциал «автонаррации»: любая конструкция (в том числе образ индивидуального Я) предполагает поддающуюся рефлексивному осмыслению реальность человеческого бытия, в которой эта конструкция складывается. Только в рамках конструктивного реализма становится возможным исследование самообмана в автобиографическом нарративе.

Еще одним важным следствием рассмотрения процессов индивидуального самосознания через призму автобиографического нарратива является включение в сферу эпистемологического исследования нарративов других людей в ходе самоидентификации Я. Нарратив, по самой своей сути, направлен не только на себя, но и на Другого, что открывает перспективу анализа социокультурных аспектов становления Я. Нарративное самосознание рассматривается в данном исследовании как повествование и для себя, и для Другого (причем роль Другого может взять на себя автор нарратива – Я как Другой). Самосознание в акте наррации специфически структурируется

в зависимости от социального, психологического, культурно-исторического контекста, что позволяет обстоятельно исследовать эпистемологические аспекты очень сложных процессов самоидентификации человека в современном мире (в частности – продемонстрировать принципиальную роль в этих процессах актов признания).

Повествование имеет важнейшее значение для всех форм признания. Я не только признается (именуется) Другими и при этом становится Я (момент социальной идентификации). Я признается (говорит правду) самому себе в том, что это оно само, как «само для себя», и как «другое для себя» (момент личной самоидентификации), и наконец Я и Другой признают друг друга в мире, повествуют друг другу о том, что они существуют в этом мире обоюдно (момент взаимной идентификации). Все эти формы признания нарративны, они осуществляются в акте наррации, в общении людей, нацеленных на познание мира, себя и друг друга. Причем перспективность такой трактовки признания явно демонстрирует свою эффективность в области исторического знания, самоосмысления через историю.

Опираясь на проведенное исследование, можно сделать вывод о том, что автобиографический нарратив сложное культурно-историческое текстуально оформленное свидетельство, в котором равно представлены и автор нарратива (повествователь или собиратель повествований), и Другой (незримо присутствующий свидетель, признающий автора): 1) как активный (именующий) свидетель, 2) как немой свидетель, то есть необразованный представитель эпохи (человек массы), 3) как сам автор, рассказывающий о себе в третьем лице и даже переименовывающий себя. В автобиографическом нарративе происходит обоюдное «признание»: Я «признается» Другим и признает Другого, что отпечатлевается в тексте на двух уровнях. Во-первых, на эпистемологическом уровне: человек осознает себя, свое имя, свою культурную и историческую идентичность, полученные от Другого, и это знание выражается в нарративе. Во-вторых, на онтологическом уровне: он постулирует себя как существующего, поскольку существует Другой,

транслирует себя Другому, утверждает бытийный статус своего самосознания через автобиографический нарратив.

Данное диссертационное исследование ставит новые эпистемологические и методологические проблемы, которые еще предстоит решить в дальнейшем. Прежде всего остается открытым вопрос о том, почему современное методологическое сознание пошло по пути онтологизации нарратива (понимание его как выраженного, но не выражаемого в акте), а эпистемологические проблемы остались в тени. Как показывают современные нарратологические исследования, научный интерес сдвигается в сторону бессубъектных нарративов, к осмыслению пассивного синтеза и анализу скрытых влияний повествования (как сюжета) на процессы идентификации и самоидентификации. Кроме того, в дальнейших исследованиях необходимо соотнести предложенную в данном исследовании концепцию нарративного самосознания и современные исследования в области методологии психологии. Здесь открываются перспективы эпистемологического исследования исторической памяти, культурной памяти как нарратива, а также механизмов забывания и воспоминания как нарративных феноменов. За рамками данной диссертации (в силу ее жестких границ) также остались вопросы, связанные с осмыслением исторических нарративов и роли нарратива в современных исторических исследованиях. Это тоже, на наш взгляд, перспективная область для дальнейших изысканий.

Теоретическая значимость данной работы состоит в том, что в ней намечаются перспективы философского осмысления сложнейших процессов самоидентификации человека в современном обществе, что может способствовать поддержке индивида, зачастую теряющего себя, а стало быть, его психологическую и социокультурную устойчивость в меняющемся мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. *Августин Блаженный.* Исповедь / Пер. с лат. М. Е. Сергеенко. – СПб.: Наука, 2013. – 371 с.
3. *Адлер А.* Наука жить. – Киев: Port-Royal, 1997. – URL: <http://lib.ru/PSIHO/ADLER/live.txt> (дата обращения: 20.03.2018).
4. *Андропова О. Е.* Проблема компонентов, характеристик и основных типов самосознания в психологии // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 305. – С. 149–152.
5. *Аристотель.* Поэтика, 1460 а 20 / Пер. М. Л. Гаспарова // *Аристотель.* Собр. соч. В 4 т. Т. 4 / Общ. ред. А. И. Доватура, пер. с др.-греч. В. В. Брагинской, М. Л. Гаспарова, С. А. Жебелева, Т. А. Миллер. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
6. *Бергсон А.* Материя и память // *Бергсон А.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. – М.: Московский клуб, 1992. – 336 с.
7. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 422 с.
8. *Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л.* Мозг, разум и поведение. – М.: Мир, 1988. – URL: <http://coollib.com/b/273660/read> (дата обращения: 08.02.2018).
9. *Богданова В. О.* Образ «Я». Конструктивистский подход // Философская мысль. – 2016. – № 4. – С. 89–100. – URL: http://e-notabene.ru/fr/article_18336.html (дата обращения: 12.03.2018).
10. *Боден Ж.* Метод легкого познания истории. – М.: Наука, 2000. – 412 с.
11. *Борисенкова А. В.* Нарративный поворот и его проблемы // Новое литературное обозрение (НЛО). – 2010. – № 103. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/bo31-pr.html> (дата обращения: 15.02.2018).

12. *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – № 3. – 2000. – С. 29–43.
13. *Бурдьё П.* За рационалистический историзм / Пер. с фр. // Социологос постмодернизма. Альманах Российско-французского центра социологических исследований. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 9–29.
14. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций / Пер. с итал. и коммент. А. А. Губера. – М.–Киев: REFL-book–ИСА, 1994. – 656 с.
15. *Выготский Л. С.* Развитие мышления подростка и образование понятий // *Выготский Л. С.* Собр. соч. В 6 т. Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
16. *Гайденко П. П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой. – М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 456 с.
17. *Гегель Г. В. Ф.* Йенская реальная философия // *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1970. – 668 с.
18. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / Пер. Г. Г. Шпета. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. – 488 с.
19. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию / Общ. ред. и вступ. ст. А. Д. Логвиненко. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.
20. *Голосовкер Я. Э.* Интересное // *Голосовкер Я. Э.* Избранное. Логика мифа. – М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 499 с.
21. *Гуревич А. Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. – М.: РОССПЭН, 2005. – 422 с.
22. *Гуревич А. Я.* История и сага. – М.: Наука, 1972. – 202 с.
23. *Гуревич А. Я.* История историка. – М.: РОССПЭН, 2004. – 288 с.
24. *Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Ехемпла XIII века). – М.: Искусство, 1989. – 366 с.
25. *Гуревич А. Я.* Сага и эпос // «Эдда» и сага. – М.: Наука, 1979. – 192 с.

26. Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2005. – 720 с.
27. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Пер. с франц. Г.Г. Слюсарева // Декарт Р. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. – С. 250–296.
28. Деннет Д. Условия присутствия личности / Пер. с англ. Г. Хасина // Логос. – 2003. – № 2 (37). – С. 135–153.
29. Деннет Д. С. Почему каждый из нас является новеллистом // Вопросы философии. – 2003. – № 2. – С. 121–130.
30. Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. – М.: Канон+, 2010. – 336 с.
31. Женетт Ж. Повествовательный дискурс / Пер. Н. Перцова // Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. Т. 1–2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
32. Журавлев В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 1994. – № 3–4. – С. 34–43.
33. Зайцева Ю. Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. – 2016. – Вып. 1. – С. 118–136.
34. Зенкин С. Критика нарративного разума // НЛО. – 2003. – № 59. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zen.html> (дата обращения: 15.04.2018).
35. Знаков В. В. Психология понимания правды. – СПб.: Алетейя, 1999. – 281 с.
36. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. – С. 351–588.
37. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 591 с.
38. Кант И. О вопросе, предложенном на премию королевской Берлинской академии наук в 1791 году: какие действительные успехи сделала

метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? // *Кант И.* Собр. соч. В 6 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 179–255.

39. *Кардано Дж.* О моей жизни / Ред.-сост. Ю. П. Зарецкий; пер. на рус. яз. Ф. А. Петровского, С. Бартеневой, В. Бернад, Р. Броля, Т. Быковой, Е. Волоконцева; вступит. ст. Г. Г. Аванян, М. Ю. Вагиной, Ю. П. Зарецкого; коммент. В. П. Зубова, Г. Г. Аванян, М. Ю. Вагиной. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 335 с.

40. *Карякин Ю. Ф.* Самообман Раскольникова: роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». – М.: Художественная литература, 1976. – 158 с.

41. *Касавин И. Т.* Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. – Т. XV. – № 1. – С. 5–14.

42. *Касавин И. Т.* Социальная философия науки и коллективная эпистемология. – М.: Весь мир, 2016. – 264 с.

43. *Касавин И. Т.* Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы. – М.: Альфа-М, 2013. – 560 с.

44. *Касавин И. Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон+, 2008. – 437 с.

45. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – 784 с.

46. *Князева Е. Н.* Конструктивистская эпистемология // Философские науки. – 2010. – № 11. – С. 88–103.

47. *Князева Е. Н.* Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. – М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. – 352 с.

48. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред.: В. А. Лекторский. – М.: Канон+, 2009. – 368 с.

49. *Кузнецова Н.И.* Историческая эпистемология в поисках символического статуса // Эпистемология и философия науки □ 2017. □ Т. 51. № 1. С. 29□32.
50. *Кули Ч.* Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренкова. – М.: МГУ, 1994. – С. 175–182.
51. Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы: К 70-летию Б. И. Пружинина / Сост. Н. С. Автономова, Т. Г. Щедрина, науч. ред. Т. Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2014. – 599 с.
52. *Кутковая Е. С.* Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4 (16). – С. 23–33.
53. *Ле Гофф Ж.* История и память / Пер. с фр. К. З. Акопяна. – М.: РОССПЭН, 2013. – 303 с.
54. *Лежён Ф.* От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 83 (3). – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2291> (дата обращения: 01.03.2018).
55. *Лекторский В. А.* Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 1. – С. 19–26.
56. *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
57. *Лекторский В. А.* Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 2008. – 171 с.
58. *Леонардо да Винчи.* Избранные произведения / Пер. В. П. Зубова, А. А. Губера, В. К. Шилейко, А. М. Эфроса. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 703 с.
59. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, Академия, 2005. – 352 с.

60. *Лехциер В. Л.* Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // *Международный журнал исследований культуры*. – 2013. – № 1 (10). – С. 5–8.
61. *Лотман Ю. М.* Автокоммуникация: «я» и «другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // *Лотман Ю. М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
62. *Лубский А. В.* Действительность историческая // *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь* / Отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – С. 84–85.
63. *Маслов Е. С.* Критерии отбора материала в историческом повествовании: нарратологический аспект / *Вестник Вятского государственного университета*. – 2017. – № 10. – С. 13–17.
64. *Матурана У.* Биология познания / Пер. с англ. Ю. М. Мешенина // *Язык и интеллект* / Сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1996. – 416 с.
65. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 223 с.
66. *Мацута В. В., Суднева О. Ю.* Переживание неаутентичности в аутокоммуникации // *Вестник Томского государственного университета*. – 2006. – № 91. – С. 63–68.
67. *Метцингер Т.* Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. – М.: АСТ, 2017. – 416 с.
68. *Мещеряков Б. Г.* Зеркальное Я // *Большой психологический словарь* / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб.: Прим-ЕВРОЗНАК, 2003. – С. 174.
69. *Мещеряков Б. Г.* Самосознание // *Большой психологический словарь* / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб.: Прим-ЕВРОЗНАК, 2003. – С. 486–487.

70. *Мид Д.* От жеста к символу. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Mid_GestSimv.php (дата обращения: 26.03.2018).
71. *Николаева Ж. В.* Аналитический обзор современных итальянских концепций памяти // *Studia Culturae*. Т. 4. – 2016. – № 30. – С. 70–80.
72. *Нуркова В. В.* Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // *Мир психологии*. – 2004. – № 2. – С. 77–87.
73. *Перлз Ф.* Опыты психологии самосознания: практикум по гештальттерапии. – М.: Гиль-Эстель, 1993. – 240 с.
74. Перспективы реализма в современной философии: Сборник трудов / Под ред. В. А. Лекторского. – М.: Канон+, 2017. – 464 с.
75. Познание, понимание, конструирование / Отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 2008. – 166 с.
76. *Порус В. Н.* Affordance как эпистемологическая новация «Конструктивного реализма» // *Эпистемология и философия науки*. – 2014. – № 4 (42). – С. 41–45.
77. *Порус В. Н.* Социально-эпистемологический взгляд на культурно-историческую психологию // *Стиль мышления: проблемы исторического единства научного знания. К 80-летию В. П. Зинченко* / Под ред. Т. Г. Щедриной. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 43–59.
78. *Пружинин Б. И.* Идеи культурно-исторической эпистемологии в русской философии // *Философские науки*. – 2015. – № 2. – С. 119–126.
79. *Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г.* Конструктивизм как умонастроение и как методология // *Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке* / Отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: Канон+, 2009. – 368 с.
80. *Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г.* Конструктивный реализм, или как возможна культурно-историческая реальность // *Эпистемология и философия науки*. – 2015. – Т. XLIII. – № 1. – С. 27–31.
81. Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: Канон+, 2015. – 392 с.

82. *Рикёр П.* Время и рассказ. В 2 т. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. – М.–СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.
83. *Рикёр П.* Время и рассказ. В 2 т. Т. 2: Конфигурация в вымышленном рассказе. – М.–СПб.: Университетская книга, 2000. – 224 с.
84. *Рикёр П.* История и истина. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.
85. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр.; вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. – М. : Академический проект, 2008. – 695 с.
86. *Рикёр П.* Путь признания: три очерка / Пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной. – М.: РОССПЭН, 2010. – 268 с.
87. *Рикер П.* Что меня занимает последние 30 лет // Историко-философский ежегодник'90. М.: Наука, 1991. С. 296–316.
88. *Рикёр П.* Я-сам как другой / Пер. с фр. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
89. *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь // *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения. В 3 т. Т. 3. – М.: ГИХЛ, 1961. – 726 с.
90. *Савчук В. В.* (Ред.). Антология медиафилософии. – СПб.: РХГА, 2013. – 338 с.
91. *Савчук В. В.* Медиафилософия. Приступ реальности. – СПб.: РХГА, 2013. – 350 с.
92. *Сапогова Е. Е.* «Римейки жизни»: конструирование автобиографического нарратива // Известия ТулГУ. Серия «Психология» / Под ред. Е. Е. Сапоговой. – Вып. 5.– В 2 ч. Ч. 1. – 2005. – С. 200–228.
93. *Сапогова Е. Е.* Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. – 2005. № 2. – С. 63–74.
94. *Синицын Е. С.* Теория творчества. Структурный анализ мышления. Теория интегрированного обучения. – Новосибирск: НГАХА, 2001. – URL: http://www.s-genius.ru/pedagogica/procedurnaja_pamjat.htm (дата обращения: 21.02.2018).

95. *Старовойтов В. В.* Проблема Я, личности, самости в творчестве Поля Рикёра и в современных психологических и психоаналитических исследованиях // История философии. 2012. № 17. С. 393–408.
96. *Столин В. В.* Самосознание личности. – М.: МГУ, 1983. – 284 с.
97. *Торкунова О. И.* Нарративные биографические интервью как метод изучения гендерной социализации и гендерных установок // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 172–183.
98. *Труфанова Е. О.* Единство и множественность Я. – М.: Канон+, 2010. – 256 с.
99. *Труфанова Е. О.* Субъект и познание в мире социальных конструкций. – М.: Канон+, 2018. – 320 с.
100. *Труфанова Е. О.* Я как реальность и как конструкция // Вопросы философии. – 2017. – № 8. – С. 100–112.
101. *Труфанова Е. О.* Я-нарратив и его автор // Философия науки. – Вып. №15. – М., 2010. – С. 183–193.
102. *Турушева Ю. Б.* Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности // Психологические исследования. – 2014. – № 7 (33). – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/932-turusheva33.html> (дата обращения: 20.03.2018).
103. *Тюпа В. В.* Очерк современной нарратологии. Критика и семиотика. – Вып. 5. – М.: РГГУ, 2002. – С. 5–31.
104. *Тюпа В. И.* Логос наррации: к проекту исторической нарратологии. – URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634327> (дата обращения: 10.04.2017).
105. *Флоренский П.А.* Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей). Изд. 2-е. □ М.: Едиториал УРСС, 2004. □ 72 с.
106. *Харре Р.* Социальная эпистемология: передачи знания посредством речи // Вопросы философии. – 1992. – № 9. – С. 49–60.

107. *Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
108. *Шнет Г. Г.* Внутренняя форма слова // *Шнет Г. Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. – М.: РОССПЭН, 2007. – 712 с.
109. *Щедрина И. О.* Культурно-исторический подход А. Я. Гуревича к литературному произведению как источнику исторических знаний о личности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4. – С. 137–142.
110. *Щедрина И. О.* Новые аспекты современной нарратологии (размышление над книгой) // Вопросы философии. – 2017. – № 9. – С. 82–90.
111. *Щедрина И. О.* Признание как нарративный феномен // Ценности и смыслы. – 2017. – № 5 (51). – С. 53–62.
112. *Эгиль Скаллаgrimссон.* Утрата сыновей / Пер. С. В. Петрова. – URL: <http://norse.ulver.com/poetry/egill.html#son> (дата обращения: 4.04.2017).
113. *Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах / Пер. с англ. А. Глебовской. – СПб.: Симпозиум, 2003. – 288 с.
114. Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В. А. Лекторский; отв. секр. Е. О. Труфанова. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. – 536 с.
115. *Эрикссон Г. Э.* Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. – СПб., 1996. – 592 с.
116. *Юм Д.* Моя жизнь // *Юм Д.* Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. С. И. Церетели, В. В. Васильева, В. С. Швырева. – М.: Мысль, 1996. – С. 44–52.
117. *Юркевич П. Д.* Философские произведения. – М.: Правда, 1990. – 670 с.
118. *Abbott P. H.* Real Mysteries: Narrative and the Unknowable. – Columbus: The Ohio State University Press, 2013. – 178 p.
119. *Albright D.* Literary and psychological models of the self // *Neisser U., Fivush R.* (eds.). The remembering Self: Construction and accuracy in the self-narrative. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P.19–40.

120. *Andrade J.* (ed.). *Working Memory in Perspective.* – New York: Psychology Press, 2001. – 325 p.
121. *Archambault P. J.* *Autobiography and the Hunger for History: An Interview with Jacques Le Goff // Symposium: A Quarterly Journal in Modern Literatures.* – 1998. – Vol. 51. – № 4: *Autobiography and the Hunger for Scholarship.* – P. 247–273.
122. *Bach K.* *An analysis of self-deception // Philosophy & Phenomenological Research.* – 1981. – Vol. 41 (3). – P. 351–370.
123. *Baddeley A. D.* *But what the hell is it for? // Practical Aspects of Memory: Current Research and Issues. Vol. 1. Memory in Everyday Life / Ed. M. M. Gruneberg; P. E. Morris; R. N. Sykes.* – Chichester: John Wiley, 1988. – P. 3–18.
124. *Barony R., Revaz F.* *Narrative Sequence in Contemporary Narratology.* – Columbus: The Ohio State University Press, 2016. – 223 p.
125. *Barthes R.* *Introduction à l'analyse structurale des récits // Communications.* – 1966. – № 8. – P. 7–33.
126. *Bartlett F. C.* *Remembering: A study in experimental and social psychology.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1932. – 317 p.
127. *Bracken B. A.* (ed.). *Handbook of Self-Concept.* – New York, Chichester, Brisbane, Toronto, Singapore: John Wiley & Sons, Inc, 1996. – 531 p.
128. *Brock S., Mares E.* *Realism and Anti-Realism.* – Durham: Acumen, 2007. – 256 p.
129. *Brockmeier J.* *Reaching for meaning: Human agency and the narrative imagination // Theory and Psychology.* – April 2009. – Vol. 19. – Issue 2. – P. 213–233.
130. *Brockmeier J., Carbaugh D.* (eds.). *Narrative and Identity. Studies in Autobiography, Self and Culture.* – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. – 314 p.
131. *Broms H., Gahmberg H.* *Communication to Self in Organizations and Cultures // Administrative Science Quarterly.* – 1983. – Vol. 28. – № 3. – P. 482–495.

132. *Bruner J.* Life as Narrative // Social research. – 2004. – Vol. 71. – № 3. – P. 691–711.
133. *Bruner J.* Pourquoi nous racontons-nous des histoires? – Paris: Retz, 2002. – 112 p.
134. *Bruner J.* The Narrative construction of reality // Critical Enquiry. – 1991. – Vol. 18 (1). – P. 1–21.
135. *Burr V.* Social constructionism. – New York: Routledge, 2003. – 240 p.
136. *Carr D.* Time, Narrative and History. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1991. – 181 p.
137. *Carraud V.* Qui est le moi? // Les Études Philosophiques. – 2009. – № 1. – P. 63–83.
138. *Chastaing M.* Les Autres comme soi-même. Le faux problème de la connaissance d'autrui. – Paris: Classiques Garnier, 2016. – 312 p.
139. *Chatman S.* Coming to Terms. The Rhetoric of Narrative in Fiction and Film. – Ithaca, London: Cornell University Press, 1990. – 240 p.
140. *Chatman S.* Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1978. – 277 p.
141. *Chauvier S.* Ce que «je» dit du sujet // Les Études Philosophiques. – 2009. – № 1. – P. 117–135.
142. *Chirot P.* Mémoire. Les nouvelles découvertes. Les theories controversées. Les mystères inexplicés. – Paris: Trajectoire, 2011. – 180 p.
143. *Cobley P.* Narrative: The New Critical Idiom. 2nd ed. – London: Routledge, 2001. – 288 p.
144. *Cohen G., Conway M. A.* (eds.). Memory in the Real World. – Hove, New York: Psychology Press, 2008. – 422 p.
145. *Cohn D.* The distinction of fiction. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1999. – 208 p.
146. *Cohn D.* Transparent Minds. Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. – New Jersey: Princeton University Press, 1978. – 332 p.

147. *Comet G., Lejeune A., Maury-Rouan C.* Mémoire individuelle, mémoire collective et histoire. – Marseille: Solal Editeurs, 2008. – 216 p.
148. *Couroau J.-F.* L'autobiographie et les langues de France. – Paris: Garae Hésiode, 2010. – 227 p.
149. *Culler J.* Foreword // *Genette G.* Narrative Discourse. – Ithaca: Comell UP, 1980. – 285 p.
150. *Dekker R. M.* Jacques Presser's heritage: egodocuments in the study of history // *Memoria y Civilizacion*. – 2002. – Vol. 5. – P. 13–37.
151. *Delisle L.* Le Cabinet des manuscrits de la Bibliothèque nationale. Vol. II. – Paris: Imprimerie Nationale, 1776. – 550 p.
152. *Descombes V.* Réflexions sur les questions d'identité // *Bulletin de la Société française de Philosophie*. Séance du 28 mai 2011. 105e Année. – 2011. – № 3. – P. 4–48.
153. *Desgranges B., Eustache E., Piolino P.* La Mémoire Autobiographique: Théorie et Pratique. – Marseille: Solar, 2000. – 230 p.
154. *Dobrovsky S.* Fils. Paris: Galilée, 1977. 469 p.
155. *Dobrovsky S.* Autobiographie / Vérité / Psychanalyse // *Dobrovsky S.* Autobiographiques: de Corneille à Sartre. – Paris: PUF, 1988. – 168 p.
156. *Eakin P. J.* Fictions in Autobiography. Studies in the Art of Self-Invention. – Princeton: Princeton university Press, 1985. – 278 p.
157. *Eakin P. J.* Touching the World: Reference in Autobiography. – Princeton: Princeton university Press, 1992. – 268 p.
158. *Elster J.* The multiple Self. – New York: Cambridge University Press, 1985. – 270 p.
159. *Erikson E. H.* Childhood and Society. – New York: W. W. Norton, 1993. – 445 p.
160. *Erikson E. H.* Identity (psychosocial) // *International Encyclopedia of Social Sciences* / Ed. D. L. Sills. T. VII. – New York: Macmillan, 1958. P. 61–65.
161. *Eustache F., Desgranges B.* Les chemins de la mémoire. – Paris: Inserm, 2010. – 528 p.

162. *Fisher W. R.* Narration as Human Communication Paradigm: The Case of Public Moral Argument // *Communication Monographs*. – 1984. – Vol. 51. – P. 1–22.
163. *Fludernick M.* From Structuralism to the Present // *Phelan J., Rabinowitz P.* (eds.). *A Companion to Narrative Theory*. – Oxford: Blackwell, 2005. – 552 p.
164. *Fludernick M.* Towards a «Natural» narratology. – London, New-York: Routledge, 1996. – 454 p.
165. *Gasparini Ph.* Autofiction vs autobiographie // *Tangence*. Enjeux critiques des écritures (auto)biographiques contemporaines. Numéro prepare R. Dion, M. Auger. – 2011. № 97. – P. 11–25.
166. *Gasparini Ph.* Autofiction. Une aventure du langage. – Paris: Éditions du Seuil, 2008. – 340 p.
167. *Gasparini Ph.* Est-il Je? – Paris: Éditions du Seuil, 2004. – 400 p.
168. *Genette G.* Discours du récit // *Genette G.* *Figures III*. – Paris: Éditions du Seuil, 1972. – 285 p.
169. *Genette G.* *Narrative Discourse* / Trans. By J. E. Lewin. Foreword by J. Culler. – Oxford: Basil Blackwell, 1980. – 285 p.
170. *Genette G.* *Nouveau discours du recit*. – Paris, Seuil, 1983. – 119 p.
171. *Gergen K. J.* The decline and fall of personality // *Psychology Today*. – 1992. – Vol. 25 (6). – P. 59–63.
172. *Gilbert M.* L'identité narrative. Une reprise à partir de Freud de la pensée de Paul Ricoeur. – Genève: Labor et Fides, 2001. – 277 p.
173. *Glaserfeld E. von.* The construction of knowledge: Contributions of conceptual semantics. – Seaside, CA: Intersystems Publications 1987. – 360 p.
174. *Glaserfeld E. von.* *Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning*. – Oxford: Routledge, Taylor & Francis Group, 1995. – 234 p.
175. *Gleason Ph.* Identifying Identity: A Semantic History // *Journal of American History*. – 1983. – Vol. 69. – № 4. – P. 910–931.

176. *Greimas A. J.* Narrative Grammar: Units and Levels // Modern Language Notes. –1968. – № 86. – P. 793–806.
177. *Gudjonsson G. H.* Self-deception and other-deception in forensic assessment // Personality and Individual Differences. – 1990. – Vol. II. – № 3. – P. 219–225.
178. *Hacking I.* The Social Construction of What? – Cambridge, MA, 1999. – 262 p.
179. *Hampl P.* I Could Tell You Stories: Sojourns in the Land of Memory. – New York: W. W. Norton. 2000. – 229 p.
180. *Harre R.* Personal Being: A Theory for Individual Psychology. – Harvard, 1984. – 304 p.
181. *Harre R., Gillett G.* The Discursive Mind. – London: Sage, 1994. – 196 p.
182. *Harter S.* The construction of the Self. A Developmental Perspective. – New York, London: The Guilford Press, 1999. – 413 p.
183. *Heinzmann G.* L'intuition épistémique. Une approche pragmatique du contexte de justification en mathématiques et en philosophie. – Paris: Vrin, 2013. – 204 p.
184. *Herman D.* ... et al. Narrative Theory: Core Concepts and Critical Debates. – Columbus: The Ohio State University Press, 2012. – 353 p.
185. *Herman D.* Narrative. – Cambridge, Cambridge University Press, 2012. – 310 p.
186. *Hermans H. J. M.* The Dialogical Self: Toward a Theory of Personal and Cultural Positioning // Culture & Psychology. – 2001. – Vol. 7 (3). – P. 243–281.
187. *Hermans H. J. M., Kempen H. J. G.* The Dialogical Self. Meaning as Movement. – San Diego: Academic Press, 1993. – 195 p.
188. *Hogan P. C.* Narrative Discourse: Authors and Narrators in Literature, Film, and Art. – The Columbus: Ohio State University Press, 2013. – 336 p.
189. *Hubier S.* Littératures intimes. Les expressions du Moi, de l'autobiographie à l'autofiction. – Paris: Armand Colin, 2003. – 160 p.

190. *Jackendoff R.* Consciousness and the Computational Mind. – London: MIT, 1987. – 356 p.
191. *Jackendoff R.* Semantics and Cognition. – London: MIT, 1983. – 283 p.
192. *James W.* The Principles of Psychology. In 2 vol. Vol. I. – New York: Henry Holt and Company, 1890. – 716 p.
193. *Johnson M.* The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987. – 233 p.
194. *Jones D. M., Marsh J. E., Hughes R. W.* Retrieval From Memory: Vulnerable or Involable? // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition.* – 2012. – Vol. 38. – № 5. P. – 905–922.
195. *Journal de Louis XVI / Ed. by L. Nicolardot.* – Paris: E. Dentu, Libraire-Editeur, 1873. – 256 p.
196. *Kihlstrom J. F.* Memory, autobiography, history // *Proteus: A Journal of Ideas.* – 2002. – Vol. 19. – № 2. – P. 1–6.
197. *Kihlstrom J. F.* «So That We Might Have Roses in December»: The Functions of Autobiographical Memory // *Applied Cognitive Psychology.* – 2009. – Vol. 23 (8). – P. 1179–1192.
198. *Kihlstrom J. F.* Memory, Autobiography, History. – URL: http://www.iitg.ernet.in/scifac/krishna/public_html/hs_405/tutorials/general/memory%20autobiography%20history.htm (дата обращения: 20.02.2018).
199. *Kihlstrom J. F., Klein S. B.* Self-knowledge and self-awareness // *Annals of the New York Academy of Sciences.* – 2006. – Vol. 818. – P. 4–17.
200. *Krusenstjern B. von.* Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // *Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft.* – 1994. – Alltag 2. S. 462–472.
201. *Le Moigne J.-L.* Les Épistémologies constructivistes. – Paris: Presses Universitaires de France, 1995. – 127 p.

202. *Lecarme J., Lecarme-Tabone É.* L'autobiographie. – Paris: Masson & Armand Colin Éditeurs, 1997. – 313 p.
203. *Lecoy de La Marche A.* Les manuscrits et la miniature. – Paris: Maxtor, 2015. – 372 p.
204. *Lejeune Ph.* Écrire sa vie. Du pacte au patrimoine autobiographique. – Paris: Mauconduit, 2015. – 125 p.
205. *Lejeune Ph.* L'autobiographie en France. 2e éd. – Paris: Armand Colin, 2010. – 216 p.
206. *Lejeune Ph.* Le pacte autobiographique. – Paris: Éditions du Seuil, 1975. – 357 p.
207. *Lejeune Ph.* On diary / Ed. by J. D. Popkin, J. Rak, trans. by K. Durnin. – Honolulu: The University of Hawaii Press, 2009. – 360 p.
208. *Lifton R. J.* The protean self. Human resilience in an age of fragmentation. – New York: Basic Books, 1993. – 272 p.
209. *Logie R. H., Gilhooly K. J.* (eds.). Working Memory and Thinking. – Hove: Psychology Press Ltd., 1998. – 180 p.
210. *Maillard M.* L'autobiographie et la biographie. – Paris: Nathan, 2001. – 128 p.
211. *Malrieu P.* La construction du sens dans les dires autobiographiques. – Paris: Érès, 2003. – 280 p.
212. *Mandler G.* Recognizing: The judgment of previous occurrence // Psychological review. – 1980. – Vol. 87. – P. 252–271.
213. *Mandler G., Dorfman J.* Implicit and explicit forgetting: When is gist remembered? // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 1994. – Vol. 47. – № 3. – P. 651–672.
214. *Manfred J.* Frames, Preferences, and the Reading of Third-Person Narratives: Towards a Cognitive Narratology // Poetics Today. – 1997. – Vol. 18. – № 4. – P. 441–468.

215. *Manfred J.* Windows of Focalization: Deconstructing and Reconstructing a narratological Concept // *Style*. – 1996. – Vol. 30. – № 2. – P. 214–267.
216. *May G.* L'autobiographie. – Paris: Presses Universitaires de France, 1979. – 230 p.
217. *McCarthy J.* Dennett and Ricoeur on the narrative Self. – New-York: Humanity books, 2007. – 299 p.
218. *Mehlman J.* A Structural Study of Authobiography. Proust, Leiris, Sartre, Lévi-Strauss. – London: Cornell University Press, 1974. – 246 p.
219. *Michon H.* La connaissance de soi: un chemin spirituel? // *Corpus*, revue de philosophie. – 2012. – № 63. – P. 83–100.
220. *Miroux J.-P.* L'autobiographie. Écriture de Soi et Sincérité. 3 ed. – Paris: Armand Colin, 2014. – 125 p.
221. *Moessinger P.* Le jeu de l'identité. – Paris: Presses Universitaires de France, 2000. – 171 p.
222. *Molino J.* Logiques de la description // *Poétique*. – 1992. – № 91. – P. 363–382.
223. *Molino J., Lafhail-Molino R.* Homo Fabulator. Théorie et Analyse du Récit. – Leméac: Actes Sud, 2003. – 383 p.
224. *Morărașu N. N.* The Shaping of Narrative Identity through the Act of Naming. – Iași: PIM, 2007. – 367 p.
225. *Neisser U.* Cognition and Reality: Principles and Implications of Cognitive Psychology. – San Francisco: W. H. Freeman, 1976. – 230 p.
226. *Neisser U.* Cognitive Psychology. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1967. – 351 p.
227. *Ouellet P., Harel S., Lupien J., Nouss A.* (éds). Identités narratives. Mémoire et perception. – Québec: Presses de l'Université Laval, 2002. – 323 p.
228. *Perron R.* Les représentations de soi. Développements, dynamiques, conflits. – Toulouse: Privat, 1991. – 255 p.

229. *Petit L.* La mémoire. – Paris: Presses Universitaires de France, 2006. – 126 p.
230. Philosophie de la connaissance. Croyance, connaissance, justification. Textes réunis par J. Dutant, P. Engel. Trad. par E. Bourgonon, A. Brunet, N. Cominotti, J. Dutant, P. Egré, P. Engel, E. Glon, F. Roudaut. – Paris: Vrin, 2005. – 445 p.
231. *Pillemer D. B.* Momentous events, vivid memories // Review of General Psychology. – 2001. – Vol. 5. – № 2. – P. 123–134.
232. *Presser J.* Memoires als geschiedbron // Winkler Prins Encyclopedie. Vol. VIII. – Amsterdam, 1958. – P. 277–282.
233. *Prince G.* A dictionary of Narratology. – Lincoln & London: University of Nebraska Press, 1987. – 118 p.
234. *Prince G.* Narratologie classique et narratologie post-classique, 2006. – URL: <http://www.vox-poetica.org/t/prince06.htm> (дата обращения: 20.02.2018).
235. *Prince G.* Narratology: The form and function of narrative. – Berlin: Mouton, 1982. – 184 p.
236. *Revaz F.* Introduction à la narratologie. Action et narration. – Bruxelles: De Boek Duculot, 2009. – 224 p.
237. *Revel J.-F.* La connaissance inutile. – Paris: Hachette; Pluriel, 1988. – 601 p.
238. *Richardson B.* Unnatural narrative: Theory, History, and Practice. – Columbus: The Ohio State University Press, 2015. – 224 p.
239. *Ricoeur P.* Oneself as Another / Trans. by K. Blamey. – Chicago: The University of Chicago Press, 1992. – 363 p.
240. *Ricoeur P.* Parcours de la reconnaissance. Trois études. – Paris: Stock, 2004. – 387 p.
241. *Ricoeur P.* Réflexion faite. Autobiographie intellectuelle. – Paris: Esprit, 1995. – 115 p.
242. *Ricoeur P.* Soi-même comme un autre. – Paris: Seuil, 1990. – 425 p.

243. *Roberts Ch., Edwards R., Barker L. L.* (eds.). *Intrapersonal Communication Processes*. – Scottsdale: Gorsuch Scarisbrick, 1987. – 150 p.
244. *Rogers C. R.* *Client-Centered Therapy*. – Boston: Houghton Mifflin, 1951. – 560 p.
245. *Rorty A. O.* *Self-deception, akrasia and irrationality // Social science information*. – 1980. – Vol. 16. – № 6. – P. 905–922.
246. *Rosset C.* *Loin de Moi. Étude sur l'Identité*. – Paris: Les Éditions de Minuit, 1999. – 93 p.
247. *Sarbin Th. R.* *The narrative as root metaphor for psychology // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct*. – New York: Praeger, 1986. – P. 3–21.
248. *Savage E. A., Hutt J.* *Old English libraries; the making, collection and use of books during the middle ages*. – London: Methuen & Co. Ltd., 1911. – 298 p.
249. *Schulze W.* (ed.). *Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte*. – Berlin: Akademie Verlag, 1996. – 348 s.
250. *Scholes R., Kellogg R.* *The Nature of Narrative*. – London–Oxford–New York, Oxford University Press, 1968. – 416 p.
251. *Smith S., Watson J.* *Reading Autobiography. A Guide for Interpreting Life Narratives*. – London; Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001. – 296 p.
252. *Snodgrass J. G., Thompson R. L.* (eds.). *The Self across Psychology: Self-Recognition, Self-Awareness, and the Self Concept*. – New York: New York Academy of Sciences, 1997. – 300 p.
253. *Staines J. W.* *The self picture as a factor in the classroom // British Journal of Educational Psychology*. – 1958. – Vol. 28. – № 2. – P. 97–111.
254. *The Attic Nights of Aulus Gellius / With An English Translation*. J. C. Rolfe. – Cambridge Mass: Harvard University Press, London: William Heinemann, Ltd., 1927. – 532 p.
255. *Todorov T.* *Les genres du discours*. – Paris: Seuil, 1978. – 310 p.

256. *Trivers R.* Social Evolution. Menlo Park. – California: The Benjamin/Cummings Publishing Company, Inc., 1985. – 462 p.
257. *Trivers R.* The Folly of Fools: The Logic of Deceit and Self-Deception in Human Life. – New York: Basic Books, 2011. – 416 p.
258. *Tubach Fr.* Index exemplorum. A Handbook of Medieval Religious Tales (FF Communications, № 204). – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1969. – 530 p.
259. *Tulving E.* Episodic and semantic memory // *Tulving E., Donaldson W.* (eds.). Organization of Memory. – New York: Academic Press, 1972. – P. 381–402.
260. *Varela F. J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991. – 308 p.
261. *White M.* Narrative practice with families and children: Externalising conversations revisited // *White M., Morgan A.* (eds.). Narrative therapy with children and their families. – Adelaide Australia: Dulwich Centre Publications, 2006. – P. 1–56.
262. *White M., Epston D.* Narrative Means to Therapeutic Ends. – New York: Norton, 1990. – 256 p.
263. *Zahar E.* Essai d'épistémologie réaliste. – Paris: Vrin, 2000. – 188 p.
264. *Zanone D.* L'autobiographie. – Paris: Ellipses, 1996. – 118 p.